

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019 12 (828)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

12
выпуск 828

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITARIAN SCIENCES

1930

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

12

Issue 828

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ванько Т. Р.

Жанровое разнообразие синтаксиса языка «Твиттера» 9

Власенко С. В.

Грамматическая категория числа и семантика множественности
в англо-русском переводе юридической терминологии 25

Грибанова Т. И.

Хеджирование в англоязычном медицинском дискурсе
(на материале научно-исследовательских статей) 40

Климик В. А.

Поликодовость в художественном тексте:
специфика терминологии 49

Лебедева И. С., Кужевская Е. Б.

Стратегии вежливости в бизнес-коммуникации 62

Маркова Ю. Б.

О распаде индоевропейского языка-основы 74

Попова Е. А.

Пассивные конструкции с дитранзитивными глаголами
в английском языке 82

Романова И. Д.

Особенности рекламных текстов персуазивного характера 97

Сорокина Т. С.

Метафоризация как триггер результативности английских
грамматических конструкций 108

Вареник Е. С.

Функционирование жестов в устном дискурсе
(описание vs. повествование) 120

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Абдуллаева Е. А. гызы

Универсальные и специфические особенности
постмодернистского романа 132

Харыбина М. В.

Особенности рецепции образов русской культуры
Винсентом Ван Гогом (на примере писем о И. С. Тургеневе) 150

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Минасян А. А.

Языковая политика стран Европы в условиях современной
социополитической ситуации 162

Просвирина О. А.

Сербская кириллица как фактор формирования национальной
идентичности сербов 172

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Vanko T. R.</i> Genre-related Syntactical Peculiarities of Twitter Language	9
<i>Vlasenko S. V.</i> Grammatical Category of Number and Semantics of Plurality in the English–Russian Translation of Legal Terminology	25
<i>Gribanova T. I.</i> Hedging in English Medical Research Articles	40
<i>Klimik V. A.</i> Polycodity in Fiction Text: Specific Terminology	49
<i>Lebedeva I. S., E. B. Kuzhevskaya</i> Strategies of Politeness in Business Communication	62
<i>Markova Y. B.</i> On the Decay of Proto-Indo-European	75
<i>Popova E. A.</i> Passive Constructions with Ditransitive Verbs in English	82
<i>Romanova I. D.</i> Persuasive Features of Advertising	97
<i>Sorokina T. S.</i> Metaphorization as Trigger of Resultativeness in English Grammatical Constructions	108
<i>Varenik E. S.</i> Functioning of Gestures in Spoken Discourse (description vs. narration)	120

LITERARY STUDIES

Abdullaeva gyzy E. A.

Universal and Specific Features of Postmodern Novel 132

Kharybina M. V.

Specific Features of Reception of Russian Culture's Images

by Vincent Van Gogh (based on letters about I. Turgenev) 150

CULTUROLOGY

Minasyan A. A.

Language Policy of the EU Countries

in the Current Sociopolitical Situation 162

Prosvirina O. A.

Serbian Cyrillic as a Factor of National Identity of the Serbs 172

УДК 070.447

Т. Р. Ванько

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СИНТАКСИСА ЯЗЫКА «ТВИТТЕРА»

В статье проводится сопоставительный анализ структурно-синтаксических средств, используемых в твиттер-коммуникации двух жанров: в политическом медиадискурсе, представленном «Твиттером» Д. Трампа, и в жанре живого общения на примере «Твиттера» музыкальной знаменитости Леди Гага. Ассортимент вербальных и невербальных средств, употребляемых в указанных жанрах, определяется их интенциональными установками. Политический медиадискурс «Твиттера» характеризуется высокой информативностью и персуазивностью контента. Жанру живого общения в «Твиттере» свойственна скорость, лаконичность и экспрессивность.

Ключевые слова: политический медиадискурс «Твиттера»; живое общение в «Твиттере»; вербальные и невербальные средства твиттер-коммуникации.

T. R. Vanko

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

GENRE-RELATED SYNTACTICAL PECULIARITIES OF TWITTER LANGUAGE

The article reviews the results of comparative analysis of verbal and non-verbal means of Twitter-communication in two genres: Twitter political media discourse aimed at promoting a certain ideology and Twitter live communication whose aim is to share emotions, opinions, and to socialize. Selection of language and non-language in Twitter genres is determined by communicative aims of a genre.

Key words: Twitter political media discourse; Twitter live communication; verbal and non-verbal means of communication.

Введение

Общение в «Твиттере» играет всё большую роль в повседневной жизни общества. Социальная сеть «Твиттера» широко используется не только государственными, коммерческими и некоммерческими организациями, но и массмедиа, публичными персонами и частными лицами, что отражается в жанровом разнообразии твиттер-сообщений. Помимо сообщений личного характера, имеющих целью поделиться новостями, высказать свое мнение или сообщить факт из жизни, в «Твиттере» можно встретить и пресс-релизы официальных представителей правительственных, финансовых и бизнес структур, а также объявления о знакомстве, ироничные инструкции, кулинарные эссе и т. д. [Атягина 2014]. Однако многообразие представленных в «Твиттере» жанров и их специфика остаются до сих пор малоизученными [там же].

Изучение языка «Твиттера» в лингвистике

Подавляющее большинство лингвистических исследований «Твиттера» посвящено описанию его жанрообразующих признаков, выделяющих его среди других видов интернет-коммуникации, таких как общение в чатах, блогах, СМС и email-общение и др.

Так, А. П. Атягина рассматривает дискурсообразующие признаки русскоязычного «Твиттера», относя к ним явление языковой компрессии и хештеги [Атягина 2014]. По мнению автора, в языковой компрессии на графическом, лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях в русскоязычном «Твиттере» наблюдается как сходство с процессами в разговорной речи, так и специфичные черты. А. П. Атягина считает хештеги одним из наиболее характерных средств семантической компрессии в «Твиттере», которое служит для обозначения модели ситуации в целях компрессии, включения в общий контекст, актуализации и экспрессии, самопрезентации и продвижения товаров, услуг и идей.

Наблюдая за синтаксической организацией русскоязычного «Твиттера», исследователь делает вывод о широком распространении синтаксической компрессии и обнаруживает тенденцию к сближению разговорной и письменной речи. Яркой чертой синтаксиса «Твиттера» является наличие лишь одного предикативного центра, минимум

сложных предложений с осложняющими конструкциями. Наиболее типичными для русскоязычного «Твиттера» являются сообщения, схожие с анонсами новостей в виде двусоставных предложений, сообщающих кто, где, когда и что делает (сделал или сделает). А. П. Атягина также отмечает широкое использование номинализации (свертки), позволяющей кратко передать мысль или описать происходящее. Сделанные автором выводы ограничены русскоязычным «Твиттером», замечание о жанровом разнообразии Твиттера и необходимости его изучения не получает дальнейшего развития.

Схожие выводы о синтаксических характеристиках русскоязычного «Твиттера» сделала Е. В. Карнуп, применившая метод корпусной лингвистики для изучения механизмов графематической, лексической и синтаксической компрессии [Карнуп 2015]. По мнению исследователя, целью компрессии, а именно, изменений, ведущих к сокращению объема и упрощению структуры сообщения, является снижение трудоемкости коммуникации и экономия усилий и времени пишущего. Наблюдаемые в русскоязычном «Твиттере» отклонения от норм русского языка происходят, во-первых, вследствие многоязычности электронной коммуникации с доминирующим влиянием английского языка и, во-вторых, вследствие взаимодействия норм устной и письменной речи. Конкуренция норм устной и письменной речи в интернет-коммуникации, а именно, интерактивность, обусловленная новейшими техническими достижениями, сближает письменную речь с устной. Влияние устной речи на письменную выражается в нарушении традиционных норм орфографического, грамматического и синтаксического оформления сообщений, в использовании невербальных единиц. Эти приемы позволяют ускорить и упростить процесс порождения высказывания и поддержать высокий темп общения в «Твиттере». На синтаксическом уровне русскоязычного «Твиттера» наблюдается упрощение и компрессия синтаксических конструкций, использование односоставных предложений и эллипсиса. Е. В. Карнуп полагает, что упрощение структуры предложений в «Твиттере» можно объяснить поликодовостью интернет-коммуникации, т. е. одновременного использования кодов разных семиотических систем: вербальной и невербальной (аудио, визуальной и др.).

Ряд лингвистов изучают специфические черты англоязычного «Твиттера». Так, Н. В. Кобрин в своем исследовании политического

медиадискурса «Твиттера» рассматривает лексико-морфологические и графические маркеры политического медиадискурса «Твиттера» на материале твиттер-сообщений Д. Трампа в период предвыборной кампании [Кобрин 2016]. Н. В. Кобрин приходит к выводу, что в отличие от других медиатекстов в «Твиттере», нарушающих существующие нормы, медиатексты политического медиадискурса максимально следуют правилам синтаксиса в построении речи [Кобрин 2016, с. 26]. Политические аккаунты используют весь набор пунктуационных знаков, максимально точно соблюдая нормы пунктуации и избегая авторской пунктуации. Таким образом увеличивается уровень восприятия политических медиатекстов. Для выражения экспрессивной функции политический медиадискурс «Твиттера» использует восклицательные знаки, цитаты, ссылки и хештеги, избегая употребления эмодзи [Кобрин 2016, с. 24]. Свои наблюдения автор объясняет спецификой политического медиадискурса, основная задача которого – добиться правильного восприятия сообщаемой информации и в конечном счете намеченных политических целей. Однако исследователь ограничивается лишь графическим аспектом политических твиттер-сообщений, не рассматривая синтаксические структуры и не сравнивая политические твиттер-сообщения с медиатекстами других жанров и регистров коммуникации.

Предпринимались попытки уточнить положение медиаблога «Твиттера» в системе других интернет-медиа.

Е. Н. Горошко, относя «Твиттер» к конвергентным медиа, т. е. медиа, сочетающих в себе обычные СМИ, Интернет и средства мобильной связи, сравнивает социальную сеть Facebook, видеоканал U-tube, микроблоггинг Twitter и сервис социальных закладок Delicious с точки зрения таких категориальных признаков, как статичность и динамичность, завершенность, использование гиперссылок, мультимедийность и коммуникативная цель на материале русскоязычных и англоязычных аккаунтов. По мнению лингвиста, развитие технологий влияет как на конвергенцию (сближение) медиасреды, так и на конвергенцию языковых процессов в ней, что проявляется в сближении письменной и устной форм речи, вербальной и невербальной информации, языков (конвергенция кодов, алфавитов и т. д.), коммуникативных ролей и дистанции между автором и читателем, сближение монологической и диалогической речи, синхронных и асинхронных форматов коммуникации [Горошко 2011].

Американский исследователь Юхенг Ху с коллегами провели компьютеризированный сравнительный анализ текстов твиттер-сообщений и текстов СМС сообщений, чатов, имейлов, блогов и электронных версий журнала и новостного агентства «Reuters». Сравнивались использование *и* и *i* для обозначения местоимений *you* и *I*, частотность слов (использование высокочастотных разговорных слов и слов более сложного характера менее частотных в разговорной речи), лексическая плотность (количество информативно нагруженных слов), употребление личных местоимений (*I, you, he, she, it*), усилителей (*so, really, very*) и способов выражения будущего (*going to, gonna, shall, will*), а также проводился анализ объема используемой экспрессивной и когнитивной лексики [Hu Yuheng, Karter Talamadupula, Subbarao Kambhampati 2013, с. 249]. Компьютеризированная обработка данных показала, что язык «Твиттера» отличается от языка других интернет-медиа и является новым типом интернет-коммуникации, стоящим ближе к традиционной письменной речи, чем к разговорной речи как, например, СМС и чаты, хотя и обладает их краткостью и интерактивностью. Авторы отмечают превалирующую в «Твиттере» тенденцию к использованию стандартных грамматических конструкций и лексических единиц [там же, с. 252]. Языковая система «Твиттера» гораздо более стандартная и формальная, чем у сообщений СМС и чатов, и схожа в большей степени с языком e-mail и блогов, нежели онлайн-газет. Большой объем экспрессивной (с положительной коннотацией) лексики и меньшее количество когнитивной лексики «Твиттера» свидетельствует о том, что пользователи «Твиттера» направлены скорее на формирование мнений о сообщаемых идеях или явлениях, чем на создание самих идей [там же, с. 253]. Выводы авторов небезынтересны, однако, как они отмечают, корпус языкового материала из Твиттер-аккаунта отбирался без учета жанрового регистра [там же, с. 245].

Как можно понять из вышесказанного, языковое своеобразие «Твиттера» привлекает внимание исследователей, однако основной акцент делается на сопоставлении языковой системы «Твиттера» и других социальных медиа. Недостаточное внимание уделяется описанию различных жанров «Твиттера», хотя неоднократно указывалось на необходимость такого исследования [Атягина 2014; Hu Yuheng, Karter Talamadupula, Subbarao Kambhampati 2013].

Сопоставительный анализ твиттер-сообщений различных жанров

Нашей целью являлось сопоставление ассортимента синтаксических средств, используемых в твиттер-сообщениях различных жанров для выяснения их сходства и различия. Сравнение проводилось на материале твиттер-сообщений двух ярких представителей разных групп пользователей: политиков и известных лиц (селебрити). Для этой цели мы выбрали американского президента Дональда Трампа¹, признанного приверженца «Твиттера», и американскую певицу Леди Гага² в качестве представителя музыкальной элиты. Оба активно используют «Твиттер» для общения со своей аудиторией. Д. Трамп пользуется «Твиттером» с марта 2009 г. и у него на конец апреля 2019 г. 59,9 млн подписчиков (*Donald J. Trump@realDonaldTrump*). Леди Гага зарегистрировалась в «Твиттере» на год раньше, в марте 2008 г., и насчитывает 78,5 млн подписчиков, что больше, чем у Д. Трампа в 1,3 раза (*Lady Gaga@ladygaga*). Сопоставление количества твитов показало гораздо более высокую активность Д. Трампа в твиттер-коммуникации. За указанный период (с марта 2009 г. по конец апреля 2019 г.) он опубликовал 41,5 тыс. твитов, в то время как Леди Гага, пользующаяся «Твиттером» на год дольше, опубликовала 8949 твитов, т. е. в 4,6 раза меньше.

Для сравнения синтаксической структуры языка «Твиттера» двух пользователей мы отобрали равное количество твитов каждого пользователя: 40 твитов Д. Трампа, опубликованных за четыре дня с 26 апреля по 29 апреля 2019 г., и 40 твитов Леди Гага за 122 дня с 31 декабря по 30 апреля 2019 г. Как видно из нашей выборки, Президент США пользовался «Твиттером» в указанный период в 30 раз чаще, чем звездная представительница музыкальной элиты.

Статистические подсчеты общего количества предложений в сроках твитах каждого из коммуникантов показали, что твиты Д. Трампа содержат в 1,2 раза больше предложений, чем твиты Леди Гага (88 и 70 предложений соответственно).

Далее мы сопоставили длину твитов указанных пользователей, учитывая количество предложений в каждом твите. Наши данные свидетельствуют о тенденции Д. Трампа публиковать твиттер-сообщения,

¹ См.: twitter.com/realdonaldtrump (дата обращения: 26.04.2019–28.04.2019).

² См.: twitter.com/ladygaga (дата обращения: 31.12.2018–30.04.2019).

состоящие из одного или двух предложений (здесь и далее орфография и пунктуация автора сохранена):

The New York Times has apologized for the terrible Anti-Semitic Cartoon, but they haven't apologized to me for this or all of the Fake and Corrupt news they print on a daily basis. They have reached the lowest level of "journalism," and certainly a low point in @nytimes history! (@realDonaldTrump, 29 апреля 2019).

Леди Гага в равной степени часто использует сообщения, содержащие от одного до пяти предложений. Кроме того, в ее твит-аккаунте зафиксировано сообщение из семи коротких предложений:

It is hard to be a woman in this industry. What it takes, how hard we work through the disrespectful challenges, just to make art. I love you Cardy. You deserve your awards. Let's celebrate her fight. Lift her up @ honor her. She is brave (@ladygaga, 13 февраля 2019).

Автор намеренно использует короткие предложения, так как их употребление в «Твиттере», допускающем лишь 140 символов в сообщении, повышает скорость коммуникации и восприятия, при этом снижая ее трудоемкость.

Намерением облегчить как процесс порождения твиттер-сообщения, так и его восприятия, объясняется активное применение в «Твиттере» обоими пользователями паралингвистических средств: фото, видео, эмотиконов и элементов метаграфимики (термин П. Б. Паршина [Паршин URL]). Сочетание вербального кода с кодами паралингвистических семиотических систем ускоряет и повышает эффективность коммуникации, поскольку замечено, что информационная и прагматическая емкость невербальных средств выше, чем у вербальных [Паршин URL; Карнуп 2015].

Оба автора используют в своем «Твиттере» фото- и видеоизображения. В твиттер-сообщениях Леди Гага встретились 25 фото и 2 видео. Американский президент также иллюстрирует информацию фото (10 фото) и видео (1 видео), однако в два раза реже, чем Леди Гага. Следует отметить более активное размещение фотоматериалов в «Твиттере» Д. Трампом по сравнению с размещенными годом ранее [Ванько 2018]. Это говорит о том, что политик – пользователь «Твиттера», следует современным тенденциям визуализации интернет-

общения в расчете на привлечение внимания молодежной аудитории, составляющей большинство пользователей социальных сетей. В нашем материале фото- и видеоконтент выполняет информативную функцию, т. е. информирует читателей о том, как выглядит та или иная ситуация. В некоторых случаях фото, опубликованные Леди Гага, используются ею в целях самопрезентации в социальной Сети. Сюда можно отнести фото постера нового альбома (от 01.03.2019) и фото звезды на церемонии вручения ей премии Грэмми (от 28.02.2019).

Отличительной чертой твитов музыкальной знаменитости является использование разнообразных эмодиконов (чаще с положительной коннотацией). Они встретились в 24 твитах Леди Гага, а иногда повторяются несколько раз подряд друг за другом. Дважды из сорока случаев твит Леди Гага состоял лишь из эмодикона положительной оценки и следующего ниже фото, изображающего вручение певице премии Грэмми. Это подтверждает креолизованность или поликодовость коммуникации в «Твиттере», где сочетаются два компонента: вербальный и невербальный (принадлежащий другим знаковым системам – аудио и визуальной) благодаря возможности в результате развития программного обеспечения добавлять аудио- и видеофайлы к электронным текстам [Валгина 2011, с. 127; Карнуп 2015]. Употребление невербальных средств дает возможность сократить и упростить вербальную часть сообщения при установленном в «Твиттере» ограничении в 140 символов, поэтому в своих твитах Леди Гага часто пользуется короткими предложениями. Более того, невербальные средства (фото, видео и эмодиконы) упрощают процесс восприятия сообщения пользователями, так как визуальные и аудиообразы делают коммуникацию более наглядной.

Как видно из нашего материала, музыкальная знаменитость, являющаяся ярким представителем более молодого поколения 30-летних, стремится использовать минимум вербальных средств для передачи не только информации (заменяет ее фото), но и своего эмоционального состояния (выражает эмодиконами), что позволяет ей экономить усилия при порождении сообщения, так как ускоряет и упрощает этот процесс и тем самым поддерживает высокий темп общения в «Твиттере».

Обилие эмодиконов, считающихся средством выражения экспрессивности, в твитах Леди Гага является показателем высокого уровня эмоциональности ее сообщений. Однако не следует полагать, что

«Твиттер» Д. Трампа лишен эмоциональной окраски из-за того, что политик не использует эмодзи (в нашей выборке они не встретились ни разу). Можно объяснить нежелание президента употреблять эмодзи более официальным регистром коммуникации, а также более возрастной категорией как автора, так и пользовательской аудитории. Для придания эмоциональности своим сообщениям Д. Трамп использует восклицательные предложения, также являющиеся инструментом экспрессивного синтаксиса. По мнению ученых, восклицательный знак служит не только способом выражения эмоционального состояния отправителя, но и средством воздействия на аудиторию [Горошко, Полякова 2013; Паршин; Кобрин 2016, с. 17; Ванько 2018:91; Hu Yuheng, Karter Talamadupula, Subbarao Kambhampati 2013, с. 249]. В нашей подборке Д. Трамп использовал восклицательные предложения 26 раз, что более чем в два раза превышает число восклицательных предложений в твитах Леди Гага (11 случаев), которая предпочитает другое средство экспрессивного синтаксиса – эмодзи, позволяющие избегать набора на клавиатуре вербальной части восклицательного предложения. Политик употребляет восклицательный знак в двух случаях: для придания эмоциональной окраски своим оценочным суждениям и для усиления значения побуждения в побудительных предложениях, призывающих к действию. Далее приведем твит Д. Трампа от 28.04.2019, в котором он высказывает положительную оценку экономических достижений страны в форме восклицательного предложения.

Pittsburgh jobless rate hits lowest point since the early 1970s and Sleepy Joe just had his first rally there. Fact is, every economic aspect of our Country is the best it has ever been! (@realDonaldTrump, 28 апреля 2019).

В «Твиттере» Д. Трампа отмечается использование заглавных букв для создания большей напряженности при передаче эмоций и интонации живой речи или для обозначения логического ударения при выделении определенной информации.

Importantly, inflation VERY LOW. MAKE AMERICA GREAT AGAIN! (@realDonaldTrump, 26 апреля 2019).

Как указывают исследователи, средства метаграфимики, в частности супраграфимики (выбор шрифтовых гарнитур, средств шрифтового

выделения – курсив, подчеркивание, разрядка, использование прописных букв, варьирование насыщенности и размера шрифта), являясь невербальными средствами коммуникации, апеллируют к эмоциональным ассоциациям и оказывают усиленное воздействие на читателей [Горошко, Полякова 2013; Паршин; Карнуп 2015].

Анализируемые твиты обоих авторов характеризуются интертекстуальностью, т. е. связями с предшествующими и последующими текстами [Карнуп 2015], проявляющейся в наличии ретвитов и цитат с добавлением собственного комментария. Леди Гага использовала ретвиты в два раза чаще (14 ретвитов), чем Д. Трамп (шесть ретвитов). В случае Леди Гага – это ретвиты поздравлений от ее коллег по поводу вручения ей премии «Оскар», а в «Твиттере» Д. Трампа это ретвиты официального твит-аккаунта Белого Дома, японского президента и Меланьи Трамп. Ретвиты доказывают включенность твитов авторов в широкую сеть онлайн-коммуникации. Их твиттер-сообщения являются реакцией и насыщены ссылками на предшествующие сообщения, а вновь созданные тексты составляют основу будущих. Соответственно, их твиттер-сообщения постоянно соотносятся с другими твитами, ведут с ними диалог, ориентируясь на контекст. Более того, возможности сетевой коммуникации позволяют ссылаться на любые ресурсы и страницы сети Интернет и другие социальные сети. Цитирование твита с добавлением собственного комментария в рамках того же сообщения, а также чтение всей развернувшейся дискуссии можно рассматривать как способ работать с информацией в интернет-пространстве.

Итак, можно сделать вывод о поликодовом характере «Твиттера» политика и знаменитости, так как оба автора прибегают к использованию вербальных и невербальных средств общения (фото и видео, эмодиконы, восклицательные знаки, средства супраграфемики), однако ассортимент невербальных средств различается. Политик не употребляет эмодиконы, предпочитая вербальный способ выражения эмоций и оценок, а экспрессивность передает восклицательными знаками и заглавными буквами. Это наблюдение подтверждает гипотезу о нетипичности эмодиконов для политического медиадискурса «Твиттера» [Горошко, Полякова 2013]. Музыкальная звезда, наоборот, либо замещает вербальное обозначение эмоций эмодиконами, либо укорачивает употребляемые предложения для упрощения коммуникации.

Сравним структурные типы предложений в твитах Д. Трампа и Леди Гага. Оба коммуниканта демонстрируют схожую тенденцию употреблять простые предложения, чтобы сделать твиты лаконичными и легкими в порождении и восприятии. В анализируемых сообщениях Д. Трампа простые предложения составили 62,5 %, а в «Твиттере» Леди Гага – 57 % всего корпуса предложений. Однако наблюдаются некоторые различия. Леди Гага пользуется простыми нераспространенными предложениями, в то время как политик прибегает к использованию простых распространенных предложений с второстепенными членами, уточняющими подробности описываемой ситуации. Такая языковая стратегия объясняется особенностями коммуникативного пространства и целевой аудитории. Политик строит виртуальный диалог с пользователями, вовлеченными или интересующимися политическими вопросами, поэтому политический медиадискурс гораздо более информативен, чем бытовое общение в «Твиттере», что очевидно на примере музыкальной знаменитости, которая использует «Твиттер» как способ поделиться личными успехами, выразить благодарность поклонникам или заявить о выпуске нового музыкального альбома. Для сравнения:

The Democratic National Committee, sometimes referred to as the DNC, is again working its magic in its quest to destroy Crazy Bernie Sanders (@realDonaldTrump, 28 апреля 2019).

I'm not gonna be able to wear any makeup tonight. We just won our first of Grammy nominations for the night. I'm in tears with honor and gratitude (@ladygaga, 10 февраля 2019).

Необходимость сообщить как можно больше деталей об описываемом факте или событии в рамках ограниченного объема твиттер-сообщения вынуждает политика пользоваться эллиптическими предложениями, которые являются средством экономии, а не намеренным нарушением грамматических норм. Эллиптические структуры составляют почти половину всех простых предложений в нашей выборке твитов Д. Трампа. Чаще всего автор опускает подлежащее или подлежащее вместе со вспомогательным глаголом-частью сказуемого, которые легко восстанавливаются из контекста. Например, в следующем твиттер-сообщении в первом предложении опущено подлежащее,

выраженное личным местоимением *I*, во втором пропущено подлежащее (местоимение *I*) и часть глагольного сказуемого (вспомогательные глаголы *will be*), а в последнем – местоимением *it*.

Will be interviewed by @MariaBartirolo on @FoxNews at 10:00 AM. Talking about the Southern Border and how the Dems MUST act fast to change our pathetic immigration laws. Will be tough, watch! (@realDonaldTrump, 28 апреля 2019).

Зарегистрированы случаи пропуска артикля:

Fact is, every economic aspect of our Country is the best it has ever been! (@realDonaldTrump, 28 апреля 2019).

Наши данные о распространенности эллиптических предложений в политическом медиадискурсе «Твиттера» подтверждают выводы других исследователей [Горошко, Полякова 2013]. Тенденция к экономии языковых средств в «Твиттере» объясняет использование эллиптических конструкций – важного языкового средства экономии усилий и пространства, при этом отражающего эмоциональное состояние пользователя и имитирующего живую разговорную речь.

Напротив, для Леди Гага нехарактерно употребление эллиптических предложений, так как она широко использует эмодзи и буквенно-слоговой способ написания слов (*u* вместо *you*) для экономии пространства, а также времени при создании твита.

Различие в использовании эллиптических предложений в твитах Д. Трампа и Леди Гага можно объяснить тем фактом, что политический дискурс «Твиттера» носит информативный характер и направлен на политически ориентированного массового пользователя, на достижение определенной политической цели, продвижение своей политической платформы, формирование политического имиджа. Основной функцией политического «Твиттера» является информативная, а коммуникативная играет второстепенную роль. Очевидно, что в «Твиттере» Д. Трампа действие закона экономии усилий, ведущее к замене вербальных средств коммуникации невербальными (видео, фото и эмодзи), нивелируется стремлением пользователя к точности передачи информации и реализации побудительной функции.

«Твиттер» селебрити также имеет массовую аудиторию читателей, однако в этом жанре коммуникативная функция является основной,

так как общение носит бытовой характер, направленный на удовлетворение своей потребности в общении, на обмен мнениями, эмоциями, фактами из личной жизни, выражение благодарности. Информативная функция отходит на второй план. Непринужденность общения музыкальной знаменитости выражается в большом количестве фото и эмодзи, заменяющих вербальное описание событий и эмоций. Визуальные средства экономят усилия на порождение твита автором, связанные с особенностями набора на клавиатуре, и на восприятие аудиторией пользователей, так как визуальные образы воспринимаются быстрее и легче. Таким образом значительно увеличивается скорость твиттер-коммуникации, по своей спонтанности приближающейся к разговорной речи.

Выводы

Рассмотрение твиттер-аккаунтов двух ярких представителей разных групп пользователей (политика и музыкальной знаменитости), а соответственно, и разных жанров твит-коммуникации показало, что представитель политической элиты пользуется «Твиттером» гораздо чаще. Для него социальная сеть служит платформой для продвижения своей политики посредством информирования и убеждения своей пользовательской аудитории. Музыкальная селебрити пользуется «Твиттером» значительно реже и в основном в целях непринужденного общения со своими фолловерами. Различные коммуникативные цели твит-коммуникации отражены в наборе используемых средств. Твиттер американского президента представляет собой пример политического медиадискурса, основной задачей которого является информирование и убеждение аудитории [Ванько 2018, с. 100]. Желанием правильно сформулировать и донести до читателя свою позицию можно объяснить преобладание вербальных средств коммуникации в политическом медиадискурсе «Твиттера». Ввиду ограничения объема твиттер-сообщения 140 символами в политическом медиадискурсе большинство твитов содержат одно или два предложения. Характерно использование простых предложений, почти половина из которых являются эллиптическими. Эллипсис подлежащего или части сказуемого ведет к уменьшению длины твиттер-сообщения и экономии усилий на его порождение. Для усиления побудительной интенции, а также для придания большей эмоциональности

и выразительности в политическом медиадискурсе Д. Трампа используются супраграфемные средства и средства экспрессивного синтаксиса. Нами выявлена тенденция политического медиадискурса к использованию паралингвистических средств в виде фото- и видеоизображений, а также отмечается интертекстуальность политического медиадискурса, включающего ссылки на сообщения других пользователей.

«Твиттер» Леди Гага служит примером жанра живой твиттер-коммуникации, т. е. общения с фанатами, фолловерами, слушателями и друзьями. Коммуникативная функция здесь преобладает над информативной. Цель коммуниканта – описать свое состояние, поделиться чувствами и переживаниями, отблагодарить и поздравить. Спонтанность и живой эмоциональный характер такого интернет-общения приводит к обилию паралингвистических средств, таких как эмодзи, фото- и видеоизображения, упрощающих процесс набора твита на клавиатуре и ведущих к экономии времени как на порождение, так и на восприятие сообщения. Большое количество паралингвистических средств в жанре живой твиттер-коммуникации делает общение наглядным и динамичным. Для него также характерна высокая интертекстуальность, опора на ретвиты других пользователей. Применение паралингвистических средств позволяет упростить вербальную часть сообщения. Количество предложений в твите может варьироваться от одного до семи без видимого предпочтения. Преобладают структурно полные простые предложения. Эллипсис как средство экономии пространства используется мало, так как его функцию выполняют эмодзи. Нами не выявлено отклонение от существующих языковых норм, что подтверждает результаты других исследований [Hu Yuheng, Karter Talamadupula, Subbarao Kambhampati 2013].

Итак, сопоставительный анализ структурно-синтаксических средств «Твиттера» в жанрах политического медиадискурса и бытовой коммуникации выявил как сходство, так и различия, вытекающие из основных задач каждого из двух жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 24 с.
Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 191 с.

- Ванько Т. Р. Синтаксические характеристики политического медиадискурса «Твиттера» // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 15 (810). С. 88–101. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/15_810.pdf.
- Горошко Е. И. Функционирование текста в среде конвергентных медиа // Гипертекст как объект лингвистического исследования : материалы II Междунар. конф., 18–20 октября 2011. Самара : ПГСГА, 2011. С. 22–40. URL : www.textology.ru/article.aspx?aId=233.
- Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Политический твиттинг как жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2013. № 19. URL : www.textology.ru/article.aspx?aId=245.
- Карнун Е. В. Многоязычная коммуникация в сети Интернет как сфера реализации механизмов компрессии сообщений : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 24 с.
- Кобрин Н. В. Медиатексты «Твиттера» в когнитивном аспекте (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 28 с.
- Паршин П. Б. Речевое воздействие // Энциклопедия Кругосвет : универсально-научная энциклопедия. URL : www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html.
- Hu Yuheng, Karter Talamadupula, Subbarao Kambhampati. Dude, srsly?: The Surprisingly Formal Nature of Twitter's Language // Proceedings of the Seventh International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. 2013. P. 244–253. URL : www.aaai.org/ocs/index.php/AAAI/ICWSM13/schedConf/presentations.

REFERENCES

- Atjagina A. P. Twitter kak novaja diskursivnaja praktika : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2014. 24 s.
- Valgina N. S. Teorija teksta. M. : Logos, 2003. 191 s.
- Van'ko T. R. Sintaksicheskie harakteristiki politicheskogo mediadiskursa «Tvittera» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 15 (810). S. 88–101. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/15_810.pdf.
- Goroshko E. I. Funkcionirovanie teksta v srede konvergentnyh media // Gipertekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija : materialy II Mezhdunar. konf., 18–20 oktjabrja 2011. Samara : PGSGA, 2011. S. 22–40. URL : www.textology.ru/article.aspx?aId=233.
- Goroshko E. I., Poljakova T. L. Politicheskij tvitting kak zhanr internet-kommunikacii // Voprosy psiholingvistiki. 2013. № 19. URL : www.textology.ru/article.aspx?aId=245.

- Karnup E. V.* Mnogojazychnaja kommunikacija v seti Internet kak sfera realizacii mehanizmov kompressii soobshhenij : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2015. 24 s.
- Kobrin N. V.* Mediateksty «Twittera» v kognitivnom aspekte (na materiale anglijskogo jazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2016. 28 s.
- Parshin P. B.* Rechevoe vozdejstvie // Jenciklopedija Krugosvet : universal'no-nauchnaja jenciklopedija. URL : www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html.
- Hu Yuheng, Karter Talamadupula, Subbarao Kambhampati.* Dude, srsly?: The Surprisingly Formal Nature of Twitter's Language // Proceedings of the Seventh International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. 2013. P. 244–253. URL : www.aaai.org/ocs/index.php/AAAI/ICWSM13/schedConf/presentations.

УДК 81'276.6:34

С. В. Власенко

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка как второго иностранного
переводческого факультета Московского государственного лингвистического
университета; доцент кафедры английской филологии лингвистического
факультета Российского государственного социального университета;
e-mail: svetsign@gmail.com

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА И СЕМАНТИКА МНОЖЕСТВЕННОСТИ В АНГЛО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье анализируются альтернативные способы объективации категории числа и, в частности, семантики множественности в английском и русском языках, обслуживающих сферу права. Приводятся примеры терминологии из разных отраслей юриспруденции, которые иллюстрируют расхождения форм передачи значений множественного числа и сложности реализации семантики квантификации в англо-русском юридическом переводе. Для анализа семантики множественности привлечен аппарат теории референции.

Ключевые слова: англо-русский юридический перевод; грамматические аспекты перевода; категория числа; множественное число; референциальная доступность; референциальная пресуппозиция; референциальное тождество; семантика квантификации; семантика множественности; юридическая терминология.

S. V. Vlasenko

Ph.D. (Linguistics), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of English as a Second Foreign Language,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
Associate Professor at the Department of English Philology, Faculty of Linguistics,
Russian State Social University; e-mail: svetsign@gmail.com

GRAMMATICAL CATEGORY OF NUMBER AND SEMANTICS OF PLURALITY IN THE ENGLISH–RUSSIAN TRANSLATION OF LEGAL TERMINOLOGY

The article features alternative ways of objectivizing the grammatical category of number and, more specifically, the semantics of plurality, in the English and Russian languages servicing the law. Examples of legal terminology from various branches of the law are indicative of non-similar ways the meaning of plurality is conveyed in English–Russian legal translation and of the challenges associated with denoting quantification semantics. The analysis of semantics of plurality draws on the reference theory.

Key words: Russian–English legal translation; grammatical aspects of translation; category of number; plural; referential accessibility; referential presupposition; referential identity; quantification semantics; semantics of plurality; legal terminology.

Введение

Стремительная информатизация всех сфер экономической и общественной деятельности и ее юридическое закрепление содействуют широкому распространению правовых знаний не только у специалистов информационно-технологической сферы и юристов, специализирующихся на информационном праве и праве интеллектуальной собственности, но и у специалистов в других областях, не сопряженных с названными. Усложнение контекстов: и жизненных, и профессиональных – неизбежно приводит к повышению уровня правовых знаний и овладению современным языком права, вследствие чего правовое сознание развивается у лиц разного возраста. Это выдвигает требования к лингвистам в освоении новых лексических пространств, порожденных временем, а также в исследовании и описании языковых фактов, называющих новые явления и реалии, формирующиеся технологии и соответствующий им понятийный аппарат. Этим объясняется актуальность настоящей статьи, посвященной современной юридической терминологии в аспекте перевода на русский язык.

Не будет преувеличением утверждать, что употребление английских существительных в форме множественного числа, не относящихся к категории *pluralia tantum*, переживает беспрецедентный период расцвета, учитывая частотность их использования и в общезыковом пласте лексики, и в специальных языках. Если посмотреть на такие частотные существительные, как *practice, experience, arrangement, capability, talent*, семантика которых попадает под определение *широкозначной*, то нетрудно убедиться в их преобладающем употреблении в форме множественного числа: *practices, experiences, arrangements, capabilities, talents*. При этом речь идет не только о медийном, политическом или ином доступном для всеобщего восприятия дискурсе, а именно о специальных видах дискурсов – финансово-экономическом, юридическом и др., которыми наполнен язык теле- и радиовещательных компаний, сайтов, форумов и социальных сетей. Важно отметить, что в большинстве примеров англо-русского перевода вышеназванных лексем русскоязычные варианты остаются со значением

единичности: *practices* – практика, установленный порядок, режим; *experiences* – опыт¹ (жизненный, профессиональный); опытность; опыт (стаж) работы, *arrangements* – организация (в смысле подготовительных мер, не как институциональная единица), *capabilities* – потенциал, *talents* – группа или контингент высокопрофессиональных работников (специалистов, экспертов). Характерно, что названные лексемы со значением множественности нередко встречаются в названиях законов, например в названии Федерального закона США (1978) *Fair Debt Collection Practices Act* – «О добросовестной практике взымания долгов» [АВВУУ-6 2014].

Учитывая сказанное, целью настоящей статьи является рассмотрение семантики множественности на ряде примеров английской юридической терминологии с маркированными граммемами множественного числа, а также анализ особенностей употребления и передачи их значений в переводе на русский язык, предполагающий несохранение значений множественности.

1. Категория числа как объект исследования

Среди отечественных лингвистов существует устойчивое мнение, согласно которому категория числа относится к грамматическим категориям. Согласно В. А. Виноградову, число – грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли [Виноградов 1990, с. 583]. Рассуждая о категории числа в контексте грамматических категорий разных частей речи, Ю. С. Маслов справедливо отмечает: «Содержание категории числа составляют количественные отношения, отраженные сознанием человека и формами языка» [Маслов 1987, с. 159]. Между тем В. Б. Касевич относит категорию числа существительного к семантико-морфологическим категориям, утверждая, что словоформы этой категории определяются непосредственно элементами семантического представления высказывания [Касевич 1988, с. 179]. Однако Баранов и др. относят категорию числа к лексико-грамматическим категориям [Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике 2003, с. 252]. Представляется, что пучок семантических свойств, присущих категории числа в ее

¹ В этом примере использование множественного числа в русском языке приведет к «опытам», т. е. *experiments* (досл. 'эксперименты'), что семантически не тождественно *experiences*.

двоичной парадигме – единственное / множественное число, имеет не резко очерченные, а условные границы. Это предопределяет сложность этой категории как объекта исследования в парадигме теоретической грамматики и переводоведения, что особенно рельефно выступает в англо-русском переводе.

В целях нашей статьи важно мнение В. Д. Аракина, согласно которому для русского языка характерно «глубокое проникновение категории числа во все части речи», в то время как в английском языке «категория числа представлена только в системе имени существительного» [Аракин 1979, с. 119]. В этом кроется одна из основных причин нерутинных межъязыковых переходов в рассматриваемой языковой паре при передаче в переводе количественных отношений, или семантики квантификации, между предметами, явлениями, процессами, событиями или состояниями.

2. Словоформы со значением множественного числа в юридическом английском

Полагаем своевременным описать явление формальной грамматикализации семантики множественности в юридическом английском и отсутствие соответствующих словоформ в юридическом русском языке. Аффикация множественности, предсказуемо образуемая в английском языке суффиксами *-es* и *-s*, выступает как формальная в целом ряде случаев употребления английской юридической терминологии. Исключение составляют следующие пласты лексики: (1) пласт латинизмов типа *forum* – *fora* (в ед. ч.: суд; юрисдикция)¹, (2) терминологические лексемы с предметным и непредметным значением, не имеющие формы множественного числа, как, например, *interest* – проценты (по банковскому займу); имущественные права [Факов 2011, т. 1, с. 358]; *yield of bonds* – проценты по облигациям [Пивовар 2003, с. 860], а также (3) терминологические лексемы с предметным и непредметным значением, не имеющие форм единственного числа, например, *havings* – имущество, собственность [Факов 2011, т. 1, с. 321]; *holdings* – имущество; собственность [там же, с. 326]; *superficies* – право собственности на строения, находящиеся на чужой земле [Пивовар 2003, с. 773]; *immovables* – недвижимость,

¹Здесь и далее по тексту значения терминов приводятся на основе использования следующих отраслевых словарей: [Пивовар 2003; Факов 2011; АВВУУ-6 2014].

недвижимая собственность; *movables* – движимость, движимое имущество [АВВУУ-6 2014] и многие другие.

2.1. Семантика множественности юридической терминологии

Обращает на себя внимание отсутствие исследований переводоведами названных выше лексических пластов в части грамматикализованно представленной семантики множественности (см., например, [Грамматические аспекты 2010; Татаринов 2007]). В публикациях по переводу общие аспекты грамматики затрагиваются достаточно формально, не претендуя на комплексный охват основных грамматических категорий. Это обстоятельство может, по-видимому, свидетельствовать либо о недопонимании исследователями актуальности проблемы, либо о сложности объекта исследования. Аналогичного мнения придерживается И. С. Алексеева, которая утверждает, что «в большинстве современных теоретических работ и пособий по теории перевода грамматические проблемы вообще не выделяются» [Алексеева 2004, с. 201].

Отметим, что И. С. Алексеева – одна из немногих исследователей-переводоведов, которая посвятила главу грамматическим проблемам перевода, однако в ней ставятся лишь самые общие проблемы, которые не касаются языков для специальных целей. Справедливости ради укажем, что этот исследователь выделяет среди грамматических проблем перевода категорию числа имени существительного, но иллюстрирует эту категорию одновременно примерами из английского и немецкого языков, упуская должное теоретическое обоснование [Алексеева 2004, с. 214–215]. Несмотря на определенную тезисность рассмотрения категории числа в аспекте общих переводческих проблем, И. С. Алексеева небезосновательно полагает, что если для перевода существительных, имеющих в исходном языке лишь один разряд категории числа, одну парадигму, т. е. *pluralia tantum* и *singularia tantum*, переводчику достаточно языковой компетентности, то для целого ряда существительных употребление числа обусловлено традицией [Алексеева 2004, с. 214].

Следует согласиться с мнением И. С. Алексеевой также и в том, что «наличие такого рода традиций связано прежде всего с условностью и размытостью семантических границ между формами

множественного и единственного числа, а также способностью форм единственного числа выражать семантику собирательности, обобщенности и множественности. Исходя из этого, существительному множественного числа в языке оригинала может традиционно соответствовать форма единственного числа в языке перевода [Алексеева 2004, с. 214].

В тех работах, где предпринимаются попытки рассмотрения специальных видов перевода и, соответственно, языков для специальных целей, грамматические аспекты смешаны с синтаксическими, а явления грамматики, предложенные сразу для всех западноевропейских языков, описаны настолько схематично, без должного анализа, что это лишает их объяснительной силы и исключает целесообразность их изучения (см., например, [Левитан 2011, с. 79–89]).

2.2. Неправильные (нерегулярные) формы множественного числа

Укажем на американского лингвиста С. Пинкера, который полагает, что употребление неправильных (нерегулярных) форм множественного числа в английском языке обусловлено характером самого понятия «множественность», которое, по его мнению, вовсе не однозначно. Ссылаясь на традиционное понимание множественности как наличия предметов / вещей, явлений или процессов в количестве «более одного», он полагает, что вещи, явления и процессы могут формировать свои множества по-разному [Pinker 1999, с. 174]. Небезынтересно отметить, что основной исследовательский интерес С. Пинкера заключается в стремлении описать употребление форм множественного числа в современных номинативных конструкциях, как, например, *admissions committee; claims applications; injuries report; publications catalogue; records department; skills gap* и др. [там же, с. 181]. Однако, фактически демонстрируя примеры непосредственно из языков для специальных целей, американский лингвист оставляет это грамматическое явление без анализа.

3. Формы объективации грамматических значений множественного числа в юридическом английском и русском

Среди большого числа расхождений, объективно существующих между системными признаками языков разного строя, можно выделить

проблему несоответствия форм, выражающих категорию числа. Справедливости ради отметим, что примеры несоответствия форм единственного и множественного числа в русском и английском языках можно встретить не только в юридическом английском, но и в других отраслевых языках, например:

- *комбинат* (как завод полного цикла) – *integrated works*;
- *water utilities* – водопроводное хозяйство;
- *anti-inflation package* – предлагаемые меры по борьбе с инфляцией; комплекс антиинфляционных мер;
- *wage arrears* – задолженность по заработной плате.

3.1. Референциальная доступность

Референциальная семантика юридических терминов объективируется в текстах далеко не рутинно. Так, семантика множественности термина из сферы корпоративного управления и предпринимательского права *takeovers* объективируется таким образом, что он способен принимать одно из трех следующих значений: (а) взятие под свой контроль и управление; (б) отчуждение собственности в пользу государства; (в) поглощение компании, слияние компаний [АВВУУ-6 2014]. Даже поверхностный анализ русскоязычных соответствий достаточен, чтобы понять малую референциальную доступность, высокую контекстную зависимость термина и большой интерпретационный потенциал каждого из трех предложенных вариантов объективаций, ни один из которых не связан напрямую с семантикой множественности.

Наглядным примером служит бухгалтерский термин *books* (*бухгалтерская книга*). При всей референциальной доступности данного понятия, обращает на себя внимание синонимический ряд: *book*, *book of record*, *book of account*, *accounting book*, *balance book*, *ledger*, *accounting ledger* и др. [там же]. Отметим, что в приведенном синонимическом ряду определяемыми терминами являются *book* и *ledger* в формах единственного числа, в то время как в юридическом и финансовом английском чаще используется лексема множественного числа *books*.

Приведенные выше и аналогичные примеры иллюстрируют расхождения в формах объективации грамматических значений числа в английском и русском юридических языках.

3.2. Референциальная пресуппозиция

Собирательные терминологические лексемы демонстрируют интересные примеры несовпадений профессионального опыта и картины мира, закрепленные в английском и русском юридических языках, по способам объективации семантики множественности. Особенно интересны такие случаи несовпадений множественного числа в юридическом английском и русском языках, когда в английском используется монологемное (однословное) понятие, а в русском – полилексемное (несколькословное). Следующие примеры позволяют наглядно показывать неочевидность пресуппозиций в приведенных переводческих соответствиях, а также разные способы фиксации семантики квантификации – множественного в английском и единственного – в русском:

- *fixtures* – движимое имущество, соединенное с недвижимым; недвижимый инвентарь (неотделимый от здания или земли и юридически являющийся их частью) [ABVYU-6 2014];
- *recitals* – вводная часть юридического документа (констатирующая часть искового заявления и т. п.); констатирующая или декларативная часть (документа, обычно договора или международного соглашения) [Пивовар 2003, с. 670].

Следует отметить, что несовпадение референциальных пресуппозиций в формах передачи семантики квантификации, предпочитаемых носителями английского и русского языков из числа юристов и правоведов, несомненно, относится к грамматическим сложностям перевода юридических текстов.

4. Продуктивные суффиксальные морфемы для передачи множественного числа со значением собирательности

4.1. Конвенциональные модели аффиксации для передачи значений множественности в юридической терминологии

В английском юридическом языке значения множественности передаются не только с использованием конвенциональных моделей, как, например:

- термин уголовно-исполнительного права *handcuffs* – наручники;

- термин трудового права *overhours* – *сверхурочные часы работы*;
- термин международного права *credentials* – мандат / верительные грамоты (посла, дипломатического представителя, подтверждающие его полномочия); рекомендательные документы (характеристики с предыдущего места работы; грамоты и т. п.).

В английской юридической терминологии множественное число со значением собирательности передается также с помощью словообразовательных граммем *-ware* и *-age*.

4.2. Передача значений множественности посредством суффиксальной морфемы *-ware*

Одним из конвенциональных способов передачи значений собирательности и множественности в общелитературном английском выступает суффиксальная морфема *-ware*. Эта морфема использовалась до прихода эпохи информационных технологий, преимущественно при именовании предметов домашнего обихода, например:

silverware – столовое серебро, изделия из серебра;

dinnerware – столовая посуда, столовые приборы;

chinaware – фарфоровая посуда, фарфоровые изделия и т. п.

Однако с появлением и развитием интернет-права эта морфема начинает широко использоваться для именования информационно-технологических понятий:

software – программное обеспечение (ПО), компьютерные программы;

hardware – аппаратное обеспечение, аппаратура.

Словообразование посредством суффиксальной морфемы *-ware* становится всё более масштабным: *malware*, *spyware*, *webware* и т. п.

Так, под термином *malware* понимается вредоносная компьютерная программа(-ы), действующая против интересов пользователя или владельца компьютерной системы [АВВУУ-6 2014]. Термином *spyware* обозначают программу-«шпион», «шпиониющее» ПО; компьютерную программу или пакет компьютерных программ, предназначенную(-ый) для незаметной установки на компьютере с целью слежения за действиями пользователя для перехвата почтовой переписки, вводимой информации и паролей в целях передачи собранной информации заинтересованному лицу или организации [там же].

Синоним последнего термина – *scumware*, обозначающее «вредоносное программное обеспечение» как родовой термин для обозначения любого ПО, выполняющего на компьютере пользователя несанкционированные им действия [там же].

Подчеркнем, что передача значений рассмотренных англоязычных терминов с суффиксальной морфемой, кодирующей семантику множественности, со всей очевидностью демонстрирует необходимость использования в переводе техники языковой экспликации, схожей с дефинитивным методом.

4.3. Передача значений множественности посредством суффиксальной морфемы -age

Еще одним примером суффиксальных морфем, продуктивных в языках для специальных целей, в нашем случае юридическом языке, является морфема *-age*, как, например, в терминах *signage*, *freightage* и *footage*.

Так, термин *signage* употребляется в самом широком контексте, в рамках которого рассматривается проблематика моделирования предметно-пространственной среды, но преимущественно в дизайне открытого пространства (городской и сельской среды, лесных, горных, речных и прибрежных зон и т. п.), инфраструктуры транспортно-пересадочных узлов, парков и рекреационных зон, отелей и другого гостиничного хозяйства.

В строгом смысле этот термин не является юридическим, но его рассмотрение в рамках настоящей статьи закономерно, так как обозначаемый им вид деятельности требует внушительного финансирования и правовых полномочий для дизайнеров-разработчиков, следовательно, он может фигурировать в договорах и другой правовой документации, сопровождающей оказание соответствующих работ и услуг. Термин *signage* может принимать одно из предлагаемых нами ниже значений:

- система знакового обеспечения;
- система визуальных коммуникаций;
- система [передачи] знаковой информации; система визуальной ориентации в предметно-пространственной среде;
- знаковость как средство обеспечения / создания визуальной среды.

Референциальная доступность предложенных русскоязычных соответствий обусловлена прежде всего знанием многообразных контекстов употребления этой терминологической лексемы. Ее высокая контекстная зависимость с большой долей вероятности потребует использования инференционной техники перевода, т.е. той, которая требует тщательного анализа контекста употребления, знания коммуникативной ситуации, фонда определенных знаний.

Приведем еще один пример. Термин транспортного права *freightage* также представляет собой имя собирательное, для которого в каждом из предложенных словарных вариантов содержится прямое указание на сферу употребления. Вместе с тем отсутствует ясность в отношении господствующей лексемы:

- перевозимый на зафрахтованном судне груз;
- перевозка грузов (на зафрахтованном судне);
- плата за перевозку грузов (обычно морским или воздушным путем, а в США также наземным путем).

Как следует из русскоязычных соответствий, их референциальная доступность невысока. Другими словами, решение о фактическом значении этой терминологической лексемы: обозначает ли она *груз* на судне, собственно *перевозку* груза или *плату* за перевозку груза, – переводчик сможет принять только в конкретном контексте употребления. И вновь, с точки зрения перевода на русский, не очевидно, какая из господствующих лексем в трех предложенных словарных вариантах могла бы, учитывая при отсутствии референциальных пресуппозиций, вписаться в гипотетический контекст определенной коммуникативной ситуации. Контекстная зависимость данного термина потребует от переводчика использования инференционной техники на основе имеющегося у него фонда знаний и знания коммуникативной ситуации.

Термин информационного права, права СМИ и права интеллектуальной собственности *footage* не ограничивается названными отраслями, а может также относиться к процессуальному праву и уголовному праву. Однако, как следует из словарных значений, этот термин относится также к жилищному праву и к праву добычи полезных ископаемых. Семантика собирательности при неопределенности объема квантификации снижает референциальную доступность термина, предопределяя варьирование его значений в следующем диапазоне:

- отснятый фото- и видеоматериал, видеозапись;

- длина пленки или фильма в футах, метраж;
- площадь (какого-либо объекта) в квадратных футах;
- глубина, пробуренная за единицу времени.

Выводы в отношении семантики господствующей лексемы и конечное переводческое решение о русскоязычном соответствии – *видеозапись, метраж, площадь* или *глубина* – с большой вероятностью будут зависеть от конкретного контекста употребления.

Таким образом, обобщенные значения морфологических словоформ (термин В. Г. Адмони [Адмони 1988, с. 23]) позволяют находить целые ряды возможных словосочетаний на языке перевода благодаря тому феномену, который В. Г. Адмони называет наслаиванием обобщенного значения морфем на лексическое значение слова, в нашем случае термина.

5. Альтернативные способы объективации значений множественного числа

Под альтернативными способами объективации категории числа в юридическом английском и русском языках понимается возможность установления отношений референциального тождества между терминами и (или) терминологическими словосочетаниями в формах множественного и единственного числа.

Примерами альтернативных способов объективации категории числа могут служить формы единственного и множественного числа следующих широко употребляемых юридических терминов:

- *proceeding* и *proceedings*, каждый из которых имеет значение *судебное разбирательство; судебная процедура, судопроизводство* [АВВУУ-6 2014];
- *damage* и *damages*, каждый из которых имеет значение *убыток / убытки, вред, повреждение; дефект, поломка; ущерб, урон* [Пивовар 2003];
- *chattel* и *chattels*, каждый из которых имеет значение *личное имущество, неземельная собственность; движимое имущество, движимость* (Vlasenko 2017).

Как общеюридический термин *proceeding(-s)* имеет альтернативные формы, а как термин процессуального права *proceedings* представляет собой показательный пример *pluralia tantum*, которому в русском языке соответствуют следующие терминологические словосочетания

в единственном числе: *рассмотрение дела в суде, судебное разбирательство, судебная процедура, производство по делу, судопроизводство, процесс; судебное преследование* [Пивовар 2003, с. 635]. Названный выше термин *proceedings* в разных терминологических сочетаниях и независимо от отрасли права (в нижеприведенных примерах – предпринимательского, гражданского, уголовного, семейного соответственно), сохраняет предпочтительность формы множественного числа в английском языке и форму единственного числа в русском:

- *bankruptcy proceedings* – конкурсное производство (судопроизводство по делам о банкротстве), производство по делам о банкротстве;
- *civil proceedings* – гражданский иск, гражданское производство;
- *criminal proceedings* – уголовное судопроизводство, уголовное преследование;
- *divorce proceedings* – бракоразводный процесс [ABBYU-6 2014].

Небезынтересно, что альтернативность может быть присуща не только языку оригинала, но и языку перевода: *court records* – протокол(-ы) суда.

Заключение

В статье были рассмотрены примеры английской юридической терминологии в формах грамматически маркированного множественного числа в их параллелях с русскоязычными соответствиями. Анализ был сконцентрирован на демонстрации альтернативных форм передачи значений множественности в англо-русском юридическом переводе.

Рассмотренные в статье примеры немногочисленны вследствие ограничений объема публикации. Однако уже и немногочисленные примеры дают возможность сделать вывод о том, что семантические аспекты категории числа в плане взаимозаменяемости значений единичности и множественности в англо-русских соответствиях представляют большой интерес для переводоведов. Кроме того, формальные аспекты аффиксации для передачи значений множественности не могут не представлять интереса для грамматистов-англистов и американистов, описывающих и обобщающих тенденции в грамматике современного английского языка применительно к языкам для специальных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева И. С.* Введение в переводоведение. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
- Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов, П. Б. Паршин, О. И. Романова ; под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Изд. 2-е, исп. и доп. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2003. 640 с.
- Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. Л. : Просвещение, 1979. 259 с.
- Виноградов В. А.* Число // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 583–584.
- Грамматические аспекты перевода / Ю. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева и др. М. : Издательский центр «Академия», 2010. 240 с.
- Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М. : Наука, 1988. 310 с.
- Левитан К. М.* Грамматические проблемы перевода // Юридический перевод: Основы теории и практики / К. М. Левитан. М. : Проспект ; Екатеринбург : Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. С. 79–90.
- Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1987. 272 с.
- Татаринов В. А.* Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. М. : Московский Лицей, 2007. 384 с.
- Факов В. Я.* Большой финансовый словарь : в 2 т. 2-е изд. М. : Международные отношения, 2011. Т. 1. Англо-русский словарь. 872 с.
- ABBYY-6 2014: Electronic Multilingual Dictionary, Version 5. ABBYY Software Ltd., 2005. URL : www.Lingvo.ru (21 апреля 2019).
- Pinker S.* Words and Rules. The Ingredients of Language. London : Weidenfeld & Nicolson, 1999. xi, 348 p.
- Vlasenko S. V.* Legal Translation Pragmatics: Legal Meaning as Text-External Convention – the Case of ‘Chattels’ // The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse / Janet Giltrow, Dieter Stein (eds.). Berlin – Munich – Boston : De Gruyter Mouton, 2017. P. 249–286.

REFERENCES

- Alekseeva I. S.* Vvedenie v perevodovedenie. SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU ; M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. 352 s.
- Anglo-russkij slovar' po lingvistike i semiotike / A. N. Baranov, D. O. Dobrovolskij, M. N. Mihajlov, P. B. Parshin, O. I. Romanova ; pod red. A. N. Baranova i D. O. Dobrovolskogo. Izd. 2-e, isp. i dop. M. : Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2003. 640 s.

- Arakin V. D.* Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov. L. : Prosveshhenie, 1979. 259 s.
- Vinogradov V. A.* Chislo // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. Jarceva. M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. S. 583–584.
- Grammaticheskie aspekty perevoda / Ju. A. Sulejmanova, N. N. Beklemesheva i dr. M. : Izdatel'skij cent «Akademija», 2010. 240 s.
- Kasevich V. B.* Semantika. Sintaksis. Morfologija. M. : Nauka, 1988. 310 s.
- Levitani K. M.* Grammaticheskie problemy perevoda // Juridicheskij perevod: Osnovy teorii i praktiki / K. M. Levitan. M. : Prospekt ; Ekaterinburg : Izdatel'skij dom «Ural'skaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija», 2011. S. 79–90.
- Maslov Ju. S.* Vvedenie v jazykoznanie. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Vysshaja shkola, 1987. 272 s.
- Tatarinov V. A.* Metodologija nauchnogo perevoda. K osnovanijam teorii konvertacii. M. : Moskovskij Licej, 2007. 384 s.
- Fakov V. Ja.* Bol'shoj finansovyj slovar' : v 2 t. 2-e izd. M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2011. T. 1. Anglo-russkij slovar'. 872 s.
- ABBYY-6 2014: Electronic Multilingual Dictionary, Version 5. ABBYY Software Ltd., 2005. URL : www.Lingvo.ru (21 aprelja 2019).
- Pinker S.* Words and Rules. The Ingredients of Language. London : Weidenfeld & Nicolson, 1999. xi, 348 p.
- Vlasenko S. V.* Legal Translation Pragmatics: Legal Meaning as Text-External Convention – the Case of 'Chattels' // The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse / Janet Giltrow, Dieter Stein (eds.). Berlin – Munich – Boston : De Gruyter Mouton, 2017. P. 249–286.

УДК 316.776.33

Т. И. Грибанова

старший преподаватель кафедры грамматики и истории
английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: tigribanova65@yandex.ru

ХЕДЖИРОВАНИЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале научно-исследовательских статей)

В работе рассматриваются особенности употребления хеджирующих средств в письменных текстах медицинской тематики. Анализируются основные разделы научно-исследовательской статьи с точки зрения их прагматической направленности, определяются наиболее типичные для данного типа текста средства хеджирования, выявляется зависимость их выбора от специфики структурных разделов медицинской научной статьи.

Ключевые слова: хедж; хеджирующее средство; научно-исследовательская статья; медицинский дискурс; компенсационные тактики.

T. I. Gribanova

Senior Lecturer, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: tigribanova65@yandex.ru

HEDGING IN ENGLISH MEDICAL RESEARCH ARTICLES

The present article considers the problem of hedging in English written texts belonging to medical discourse. The major sections of medical research articles are analyzed in terms of their pragmatic value. Various hedging devices typical of the texts under investigation are traced, which enables the author to establish interrelation between a hedge used and the specificity of the structural section of the medical research article.

Key words: hedge; hedging device; research article; medical discourse; mitigation.

Introduction

Hedges have long been in the focus of linguistic analysis (Lakoff, Brown, Levinson, Tarantino, Prince et al, Swales, Лебедева / Грибанова). The present paper discusses hedging in English written texts belonging to medical discourse. The analysis of ten articles from leading medical journals provided data on the functioning of different hedging devices in the major sections of medical research articles, namely, Introduction, Methods,

Results, Discussion. The qualitative and quantitative study focuses on the interrelation between the linguistic means used and the communicative purpose of the corresponding section. The hedges selected were grouped according to the pre-established categories. The most frequent means proved to be shields, approximators and compound hedges, their frequency being over 90 % of the total number of the devices under investigation.

The language of modern scientific description is a combination of accuracy and understatement, speculations made need to be apologized for [Jalilifar 2011]. As a consequence, researches are required to tone down their statements by means of various linguistic means. The existing viewpoints on the hedge usage in scientific discourse are based on different approaches to the reasons underlying the employment of hedges.

The most widely accepted point of view defines hedges as ‘linguistic cues of bias’ [Fand 1989:315], thus making the statement more tentative and decreasing the risk at negating it. Precision is not always necessary as every communicative act presupposes the use of strategies to minimize the threat to face [Brown and Levinson 1978; Skelton 1988; Geyer 2008; Riekkinen 2009]. The use of downtoned statements enables the author to avoid embarrassing situations and protect his reputation as a researcher.

The pragmatic value of hedges can be regarded as means for honest and modest self-reporting, caution creating your niche among other researchers [Hyland 2008]. Also, hedging can be discussed in terms of positive or negative politeness strategies [Brown and Levinson 1978; Geyer 2008], as devices aimed at establishing social interactions, such as avoiding direct criticism, deference towards the scientific community, etc. [Salager-Meyer 1994; Riekkinen 2009].

The other viewpoint on the role of hedges in academic writing considers them as means to present scientific claims in a more precise way, negotiating their more adequate reporting [Tarantino 1991; Trang and Duong 2013]. A true researcher is aware that what (s)he is exploring is just another step on the way of advancing the state of knowledge under investigation. Thus, hedges are more than a “cover-up” tactic, it is rather a “resource to express scientific uncertainty, skepticism, and doubt” [Skelton 1988]. In fact, a scientist is always balancing between the desire to be precise and the impossibility to achieve this aim.

Medical research papers as part of scientific discourse at large are often viewed as highly precise, reporting data in a most accurate way. However,

claiming precision in medical writing is not always necessary, which results in the use of various mitigating language means. We can't but agree with Skelton who wrote that "with a hedging system language is rendered more flexible and the world more subtle" [Skelton 1958, p. 38].

Traditionally, a medical research article (RA) is structured into the *Introduction, Methods, Results and Discussion*, each section characterized by its own pragmatics.

The difference in communicative purpose allows us to hypothesize different distribution of hedging elements across the sections mentioned above.

The material for analysis was drawn from leading medical journals such as *The British Medical Journal, Annals of Internal Medicine, The Lancet, Archives of Internal Medicine, The New England Journal of Medicine*, published between 2010–2019. The number of RA analyzed is 10 (making up 8562 running words).

The particular tasks set for the research were as follows: to trace most typical hedging devices in medical research articles; to analyze hedges from the point of view of their frequency and taxonomy; to establish interrelation between a hedge chosen and rhetorical value of the RA structural section.

In order to identify hedges accurately and avoid mixing them up with language units without mitigating effect a close contextual analysis was carried out.

The typology of hedges taken for the present research is based on formal and functional criteria. Functionally, the hedges were grouped into:

- shields¹: plausibility shields – modal verbs (*may, can, would*, etc.), epistemic verbs (*suggest, speculate, appear, seem*, etc.), cognition verbs (*believe, suppose, think*, etc.), adverbs (*probably, likely*, etc.), attribution shields (*according to, as far as anyone knows*, etc.);
- approximators: adaptors (*sort of, kind of, somewhat*, etc.); rounders (*almost, about, approximately*, etc.).

Plausibility shields modify the degree of uncertainty, while attribution shields show that the author's words are acquired via information received from other people.

Unlike shields, approximators affect the truth conditions of the proposition: to talk about less representative members of a category the

¹ For the subdivision of hedges into shields and approximators see [Prince et al. 1982, p. 90].

author uses adaptors; to talk about measurements, when precision is not relevant, the researcher turns to rounders.

Structurally, the hedges under analysis are used singly or as compounds (i.e. compositions of different hedges). Compound hedges can be double (*It may suggest that...*), treble (*It would seem likely...*), quadruple (*It would seem somewhat unlikely...*).

Methodology

The research is carried out within the following trends of modern linguistics: functional grammar, discourse analysis, comparative analysis, mitigation theory.

Results and Discussion

The observations made contribute to giving answers to the questions related to the tasks set in the Introduction:

- 1) What are the most frequent hedging devices in RA?
- 2) What is the hedge distribution across the RA sections?
- 3) How are the results obtained relate to the pragmatics of each section?
- 4) What is the functional potential of hedges in English medical RA?

1. Overall Frequency of Hedging Devices in Medical Research Articles

The linguistic data collected provide evidence about the most frequent hedge group subjected to analysis: shields proved to outnumber approximators (74 % and 26 %, respectively). Among the shields used, the distribution is as follows: plausibility shields (49 %), attribution shields (25 %). The plausibility shields subgroup is represented by modal verbs (20 %), epistemic verbs (15 %), cognition verbs (12 %) and probability adverbs (2 %).

- Small samples *may* have hindered the interpretation of many studies.
- Epidemiological studies have *suggested* that obesity is also associated with increased risk of several cancer types.
- We *believe* the metabolic syndrome plays an important role in carcinogenesis.
- The breast tissue of overweight women had more cytologic abnormalities, *probably* due to increased endogenous exposure to estrogen rendering the breast susceptible to estrogen – induced DNA damage.

About 40 % of the total shields usage is compound hedges.

- These dysfunctions *might* be *slightly* overestimated.
- It *seems reasonable* to *assume* that high glucose levels and increased concentration of plasma C-peptide are associated with increased colorectal cancer risk.

Approximators (26 %) are represented mostly by rounders (21 %).

- A pooled analysis of data from eight prospective studies indicated that breast cancer risk of postmenopausal women increased *approximately* by 18 % per 5 kg/m² increase in body mass index.

The frequent use of shields (especially modal verbs) in RA provides support to the finding that modals are typical of scientific discourse to tone down the information presented and to modulate the degree of certainty on the author's part [Tarantino 1991].

2. Distribution of Hedges Across Section in Research Articles

The most hedge-marked RA section in the material under investigation proved to be *Discussion*. Compare: *Discussion* (67 %), *Introduction* (21 %), *Results* (9 %) and *Methods* (3 %). This may be due to the fact that RA authors often pretend to universalize their results, and, as a consequence, have to tone down their statements, first and foremost, within the *Discussion* section aimed at making most claims about the research findings.

Being close in its pragmatics to the *Discussion* section, *Introduction* also provides examples of hedge usage, the most frequent plausibility shield in Introduction being epistemic verbs (18 %).

Approximators in RA Introduction often take the form of negative and quasi-negative rounders.

- *Few* data exist on the effects of weight gain or weight loss on altering the treatment response.
- *Little* information exists on the frequency and severity of the disorder.
- The mechanism, by which the negative complications in BMI are reduced *remain uncertain*.

This can be explained by the fact that *Introduction* is to justify the reason for the study, as well as to give evidence to question the existing viewpoints on the subject of the analysis.

The use of attribution shields in this section relates to the necessity of quoting other studies on the issue in question. This allows the writer to provide arguments to support his/her own research, yet implying the idea of its incomplete character. As a result, the reader, being exposed to the contrasting views presented in *Introduction*, feels ready to accept the author's ideas concerning the unexplored within the research area.

The *Methods* section is the least hedged part of RA (3% of all the hedges used). This can be accounted for by its communicative purpose (to describe the ways the data were obtained, to list the procedures and principles underlying the study), and its status as an example at highly explicit and rigid type of academic writing.

The total number of hedges in the *Methods* section is 15 occurrences – 10 approximators (rounders) and 5 shields (probability adverbs).

- A large prospective population, based study of *almost* 900,000 US adults was carried out.
- Obesity is *probably* a major risk factor in several types of cancer.

The rounders in this section contribute to presenting information in a general way without irrelevant precision.

The **Results** sections of RAs prove to be poor in hedging devices (9 % of all the hedges traced in RA). The reason for their low frequency lies in the functional specificity of this RA division. The section serves as a quite clear and straightforward presentation of results, description of experiments and tests, and makes few claims about the data obtained. As for the hedge distribution, it basically resembles that of the *Methods* section: in *Results* approximators (53 %) also prevail over shields (47 %), though the difference in frequencies is not significant.

However, the subgroups of shields in the *Results* and *Methods* sections differ. Compare: *Results* are mostly hedged by modal and epistemic verbs, while *Methods* – by probability adverbs.

It is noteworthy to remark that most hedges in the *Results* section are traced in the author's evaluative commentaries of the results rather than in the results description proper. This is indicative of the researchers' desire to avoid absolute statements about their findings. Whereas facts are presented straightforwardly ('We discovered that...'), their interpretations and comments are generally subjected to doubt and careful reasoning.

The **Discussion** section develops the ideas given in *Introduction*, which results in similar hedge distribution, namely the prevalence of shields (74 %) over approximators (26 %), though the frequency difference in *Discussion* is more significant. Besides, as compared to *Introduction*, *Discussion* contains shields represented mostly by modal verbs rather than epistemic.

Discussion:

- This *may* also be the reason why a high BMI during adolescence was significantly associated with an increased risk of colorectal cancer in men.
- The process of DNA sign thesis *might* also show thermotolerance.

Introduction:

- Clinical data *suggest* that severely obese patients.
- Primary pneumonia *appears* to be rarely complicated by respiratory failure.

The main rhetorical function of the *Discussion* section is making claims about the research carried out using non-statistical wording to comment on statistical data (which may account for the relatively low frequency of approximators) here. Moreover, this section presupposes the greatest variety of commentaries in RA, i.e. explanations, summarizing, making suggestions and conclusions, setting further questions in reference to future developments and applications of results. At the same time, it is most important to present findings so that the author's opinion shouldn't sound too strong. It is recommended to provide alternative explanations somebody else might suggest. This fact accounts for the frequent usage of compound hedges in this particular section.

- This *appears* to make it *less likely* that immunotherapy drugs will boost the body's disease – fighting capability.
- It *seems quite reasonable* to combine measles and measles vaccination together as a *possible* protective factor against leukemia.
- The findings also *provoke questions* as to whether strengthening the gut microbiome *might* help the immune system to fight cancer, an issue the ICL team now *hope* to explore.

Resorting to hedging devices, including compound structures, allows researches to find the golden mean between the acceptable degree of certainty and the desire to align themselves with their claims leaving room for possible disagreement on the part of the reader.

The use of approximators (rounders) in medical texts contributes to a certain compromise between the necessity of being accurate with numerical data and the requirement for mitigation.

A possible solution for the dilemma may be agreement upon a correspondence between numbers and their verbal expressions. For example, “almost certain” could correspond to “a 90 % chance”, “possible” to “a 70 % chance”, etc. [Salager-Meyer 1994].

Conclusions

The medical linguistic data subjected to analysis made it clear enough that the use of mitigating expressions is dictated by the discourse tendencies and requirements for this type of academic writing. Tentativeness and flexibility are characteristic features of English medical texts.

Another factor that determines the process of hedging in medical RAs is the structure of the article. The pragmatics, or rhetorical value, of the standard RA sections (*Introduction, Methods, Results, Discussion*) contribute to the qualitative and quantitative distributions of hedging devices. The more hedge-marked sections are *Discussion* and *Introduction* while the less hedge-marked ones are *Methods* and *Results*. The most frequent hedging group across all the sections turned out to be plausibility shields (with focus on modal and epistemic verbs). Approximators generally took the form of rounders, adaptors being of extremely limited usage.

The compound hedges were mostly traced in the *Discussion* section due to its focus on claim and variability of its realization.

It is worth mentioning that the findings obtained contradict the traditional opinion about scientific (including medical) texts as highly precise, thus allowing no hedging devices. However, this is not always the case. Modern medical discourse is characterized by precision in reference to facts presented, but at the same time it is tentative and downtoned as for the manner of hypothesizing and summarizing information, making judgments and discussing the results of the research.

The present study demonstrates a three-dimensional nature of hedges in medical discourse: providing mitigation, vagueness, and tentativeness, they 1) help to realize threat-minimizing tactics; 2) contribute to the researchers' modesty and avoidance of arrogance, and 3) provide ways to escape unnecessary precision in estimating phenomena under investigation.

REFERENCES

- Annals of Internal Medicine. URL : acponline.org (accessed date: 10.09.2019).
- Archives of Internal Medicine. URL : researchgate.net (accessed date: 10.09.2019).
- Brown P., & Levinson S.* Politeness: Some universals in language usage // Questions and politeness: Strategies in social interaction / E. Goody (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 1978. P. 207–208.
- Fand R. J.* Detecting bias in newspapers: Implications for teaching ESL // Reading in a Foreign Language. 1989. Vol. 6 (1). P. 315–321.
- Geyer N.* Discourse and Politeness: Ambivalent Face in Japanese. New York : Continuum, 2008. 226 p.
- Hyland K.* Persuasion, Interaction and the Construction of knowledge: Representing Self and Others in Research Writing // International Journal of English Studies. 2008. Vol. 8 (2). P. 1–23.
- Jalilifar A. R.* World of Attitudes in Research Article Discussion Sections: A Cross-Linguistic Perspective // Journal of Technology and Education. 2011. Vol. 5 (3). P. 177–186.
- Lakoff G.* Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. 1972. Vol. 2. P. 458–508.
- Lebedeva I., Griбанова T.* Hedging in courtroom discourse // Voprosy prikladnoj lingvistiki. 2019. № 2 (34). P. 70–92.
- Prince E. F., Frader R. J., & Bosk C.* On hedging in physician-physician discourse // Linguistic and the Professions / J. di Prieto (ed.). Norwood : Ablex Publishing Corporation, 1982. P. 83–97.
- Riekkinen N.* Softening Criticism: The Use of Lexical Hedges in Academic Spoken Interaction (Pro Gradu Thesis). 2013. URL : www.helsinki.fi/englanti/elfa/ProGradu_Niina_Riekkinen.pdf.
- Salager-Meyer F.* Hedges and Textual Communicative Function in Medical English Written Discourse // English for Specific Purposes. 1994. Vol. 13 (20). P. 149–171.
- Skelton J.* Care and maintenance of hedges // ELT Journal. 1988. Vol. 42 (1). P. 37–43.
- Swales J.* Genre analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 274 p.
- Tarantino M.* Scientific English: Qualitative factors via modern rhetoric // UNESCO-ALSED LSP Newsletter. 1991. Vol. 13 (3). P. 51–60.
- Thao Q. Tran & Tham M. Duong.* Hedging: A Comparative Study of Research Article Results and Discussion Section in Applied Linguistics and Chemical Engineering // English for Specific Purposes World. 2013. Issue 41, Vol. 14. URL : www.esp-world.info.
- The British Medical Journal. URL : bmj.com (accessed date: 15.09.2019).
- The Lancet. URL : thelancet.com (accessed date: 09.09.2019).
- The New England Journal of Medicine. URL : nejm.org (accessed date: 15.09.2019).

УДК 811.111'35'003.2

В. А. Климик

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического
университета; e-mail: v.klimik@bk.ru

ПОЛИКОДОВОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье предлагаются терминологические единицы, разработанные автором с целью описания данной специфической проблематики. Раскрывается понятийное содержание терминов. Обосновывается необходимость всестороннего лингвистического описания поликодовых элементов с учетом жанровой специфики текста, подчеркивается их значимость в выражении художественного замысла. Тенденция к употреблению писателями поликодовых элементов связывается с современной эпохой визуального.

Ключевые слова: поликодовый; автор; текст; лингвокреативная орфография; графологема; графологистика.

V. A. Klimik

Lecturer, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: v.klimik@bk.ru

POLYCODITY IN FICTION TEXT: SPECIFIC TERMINOLOGY

Following the research carried out on the functioning of polycode elements in English fiction texts the author of article introduces relevant terminology and describes the notions referred to. As for studying polycode elements, the paper argues the necessity of multifaceted linguistic description with special attention to genre specificity. The tendency among writers to using polycode elements is related to the contemporary visual era.

Key words: polycode; author; text; linguocreative orthography; graphologeme; graphologistics.

Введение

В творческом процессе создания текста у современных англоязычных писателей востребованы невербальные элементы письменного кода, среди которых количественно доминируют (по причине удобства компьютерного набора) графические средства выделения. Впрочем, существующая тенденция к употреблению таких средств не является исключительной характеристикой современного этапа

развития английского художественного текста: как минимум, более двухсот лет тому назад графические приемы появляются в таких знаменитых романах, как, например, «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman) Л. Стерна (1759–1767) и «Приключения Алисы в Стране чудес» (Alice's Adventures in Wonderland) Л. Кэрролла (1865).

Исследователи – как англоязычные, так и отечественные, обращают внимание на такое явление, как употребление писателями графических средств выделения. Д. Кристалл в *The Cambridge Encyclopedia of the English Language* посвящает графическим приемам небольшой раздел главы «Письменная система» (The Writing System), снабженный иллюстрациями из произведений англоязычных авторов, и отмечает, что графические вариации представления текста могут создавать «дополнительные измерения в значении слов и предложений» [Crystal 1994, с. 271]. Среди возможных «эффектов» интенционального употребления авторами таких средств Д. Кристалл называет эмфазу (emphasis), иронию (irony), создание атмосферы (atmosphere) (полагаем, имеется в виду так называемый эффект присутствия. – Прим. авт.), юмор (humour), эстетика (aesthetics). Л. В. Чалова на примере графических средств, употребляемых американским писателем О. Генри, рассматривает данные средства как графические стилистические приемы, употребляемые писателем для передачи эмоций [Чалова 2012].

Графически диссонирующие фрагменты художественного текста, по сути, есть элементы авторского кода, результат творческой работы писателя. Такие фрагменты востребованы, поскольку способны порождать дополнительные семантические и модальные оттенки. Кроме того, они привлекают внимание читателя и хорошо запоминаются ему, следовательно, являются эффективным способом авторского воздействия на читателя. Однако в этом ракурсе поликодовые компоненты в структуре художественного текста в настоящее время не получили подробного, и главное системного освещения в научной лингвистической литературе.

В своем стремлении предложить всестороннее описание функционирования поликодовых образований в англоязычном художественном тексте автор данной статьи столкнулся с дефицитом теоретического материала и с отсутствием четкой очерченности проблематики. Цель данной статьи – восполнить данный пробел.

Изучение средств графического выделения как способов выражения связности и способов коммуникативного воздействия на читателя происходит в русле лингвистики текста, изучающей связный текст художественной письменной речи. Это особенно актуально в современную эпоху (конец XX – начало XXI вв.), когда резко снижается количество людей, любящих и практикующих чтение как познавательную деятельность или в качестве досуга. Как следствие, современные авторы, осознавая данную тенденцию, активно употребляют текстообразующие техники, позволяющие привлечь интерес читателя, используя для этого, в том числе, и графические способы визуализации текста.

Несмотря на то, что исследователи признают графические средства выделения как объект изучения, большинство исследований сосредоточены на медийных дискурсах (в частности, на материале рекламных и публицистических текстов). Функционирование таких средств в художественном нарративном тексте / дискурсе, который, как известно, имеет свою специфику, остается недостаточно исследованным.

Поликодовый элемент в художественном тексте представляет собой сложное структурно-семантическое образование, которое требует всестороннего изучения и комплексного подхода. Покажем это на примере (см. рис. 1).

На иллюстрации представлен фрагмент из популярной детской повести *How to Steal a Dragon's Sword* (C. Cowell. *How to Steal a Dragon's Sword*) [Cowell 2011]. Эти строки повествуют о том, что сказочный остров захватывают ведьмы. Выкрики ведьмы набраны прописными буквами, что указывает на громкость ее голоса. Слово *Doom!* изображено так, словно оно нацарапано гвоздем, а форма букв напоминает крючковатые пальцы ведьмы. Читатель будто сам слышит скрипучий голос ведьмы, он словно чувствует жуткий страх жителей захваченного острова и сопереживает им.

Интересующий нас структурный элемент текста привлекает внимание, в первую очередь,

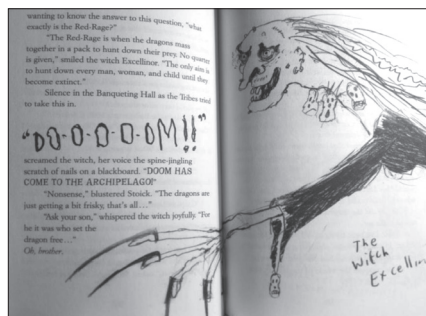

Рис. 1. Фотокопия страницы
печатной книги
How to Steal a Dragon's Sword

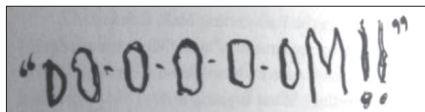

Рис. 2. Фрагмент (см. рис. 1)

своей нестандартной графической формой: слово не напечатано *традиционным* образом, но представлено читателю в виде *картиноподобной* записи (см. рис. 2). Угрожающее высказыва-

ние ведьмы «изображает» типичный облик ведьмы – крючковатые и отталкивающие своим внешним видом пальцы с когтями.

С лингвистической точки зрения данная единица текста может и должна рассматриваться не только в аспекте непосредственно графическом (как *выглядит* запись), но и в других важных аспектах функционирования письменного слова. Назовем эти требующие внимания аспекты.

- *Орфографический*. Нарушается орфографическая норма. Лексическая единица *doom* записана с применением приема *парцелляции* [Климик 2016, с. 96], в результате графическая форма слова не соответствует словарному написанию.
- *Фонетический*. Прием мультипликации буквы *o* побуждает «представить» протяжное звучание произнесенного ведьмой слова.
- *Грамматика текста*. Корневая морфема лексемы *doom* транспонируется в данном тексте в звукоподражательную единицу, что соответствующим образом модифицирует смысл данного употребления слова, а также тесно связанного с ним контекста.
- *Прагматический*. Необходимо дать объяснение, почему писателю понадобилось вводить в текст подобную запись.

Изучение поликодовых элементов в художественном тексте может затрагивать и другие аспекты, в частности, когнитивный, но в рамках данной статьи ограничимся перечисленными ниже.

В художественном тексте / дискурсе все указанные аспекты высказывания и поликодового элемента функционируют в тесной взаимосвязи, позволяя автору решить определенную задачу и формируя целостный образ. Поликодовый элемент создается на базе лексемы *doom*, которая «претерпевает» семантическую модификацию (см. рис. 2): это уже не просто сообщение о том, что сказала ведьма, но и экспрессивное описание того, *как* чудовищно-угрожающе это

прозвучало. Подобная «иллюстрация звучания» косвенным образом дает понять, какой ужас охватил жителей терроризируемого острова. Таким образом, автор, визуализируя крик ведьмы, транслирует читателю синестетический образ, целостную картинку, которая, как указывает Д. Кристалл, создает «атмосферу». По сути, можно говорить об активном участии поликодового элемента в формировании *геиштальта*, целостного образа, максимально точно и полно передающего художественный смысл в том виде, в каком его задумал писатель.

Итак, функционирование поликодовых элементов в письменном художественном тексте происходит на различных уровнях языковой системы, что требует всестороннего лингвистического описания. В свою очередь, точность и понятность научного описания обеспечивается введением специальной терминологии, которая разработана автором в результате проведенного комплексного исследования. Главной задачей публикации является обоснование терминологических единиц, предлагаемых для включения в интересующую нас проблематику.

Методы

Исследование проведено на материале художественных нарративных текстов современных англоязычных писателей, авторов широко известных и популярных среди читателей прозаических произведений, жанровая направленность которых, согласно представлениям, принятым в английском литературоведении, определяется как *novel* (роман, повесть как малая форма романа).

Для изучения данного явления в его многоаспектности был применен комплекс методов. В частности, функционально-семантический метод и метод и дискурсивного анализа используется при исследовании того, каким образом поликодовый элемент модифицирует смысл высказывания (определенного фрагмента дискурса). При исследовании *формы* (способа записи) поликодового элемента, а также его синтаксического статуса в предложении, применяется структурный метод. Для создания максимально полной картины того, каким образом функционируют поликодовые элементы в художественном тексте / дискурсе, мы также используем другие методы, что требует рассмотрения в формате отдельных статей.

Результаты

В результате проведенного комплексного исследования мы пришли к выводу о необходимости введения нескольких терминов. Итак, термином *лингвокреативная орфография* в работе предлагается обозначать ту область письменного кода английского литературного языка, в которой проводится настоящее исследование. Для изучения избранного объекта предлагается термин «лингвокреативная орфография», который объединяет два ключевых смысловых блока, необходимых для описания указанного понятия: *лингвокреативность и орфография*. Согласно предложенному Бограндом определению лингвокреативности в коммуникативном акте, понятие лингвокреативности кода предполагает, что лингвокреативный речевой (в данном случае письменный) продукт создается автором с целью адаптации языковой системы к потребностям коммуникативной ситуации, то есть является мотивированным. Кроме того, лингвокреативный речевой продукт, в частности, лингвокреативный продукт кодирования художественного текста, разделяется реципиентом, адресатом, т. е. читателем [Beaugrande 1978].

Далее, применительно к проблематике поликодовых элементов в художественном тексте необходимо пояснить причину обращения к термину «орфография».

Как известно, под орфографией понимается «исторически сложившаяся система единообразных написаний, которая используется в письменной речи» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. Здесь необходимо уточнить, о каких аспектах написания идет речь.

Предлагаемый нами термин *лингвокреативная орфография* подразумевает широкое понимание орфографии, а именно, орфографии как совокупности *всех* средств, графически организующих письменную речь [Амирова 1985, с. 62–63]. Данное широкое понимание орфографии необходимо ввиду разнообразия номенклатуры приемов лингвокреативной орфографии, включающей приемы шрифтового выделения, интенциональные иррегулярности написания, разбивку текста с помощью абзацев, отступов и пр., и изобразительные элементы различной степени картиноподобности [Климик 2017, с. 93].

Обозначив терминологически область интересующей нас проблематики, приходим также к необходимости определить и предложить термин для собственно исследуемых функциональных единиц

лингвокреативной орфографии, употребляемой англоязычными авторами художественных текстов.

Проведенное нами комплексное исследование функционирования лингвокреативной орфографии позволило ввести термин *графологема*, оптимально соответствующий специфике художественного прозаического дискурса. Термин *графологема* включает два смысловых компонента, происходящих из греческих *grapho* – пишу и *logos* – слово, смысл, понятие. Компонент *графо*- прямым образом указывает на интересующий нас объект – письменные средства выражения смыслов. Он же ссылается на различные разделы науки о письме – графической лингвистики [Амирова 1985, с. 50–53]: орфографию (изучает вопросы нормирования письменной деятельности), графику (изучает то, каким образом графические знаки репрезентируют элементы звучащей речи), графемiku (исследует функциональность графических элементов письменной речи) [Амирова 1985, с. 53, 55–56, 60].

Кроме того, компонент *графо*- ссылается также и на параграфемiku – понятие, которым обозначаются невербальные средства письменной речи, способствующие восприятию и интерпретации текста читающим [Жеребило 2010].

Второй компонент термина *графологема*, восходящий от греч. *logos* (слово, понятие), фокусирует важнейшее свойство единиц лингвокреативной орфографии в художественном тексте – их способность к семантизации, т. е. ту роль, которую графологема играет в выражении художественных смыслов. Одновременно данный компонент подчеркивает, что лингвокреативная орфография функционирует на базе слова, точнее, лексемы.

Итак, графемы, используемые в лингвокреативной орфографии книжно-письменного художественного текста, предлагается называть *графологемами*. Например, упомянутый выше элемент *авторского* орфографического кода (см. рис. 2) имеет отношение как к внешнему оформлению письменного художественного текста (уже упомянутые орфография, графика, графемика, параграфемика), так и к его содержательной стороне (реализуемый словом художественный смысл). Графологема, как единица лингвокреативной орфографии, *адаптирована* писателем, автором текста, к условиям и требованиям дискурса. Соответственно, комплексное изучение функционирования графологемы (см. рис. 2) в дискурсе художественного произведения подразумевает анализ указанных выше аспектов.

Для комплексного исследования функционирования поликодовых элементов в художественном тексте необходимо также ввести и третий термин. На протяжении целостного текста художественного произведения автор употребляет графологемы определенного типа, в определенных сочетаниях, в определенных коммуникативных ситуациях, в определенных структурных элементах текста, для раскрытия микротема или макротема. Это свидетельствует об интенциональном характере употребления графологем и о реализации автором определенной стратегии по раскрытию художественного замысла. Распределение графологем в структуре (архитектонике) художественного текста мы предлагаем обозначать термином *графологистика*.

Следующий пример иллюстрирует авторское распределение графологемы CALLER ID BLOCKED в тексте романа Л. Хэллiday *Asymmetry*.

1. On Saturday, it rained. Alice was sitting on the checkered floor of her bathroom, trying to screw tight her broken toilet seat with a butter knife, when her cell phone beeped: CALLER ID BLOCKED.
“Hello Alice? It’s Mister Softee. Where are you?”
“At home.”
2. That night, when she was already in her pajamas:
CALLER ID BLOCKED.
“Hello?”
“Hello, Mary-Alice. Did you see the game?”
3. CALLER ID BLOCKED.
CALLER ID BLOCKED.
CALLER ID BLOCKED.
He left a message.
“Who takes the greatest pleasure in leading the other one astray?”
4. CALLER ID BLOCKED.
“Mary-Alice?”
“Yes?”
“Is that you?”
“Yes.”
“How are you?”
“Fine.”
“What are you doing?”
“Reading.”

5. On the second Thursday in October, when she was tugging a brush through her damped tangled hair, she heard on the radio that they'd given the Nobel Prize to Imre Kertész, "for writing that upholds the fragile experience of the individual against the barbaric arbitrariness of history.

CALLER ID BLOCKED.

Breathlessly, as if to outrun her own advice, Alice told him about all of the things she had bought, including the toilet seat and the teakettle and the dresser that the antique dealer had described as "a vintage 1930s piece" [Halliday 2018, с. 5–23].

На протяжении сюжетной линии, повествующей о романтических отношениях девушки-редактора Мэри-Элис и известного писателя, рекуррентно употребляется предложение-графологема CALLER ID BLOCKED. С точки зрения упомянутых выше графемики и параграфемики автором используется прием *капитализации*.

С когнитивно-семантической точки зрения предложение CALLER ID BLOCKED *перспективизирует* информацию: читателю имплицитно сообщается о том, что девушке звонит ее любимый человек – писатель. Далее, кодирование предложения в виде капитализированной записи всех его букв иконически отображает само автоматическое сообщение на экране телефона в том виде, как его видит Мэри-Элис.

С точки зрения структурной организации текста предложение-графологема CALLER ID BLOCKED регулярно повторяется, *паттернируется* в начале микротема, объединенных между собой общими обстоятельствами, в которых разворачивается действие – девушка находится одна, писатель в это время находится где-то в другом месте и звонит ей.

Графологема CALLER ID BLOCKED имплицитно также и важнейшую деталь личности звонящего – нежелание быть заметным. Его номер не определяется на аппарате девушки, т. е. завоевавший широкое признание писатель предпочитает оставаться инкогнито, даже звоня дорогому и близкому человеку. Соответственно, употребление графологемы CALLER ID BLOCKED является элементом описания в дискурсе романа.

С точки зрения адаптации текста для удобства чтения паттернирование CALLER ID BLOCKED вызывает «узнавание» и «привыкание», тем самым облегчая интерпретацию. Можно сказать, что графологема CALLER ID BLOCKED становится оригинальным *триггером*:

автор, употребляя CALLER ID BLOCKED, имплицитно сообщаящее о том, что девушке звонит писатель, искусным образом направляет интерпретационные усилия читателя в нужном направлении, «учит» понимать читателя свою тактику косвенной передачи смыслов, и в результате создается ощущение, что нарратор и читатель понимают друг друга без лишних слов.

Итак, для терминологического обеспечения комплексного исследования функционирования поликодовых элементов в художественном тексте мы предлагаем следующие единицы: *лингвокреативная орфография, графологема и графологистика*.

Обсуждение

Предложив необходимые термины и раскрыв их значение, перейдем к обсуждению возможных направлений исследования функционирования лингвокреативной орфографии в художественном тексте.

Создавая текст художественного произведения, автор употребляет такие вербальные средства, которые позволят ему максимально точно, понятным и изящным языком и, главное, интригующе-увлекательно передать художественной замысел. Кроме того, писатель осознает, какой читательской аудитории он адресует произведение, следовательно, он ориентируется на данную аудиторию, исходит из ее компетентности, возрастных и психолого-когнитивных способностей. Необходимость соответствовать заданным параметрам влияет на выбор средств выражения. В творческом процессе работы над художественным текстом автор, помимо языковых средств, в определенных случаях употребляет также и неязыковые средства, которые в совокупности мы называем лингвокреативной орфографией.

Соответственно, важными направлениями исследования функционирования лингвокреативной орфографии в художественном тексте / дискурсе будут следующие. Во-первых, существует необходимость изучать, каким образом, вводя в текст графологемы, автор как коммуникант, адресант текста, реализует свои интенции по раскрытию замысла. Во-вторых, интерес вызывает прагматический аспект употребления графологем, и возникает вопрос о том, каким образом графологемы и графологистика способствуют адаптации текста к целевой читательской аудитории. Исследования, ставящие перед собой цель ответить на этот вопрос, помогут углубить знание о том, каково

прагматическое назначение поликодовых компонентов в художественном тексте, выявить механизмы, посредством которых невербальные компоненты способствуют пониманию смысла и установлению диалога автора с читателем.

Тенденция употребления лингвокреативной орфографии в текстах современного англоязычного романа / повести (*novel*) свидетельствует о стремлении авторов соответствовать (насколько это возможно в рамках жанра) эпохе визуального, для которой в целом характерно дополнение текста картинкой. Современный читатель привык к визуализированной подаче информации, а стремительный темп жизни диктует необходимость ее быстрой обработки. Полагаем, что основным мотивом авторов при этом является обеспечение когнитивной легкости и комфортности чтения, что непосредственно позволяет поддерживать интерес к книге.

Выводы

Целью данной статьи, написанной после проведенного исследования функционирования поликодовых компонентов в вербальном художественном тексте / дискурсе на английском языке, было обоснование терминологии, необходимой, с нашей точки зрения, для исследования обозначенной проблематики. В связи с тем, что термин отражает наиболее значимые сущностные свойства изучаемого явления, разработка терминологического аппарата является важным результатом научного исследования.

В статье раскрыто значение предлагаемых терминов *лингвокреативная орфография*, *графологема*, *графологистика*. Термин *лингвокреативная орфография* необходим как обозначение области исследуемых явлений. Термин *графологема* описывает конкретную единицу лингвокреативной орфографии, функционирующую в конкретном тексте. Термином *графологистика* обозначается распределение графологем в архитектонике текста и их паттернирование, отражающее лингвокреативную текстообразующую стратегию писателей, авторов современного англоязычного романа. Данные терминологические единицы уже используются нами в лингвистическом описании разрабатываемой проблематики. Термины выполняют свою задачу, обеспечивая в необходимом объеме номинацию сложного явления, изучение которого требует комплексного подхода.

Данные термины предназначены для довольно широкого спектра исследования функционирования поликодовых элементов в художественном тексте. Например, предметами таких исследований может быть прагматический аспект употребления писателем лингвокреативной орфографии, структура и семантика графологем, вариативность графологем. Сопоставительное исследование функционирования графологем и графологистики в текстах на разных языках позволит разработать наиболее эффективные стратегии перевода англоязычных художественных текстов, в которых употребляется лингвокреативный код, на другие языки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирова Т. А.* Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М. : Гл. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1985. 287 с.
- Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. На-зрань : Пилигрим, 2010. 610 с.
- Климик В. А.* Лингвокреативная орфография как инструмент кооперации авто-ра и читателя // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 11 (784). С. 89–103. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/11_784.pdf (дата обращения: 17.09.2019).
- Климик В. А.* Нетрадиционная орфография в художественном тексте как спо-соб передачи знаний // Вестник Московского государственного лингви-стического университета. 2016. Вып. 21 (760). С. 91–101. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/21_760.indd-1.pdf (дата обращения: 17.09.2019).
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой ; Ин-т языкознания АН СССР. М. : Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
- Чалова Л. В.* Графические средства выражения эмоций в рассказах О. Генри // Концепт. 2012. № 5. С. 14–20.
- Beaugrande de, R.* Linguistic Creativity // Interdisciplinary Conference on Linguistics. 1978. URL : files.eric.ed.gov/fulltext/ED158272.pdf.
- Cowell C.* How to Steal a Dragon's Sword. New York : Hachette Book Group, 2011. 356 p.
- Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English language. Cambridge University Press, 1994. 489 p.
- Halliday L.* Asymmetry. Simon & Schuster. New York, 2018. 288 p.

REFERENCES

- Amirova T. A.* Funkcional'naja vzaimosvjaz' pis'mennogo i zvukovogo jazyka. M. : Gl. red. vostochnoj literatury izd-va «Nauka», 1985. 287 s.

- Zherebilo T. V.* Slovar' lingvisticheskikh terminov. 5-e izd., ispr. i dop. Nazran' : Pilgrim, 2010. 610 s.
- Klimik V. A.* Lingvokreativnaja orfografija kak instrument kooperacii avtora i chitatelja // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. Vyp. 11 (784). S. 89–103. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/11_784.pdf (data obrashhenija: 17.09.2019).
- Klimik V. A.* Netradicionnaja orfografija v hudozhestvennom tekste kak sposob peredachi znaniy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. Vyp. 21 (760). S. 91–101. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/21_760.indd-1.pdf (data obrashhenija: 17.09.2019).
- Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / pod red. V. N. Jarcevoj ; In-t jazykoznanija AN SSSR. M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. 682 s.
- Chalova L. V.* Graficheskie sredstva vyrazhenija jemocij v rasskazah O. Genri // Koncept. 2012. № 5. S. 14–20.
- Beaugrande de, R.* Linguistic Creativity // Interdisciplinary Conference on Linguistics. 1978. URL : files.eric.ed.gov/fulltext/ED158272.pdf.
- Cowell C.* How to Steal a Dragon's Sword. New York : Hachette Book Group, 2011. 356 p.
- Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English language. Cambridge University Press, 1994. 489 p.
- Halliday L.* Asymmetry. Simon & Schuster. New York, 2018. 288 p.

И. С. Лебедева, Е. Б. Кужевская

Лебедева И. С., кандидат филологических наук,
доцент кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Кужевская Е. Б., кандидат философских наук,
доцент кафедры иностранных языков Московского университета
МВД России им. В. Я. Кикотя; e-mail: Kougevskaia@gmail.com

СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

Конверсационные тактики занимают важное место в преподавании английского языка как языка делового общения. Важной составляющей эффективной коммуникации является знание стратегий вежливости, позволяющее собеседникам успешно взаимодействовать и избегать конфликтных ситуаций. В статье рассматриваются примеры реализации стратегий вежливости в конкретных ситуациях общения с целью определить их прагматическое воздействие. Авторы также проводят сравнительно-статистический анализ частотности использования ключевых конверсационных тактик в деловом общении, а также средств их реализации.

Ключевые слова: конверсационные стратегии; теория вежливости; «лицо»; стратегии вежливости; положительная вежливость; отрицательная вежливость; бизнес-коммуникация.

I. S. Lebedeva, E. B. Kuzhevskaya

Lebedeva I. S., PhD (Philology), Associate Professor
at the Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Kuzhevskaya E. B., PhD (Philosophy), Associate Professor,
Department of Foreign Languages, Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Y. Kikot; e-mail: Kougevskaia@gmail.com

STRATEGIES OF POLITENESS IN BUSINESS COMMUNICATION

Knowledge of conversational strategies is a crucial component of communicative competence. Much attention is given to teaching these strategies in Business English classrooms. Knowledge of linguistic politeness as a strategy of speech behavior allows interlocutors to maintain a felicitous pattern of communication and prevent conflict. The present research focuses on realization of politeness strategies in Business English. Within the framework of the study politeness strategies were subjected to thorough analysis in the course of which their overall pragmatic effect on Hearer was revealed. The study contains comparative statistics illustrating how these strategies are applied

by speakers in different business environments. Raising awareness of politeness strategies and acquiring practical skills help Speaker and Hearer understand implied meanings conveyed in different communicative situations and adjust their speech behavior to achieve the aims of communication, which ensures success in business.

Key words: conversational strategies; politeness theory; face; politeness strategies; positive politeness; negative politeness; business communication.

Introduction

Conversational strategies have long been the object of research conducted by many linguists [Brown, Levinson 2014; Fraser 1990; Haugh 2007; Ide 1989; Kádár, Haugh 2013; Lakoff 1973; Leech 1983; Mao 1994; Matsumoto 1988; Savić 2014; Spencer-Oatey 2008; Spencer-Oatey 2011; Watts 2003], especially those whose interests lie in the study of business communication [Fletcher 1999; Holmes, Schnurr 2005; Holmes, Stubbe 2015; Lakoff 1989; Mullany 2007]. A crucial component of conversational strategies in business is Politeness Strategies. Linguistic politeness as a conversational strategy aims to establish and maintain a felicitous pattern of relationship between communicants and prevent conflict. How successful business activities are depends on business contacts with potential customers, suppliers and business partners. Effectiveness of business communication is ensured by its strategic correctness.

Materials and Methods

The present research provides an analysis of P. Brown and S. Levinson's [Brown, Levinson 2014] politeness strategies and their manifestations in business communication. The paper sheds light on whether there is a link between a businessperson's communicative needs and intentions and the choice of strategies of politeness. Besides, the study of verbal behavior viewed as the choices the speaker makes in communication reflects the attention given by modern linguistics to the study of functioning of language in context. Awareness of politeness strategies helps equally understand verbal expression and implicature, crucial for business. The present research aims to study politeness strategies in modern business conversations obtained from authentic Business English textbooks: N. Brieger and J. Comfort's [Brieger, Comfort 1993] *Business Management English Series: Personnel*. Pearson PTR Interactive; N. Brieger and J. Comfort's [Brieger, Comfort 1992] *Business Management English Series: Marketing*. Pearson PTR

Interactive; J. Hughes and J. Naunton's [Hughes, Naunton 2007] *Business Result: Intermediate Student's Book*. Oxford: Oxford University Press; J. Hughes and J. Naunton's [Hughes, Naunton 2008] *Business Result: Upper-Intermediate Student's Book*. Oxford: Oxford University Press; M. Puzo's [Puzo 2010] *The Godfather*. Penguin Group (USA) Inc., as well as Internet sources.

The study is based on E. Goffman's [Goffman 1955] and P. Brown and S. Levinson's [Brown, Levinson 2014] theories of positive and negative Face, P. Grice's [Grice 1975] Conversational Maxims and P. Brown and S. Levinson's [Brown, Levinson 2014] theory of Politeness Universals.

P. Brown and S. Levinson's classification of strategies of politeness is applied to the present analysis of authentic business conversations [Brown, Levinson 2014].

Study and Results

1. Bald-on-record politeness

P. Brown and S. Levinson treat the Bald-on-record strategy as "speaking in conformity with Grice's Maxims" [Brown, Levinson 2014, p. 94], which characterizes maximally efficient communication. The speaker wants to achieve maximum efficiency more than they want to protect Face. In cases of urgency, desperation or in noisy environments no face redress is necessary. Non-minimization also occurs where the FTA (Face Threatening Act) [Brown, Levinson 2014, p. 98] is performed in Hearer's interests (advice, warnings, granting permission). Welcoming/greetings, farewells and offers which are actually oriented to Face also go bold-on-record. Another reason for bald-on-record behavior is Speaker's reluctance to maintain Face, for example, Speaker is powerful. Direct imperatives stand out as clear examples of Bald-on-record usage.

2. Positive Politeness

Positive politeness is "redress directed to the addressee's positive face, his perennial desire that his wants (or the actions / acquisitions / values resulting from them) should be thought of as desirable. Redress consists in partially satisfying that desire by communicating that one's own wants (or some of them) are in some respects similar to the addressee's wants" [Brown, Levinson 2014, p. 101]. Positive politeness strategies include statements of

friendship and solidarity, compliments, hedges aimed at avoiding conflict or giving offense by highlighting friendliness, for example:

- ***Attending to Hearer, their interests, wants, and needs:***

Ms. Anderson: Yes, that sounds fine [Yeu Anh Van 2018b].

Customer: That's fantastic! Can I trade stocks and bonds [Yeu Anh Van 2018c].

- ***Exaggerating interest, approval, and sympathy:***

Susan: Yes, I think, you'll make an excellent team [Yeu Anh Van 2018a].

Using the adjective *excellent* that has a highly positive connotation Susan expresses her approval and praise for the interlocutor's activities. She wants to express her positive attitude to the team he made.

Janet: Excellent choice, and for your first course? [Yeu Anh Van 2018b]

- ***Intensifying interest to Hearer:***

Communication has become a nightmare. Do you know what I mean? [Huges, Naunton 2007, p. 156].

Comparing communication with a nightmare (a case of exaggerating) Speaker involves Hearer in the conversation, seeks to make them interested in the delivered information.

- ***In-group identity markers*** (in-group address forms, dialect, jargon or slang, ellipsis) allow Speaker to claim the common ground with Hearer:

How do you feel about the merchandise we're pushing? [Yeu Anh Van 2018a]

- ***Seeking agreement*** (choosing safe topics for conversation, showing understanding and agreement with the utterance):

DM: I just want to add one thing. The person has to have good key board skills.

SM: Okay, I'll add as essential *good key board skills*. Fine [Brieger, Comfort 1993, p. 189–190].

- ***Avoiding disagreement*** in business communication manifests itself in the use of pseudo-agreement:

Jane Tegal: Well then. I'd like 75 units by the end of the month. Could I get an estimate before placing an order? [Beare 2018]

- ***Asserting common ground*** (gossip, small talk, personal-center switch, place switch, different presuppositions):

George: We haven't been very successful in our branding efforts, have we? [Yeu Anh Van 2018a]

- ***Joking*** as a positive-politeness technique is infrequent in business:

Well, we don't need a genius in that position, but let's say above average. [Brieger, Comfort 1993, p. 189–190]

Thanks Sandra. Well, it's a major headache. I've got two more people leaving on Friday, and I've heard that three more are going to hand in their notice in May. [Brieger, Comfort 1993, p. 195–196]

- ***Offer, promise:***

Robert: I suggest we break up into groups and discuss how we can improve our message.

- ***Being optimistic:***

Hopefully, the shareholders won't veto any further R&D allocation. [Yeu Anh Van 2018d]

Interviewer: Good evening, I hope you don't mind answering a few questions [Beare 2017].

This strategy helps minimize the size of the imposition of FTAs presupposing the idea that some facts should be taken for granted.

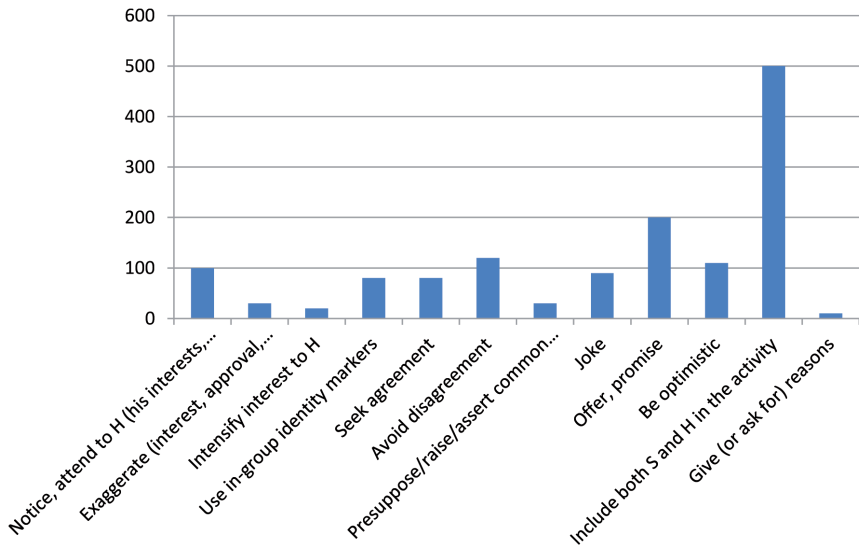
- ***Including both S and H in the activity*** is frequent in business communication.

Let's meet at four, shall we? [Yeu Anh Van 2018a]

Speaker suggests that everybody should meet at a certain time.

SM: Okay, in that case let's say "circumstances that enable attendance at work some Saturdays" [Brieger, Comfort 1993, p. 189–190].

Table 1

Distribution of Positive Politeness strategies in Business Communication**3. Negative Politeness**

Negative politeness is “redressive action addressed to the addressee’s negative face: his want to have his freedom of action unhindered and his attention unimpeded. It is key to respective behavior [Brown, Levinson 2014, p. 129]. Negative Politeness is indirect and in business manifests itself in:

- ***Being conventionally indirect*** (use of conventional markers of indirectness and shift of tenses).

I’d like to go over some of our restructuring ideas with both of you... Do you think we could meet earlier? [Yeu Anh Van 2018a]

Ms. Anderson is placing an order [Yeu Anh Van 2018b].

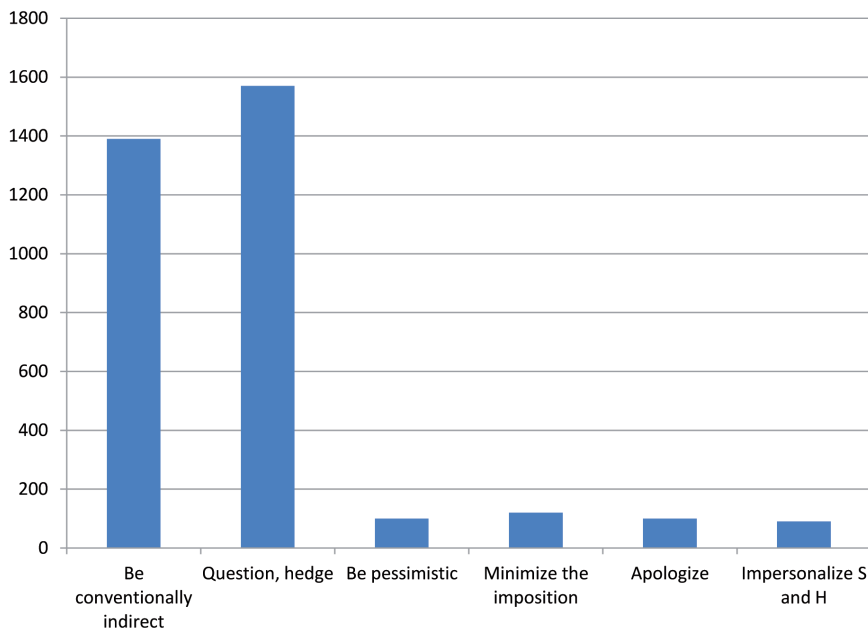
Yes, could I have a dry martini¹?

Which would you recommend? The tuna steak or tip of sirloin?

¹ For more information concerning indirect requests, see Лебедева И. С. Социолингвистические аспекты просьбы // Вопросы прикладной лингвистики. 2018. № 1 (29). С. 17–30.

Table 2

Distribution of Negative Politeness strategies in Business Communication

- ***Hedging*** (avoiding direct answers, direct expression of attitudes, any direct descriptions or unequivocal statements):

George: In my opinion, the products we're offering are fine.

Susan: I'm afraid I already have an appointment, then (*Hedging the illocutionary force*) [Yeu Anh Van 2018a].

- ***Being pessimistic*** gives redress to H's negative face by explicitly expressing doubt and manifests itself in the use of the negative (with a tag), the use of the subjunctive, and the use of remote-possibility markers.

But don't you need someone who's logical, too? [Brieger, Comfort 1993, p. 189–190]

- ***Minimizing the imposition*** is used when Speaker estimates the perceived danger of performing a speech act in a particular setting

as high and wants to redress it (the use of *just, a little, a bit, a little bit, just a second, merely* minimizes the intrinsic imposition of speech acts.)

Mr. Sanders: Mark, can we talk for a moment? [Yeu Anh Van 2018e]

SM: Yes. I'll explain in a minute [Brieger, Comfort 1993, p. 195–196].

- ***Impersonalizing*** (use of point of view distancing markers, impersonal verbs, passive forms, avoiding the pronouns *I* and *You*).

It seems too much to me [Yeu Anh Van 2018e].

4. Off-record Politeness

A communicative act is off-record if it is impossible to attribute a single clear-cut communicative intention to it, which leads to the existence of more than one possible interpretations:

- ***Using contradictions*** consists in violating P. Grice's [Grice 1975] Quality Maxim (*Speak the truth, be sincere*). By stating two things that contradict each other, S makes looks as if they were not telling the truth. They, thus, encourage H to look for an interpretation that could reconcile the two contradictory propositions:

CM: But that's tremendously high. It means that almost a third of the staff left during the year.

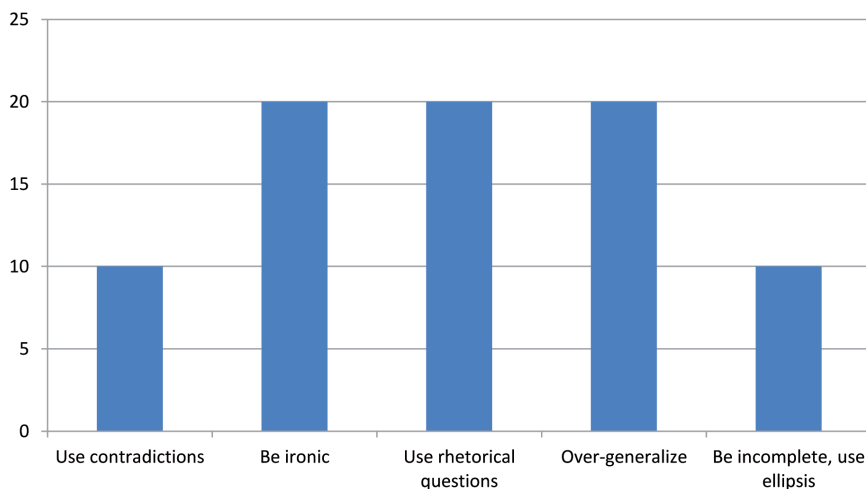
SM: Well, yes and no. I should say at this point that this method as a little suspect because it doesn't take into account length of service, nor does it show how many left at the time of induction. So the picture may appear a little distorted [Brieger, Comfort 1993, p. 195–196].

- ***Use of rhetorical questions***. According to P. Brown and S. Levinson "to ask a question with no intention of obtaining an answer is to break a sincerity condition on questions – namely, that S wants H to provide him with the indicated information" [Brown, Levinson 2014, p. 223].

How did things ever go so far? – He asked rhetorically. Well, no matter. A lot of foolishness has come to pass. It was so unfortunate, so unnecessary [Puzo 2010, p. 361].

Table 3

Distribution of Off-record Politeness strategies in Business Communication

- **Overgeneralizing** aims to give Hearer an idea as to whether the general rule applies to them or not:

We mustn't forget our basic premise: that no one selection method is perfect [Briege, Comfort 1993, p. 197–205].

Conclusion

The aim of the paper was to apply P. Brown and S. Levinson's Theory of Politeness to the analysis of politeness strategies in English business conversations [Brown, Levinson 2014]. The analysis yielded the following results:

- 1 Bald-on-record as a conversational strategy is infrequent in business communication, given its straightforward and unequivocal character.
2. While communicating and negotiating ideas businesspeople seek to find common ground with the partner / partners, include all the participants into the activity to unite efforts and opinions. They suggest that everyone should act together to find a solution suitable to all. Neither exaggeration nor intensification sound appropriate, ideas are to be succinctly expressed.

3. The results of statistical analysis of Negative Politeness strategies points to their frequency in business communication. Unequivocal expressions of views and opinions have to be avoided. Attention is given to Hearer's negative face rather than Speaker's. Positive Politeness is not as common as Negative politeness.

4. Off-record Politeness is uncommon in business communication. There were only a few occurrences in our corpus. It means that business-people do not use such strategies as hints, irony, metaphors and over-generalization. By avoiding direct answers, they encourage the interlocutor to express their opinion, but they do it explicitly. Clarity is appreciated.

REFERENCES

- Beare K.* Dialogue: An Interview at the Shopping Mall. 2017. URL : www.thoughtco.com/dialogue-an-interview-at-the-shopping-mall-1210084 (accessed 6 January 2019).
- Beare K.* Business English – Placing an Order. Placing an Order on the telephone. 2018. URL : www.thoughtco.com/business-english-placing-an-order-1210209 (accessed 6 January 2019).
- Brieger N., Comfort J.* Marketing. Business Management English Series. London : Prentice Hall, 1992.
- Brieger N., Comfort J.* Personnel. Business Management English Series. London : Prentice Hall, 1993.
- Brown P., Levinson S.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 345 p.
- Fletcher J. K.* Disappearing Acts: Gender, Power, and Relational Practice at Work. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999. 166 p.
- Fraser B.* Perspectives on Politeness // *Journal of Pragmatics*. 1990. № 14 (2). P. 219–236.
- Goffman E.* On-Face Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // *Psychiatry: Journal of Interpersonal Relations*. 1955. № 18 (3), P. 213–231.
- Grice P.* Logic and conversation // *Syntax and semantics*. 3: Speech acts / Cole P., Morgan J. New York : Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Hagh M.* The Discursive Challenge to Politeness Research: An interactional alternative // *Journal of Politeness Research*. 2007. № 3. P. 295–317.
- Holmes J., Schnurr S.* Politeness, Humour and Gender in the workplace: negotiating norms and identifying contestation // *Journal of Politeness Research*. 2005. № 1. P. 121–149.
- Holmes J., Stubbe M.* Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work. 2nd ed. Abingdon : Routledge, 2015. 200 p.

- Hughes J., Naunton J.* Business Result. Intermediate Student's Book. Oxford : Oxford University Press, 2007.
- Hughes J., Naunton J.* Business Result. Upper-Intermediate Student's Book. Oxford : Oxford University Press, 2008.
- Ide S.* Formal forms and Discernment: Two Neglected Aspects of Universals of Linguistic Politeness // *Multilingua*. 1989. № 8 (2/3). P. 223–48.
- Kádár D., Haugh M.* Understanding Politeness. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 295 p.
- Lakoff R.* The limits of politeness: therapeutic and courtroom discourse // *Multilingua. Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*. 1989. № 8 (2/3). P. 101–130.
- Lakoff R.* The Logic of Politeness: Or, Minding Your p's and q's // *Chicago Linguistic Society*. 1973. № 8. P. 292–305.
- Leech G.* Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
- Mao L. R.* Beyond Politeness Theory: 'Face' Revisited and Renewed // *Journal of Pragmatics*. 1994. № 21. P. 451–86.
- Matsumoto Y.* Reexamination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese // *Journal of Pragmatics*. 1988. № 12, P. 403–426.
- Mullany L.* Gendered discourse in the professional workplace. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 236 p.
- Puzo M.* The Godfather. New York : Penguin Group (USA) Inc., 2010. 377 p.
- Savić M.* Politeness through the Prism of Requests, Apologies and Refusals: A Case of Advanced Serbian EFL Learners. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 375 p.
- Spencer-Oatey H.* Conceptualising 'the Relational' in Pragmatics: Insights from Metapragmatic Emotion and (Im)Politeness Comments // *Journal of Pragmatics*. 2011. № 43. P. 3565–3578.
- Spencer-Oatey H.* Face, (im)politeness and rapport // *Culturally speaking: Culture, communication and politeness theory* / H. Spencer-Oatey (ed.). London & New York : Continuum, 2008. P. 11–47.
- Watts R.* Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 318 p.
- Yeu Anh Van.* ESP & Business English. ESP & Business English. Improving Brand Image. 2018a. URL : www.yeuanhvan.com/esp-business-english/business-dialogues/7363-improving-brand-image (accessed 6 January 2019).
- Yeu Anh Van.* ESP & Business English. Taking an Order. 2018b. URL : www.yeuanhvan.com/esp-business-english/business-reading/7410-taking-an-order (accessed 3 January 2019).
- Yeu Anh Van.* ESP & Business English. Telephone Banking – Business English Dialogues. 2018c. URL : www.yeuanhvan.com/esp-business-english/business-dialogues/7368-telephone-banking-business-english-dialogues (accessed 5 January 2019).

- Yeu Anh Van*. ESP & Business English. Happy Shareholders. 2018d. URL : www.yeuanhvan.com/esp-business-english/business-dialogues/7376-business-english-happy-shareholders (accessed 6 January 2019).
- Yeu Anh Van*. ESP & Business English. Hardware Deductions. 2018e. URL : www.yeuanhvan.com/esp-business-english/business-dialogues/7391-business-english-hardware-deductions (accessed 6 January 2019).
- Yeu Anh Van*. ESP & Business English. Discussing Ideas at a Meeting. 2018f. URL : www.yeuanhvan.com/esp-business-english/business-dialogues/7377-business-english-discussing-ideas-at-a-meeting (accessed 6 January 2019).

О РАСПАДЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА-ОСНОВЫ

Статья обобщает лингвистические, археологические и генетические данные о характере праиндоевропейского единства и о причинах его дальнейшего распада на отдельные диалектные группы и ветви языков. Материалом для анализа послужили лекции профессора О. Широкова по истории языкознания, прослушанные автором статьи на филфаке МГУ им. М. В. Ломоносова в 1991 г., статья из журнала *Scientific American* 1994 г. о причинах языкового разнообразия на земном шаре. В поле зрения автора также находится ностратическая теория наших соотечественников В. Иллич-Свитыча и А. Долгопольского, в которой объясняется происхождение сверхязыковой ностратической семьи, восходящей к протоностратическому языку, предположительно существовавшему на Ближнем Востоке около 15 тыс. лет назад. Автор добавила также данные из личного преподавательского общения со студентами с Северного Кавказа для иллюстрации явления лингвистической дивергенции двух языков. Работу завершают генетические данные из недавних исследований древней ДНК могильников Западной, Северной и Центральной Европы. Основные результаты проведенного анализа можно свести к следующему. Предположительно 15-20 тыс. лет назад мог существовать некий семитский праязык-прародитель сразу нескольких языковых семей: индоевропейской, афроазиатской, дравидийской, алтайской и уральской, который пришел на новые территории с Ближнего Востока в облике фермера-земледельца. Это предположение подтверждается современными генетическими и археологическими данными о характере ДНК древних захоронений в Европе. Миграции индоевропейцев, сметавшие на своем пути древние доиндоевропейские цивилизации и приводившие к замещению неиндоевропейского языка индоевропейским, были, скорее всего, связаны с их внешней военной экспансией и могли наложиться на очередную сельскохозяйственную волну. Образование новых языковых семей и / или распад старых обусловлен так или иначе влиянием вышеназванных факторов.

Ключевые слова: индоевропейский язык-основа; конвергенция; дивергенция; замещение; языковые семьи; ностратики; консонантное письмо.

Ju. B. Markova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: julia@themarkovgroup.com

ON THE DECAY OF PROTO-INDO-EUROPEAN

The article sums up linguistic, archeological and genetic data on Proto-Indo-European community and the reasons for its further splitting into dialectal groups and branches of languages. The author chose for analysis Professor O. Shirokov's lectures on the History of Linguistics, attended at the philological Department of MSU named after M. V. Lomonosov in 1991; an article on the reasons for the world's linguistic diversity from the Scientific American of 1994; the article is focused on the Nostratic theory of our countrymen V. Illich-Svitych and A. Dolgopolsky, who worked out perhaps the best-known macrofamily, which was derived from a Proto-Nostratic language supposedly spoken in the Middle East some fifteen thousand years ago. The author also provides some linguistic data derived from her professional face-to-face communication with students from the Northern Caucasus to illustrate the phenomenon of linguistic divergence between two languages. The article ends up with genetic data from the recent studies of the ancient DNA from burials in Western, Northern and Central Europe. The main results of the conducted analysis are as follows. Around fifteen or twenty thousand years ago there might have existed a Semitic Protolanguage which later produced ramifications known today as the following language families: Indo-European, Afro-Asiatic, Dravidian, Altaic and Uralic. This Protolanguage came to the new territories from the Middle East in a farmer's disguise. This hypothesis has been recently backed up by the latest genetic and archeological studies on the nature of the ancient DNA from European burials. Indo-European migrations, which annihilated ancient non-Indo-European civilizations and led to the replacement of non-Indo-European languages with Indo-European ones, were most likely caused by their military expansion and might have overlapped with one of those agricultural migrations that occurred in human history a few times. The formation of new language families and / or collapse of old ones seems to have been connected with the above-mentioned factors.

Key words: Proto-Indo-European; convergence; divergence; replacement; language families; nostratic languages; consonantal writing.

Введение

Английский язык относится к германским языкам, возникшим в результате обособленного развития одной из диалектных групп индоевропейского праязыка, распавшегося в IV тысячелетии до н. э. В последнее время к накопившимся языковым данным о происхождении индоевропейского языка-основы, а также археологическим о быте ранних индоевропейцев добавились интереснейшие факты полигенетических исследований древней ДНК, проливающие свет на генетические контакты неолитических переселенцев-фермеров Ближнего Востока с автохтонным населением Западной и Северной Европы. Цель данной

статьи – выявить универсальные причины формирования и распада языковых семей в целом и индоевропейской, в частности, сведя воедино данные языкознания, археологии и генетики.

Природа индоевропейского языка-основы в разное время интересовала выдающихся исследователей-лингвистов. Ф. де Соссюр исследовал природу индоевропейского слога и аблаута и установил фонологические единицы для хеттского языка, одного из первых отделившихся языков. Эти сонантические коэффициенты, или ларингалы (палатальные заднеязычные полугласные или спиранты), исчезли одновременно с распадом индоевропейского праединства. Ф. Фортунатову принадлежит курс лекций по фонетике старославянского (церковнославянского) языка в сравнении с праиндоевропейским состоянием. Необходимо также сказать о вкладе А. Мейе (теория субстрата), Е. Куриловича (развитие ларингальной теории), Т. Гамкрелидзе, В. Иванова (глуттальная теория) и многих других в разработку данной проблематики. Под гипотетическим индоевропейским праязыком будем понимать некое раннее его состояние, предшествовавшее распаду.

Экспансия индоевропейцев на запад в Европу и на восток в Азию со своей прародины, южнорусских степей, в конце последнего ледникового периода совпала с началом распада праиндоевропейского единства на отдельные диалектные группы [Viney 2008]. Это был массивный «генетический арийский приток» из волжских и причерноморских степей. А он, в свою очередь, был связан с сельскохозяйственной волной переселенцев / мигрантов из Анатолии через Босфор. По-прежнему остается открытым вопрос, мог ли прародиной праиндоевропейцев быть Ближний Восток (девять тысяч лет назад в эпоху неолита).

Индоевропейцы – это средиземноморская европеоидная раса. Они были не только кочевниками-скотоводами, но и воинами, всадниками. Были знакомы с изобретением колеса, плуга, «шнуровой» / бечевой или ямочной керамики, умели ткать и прясть, приручили лошадь и разводили домашнюю птицу. Среди них было распространено многобожие.

Лингвистические и археологические данные

Гипотетический праязык, предок индоевропейского языка, мог прийти на новую территорию как колонизатор-мигрант в лице фермера

/ земледельца, торговца или воина [Renfrew 1994]. Далее возможна была либо *конвергенция* / слияние двух встретившихся языков, либо *дивергенция*, либо *вытеснение* / *замещение* одного языка другим.

Примером *конвергенции* может послужить хеттский язык, в котором лексика и грамматика происходят из разных языков. Протохетты не были индоевропейцами. Хетты в начале II тысячелетия до н. э. переняли у хаттов, чей расцвет пришелся на конец III тысячелетия до н. э., их тайну производства железа. Позднее неиндоевропейцы-хетты стали индоевропейцами, а хатты были ими вытеснены и замещены на этой территории. Хеттское государство на территории Малой Азии пережило расцвет в XV в. до н. э. Упоминание о хеттах можно найти в самых древних главах Книги Бытия Ветхого Завета (XII–XI вв. до н. э.), совпавшее со временем написания гомеровских поэм о Троянской войне. Последнее немаловажно, так как древнегреческая мифология могла находиться под сильным воздействием хеттской. Хеттский язык относится к анатолийской подгруппе индоевропейских языков. Праанатолийский язык также развился из индоевропейского языка-основы.

Дивергенция кавказских языков или их сильное диалектное членение, когда городские дети в одной семье могут не понимать язык своих бабушек и дедушек, проживающих в сельской местности, свидетельствует о древнем автохтонном населении данной территории, раннем первичном распространении данных языков. Подобная, но уже генетическая *дивергенция*, есть и в Африке, где самые сильные генетические расхождения наблюдаются у жителей соседних деревень, что также свидетельствует об их древнейшем происхождении.

В качестве *замещения* можно привести пример вытеснения неиндоевропейского языка индоевропейским – это распространение фарси в Иране. Небольшая военная элита степных кочевников покорила древнейшую доиндоевропейскую цивилизацию благодаря изобретению конницы, имевшей преимущество перед колесницей. Упадок и исчезновение культуры Хараппу в долине Инда (расцвет в 3500 до н. э.) в 1500 до н.э., возможно, также было связаны с вторжением степных арийских всадников из Центральной Азии. В III тысячелетии до н. э. под натиском арийцев исчезла прадравидийская культура Мохенджо-Даро, чья система письма по-прежнему не расшифрована и которая вместе с индоевропейской входит в ностратическую семью.

В IV тысячелетии до н. э. индоевропейцы разрушили древнюю культуру Винча в Варне. Ее система письма также остается недешифрованной. Речь идет о доностратических клинописных табличках, родственных протошумерскому. Крупные языковые семьи возникают из-за *вытеснения / замещения* одного языка другим.

Первые люди появились в Африке и расселились по всему земному шару около ста тысяч лет назад. Лингвистические следы этой миграции включают, в частности, язык басков, кавказские языки, языки аборигенов Австралии, нилосахарские языки Африки, языки Северной и Южной Америки, языки Тихого и Индийского океанов, Новой Гвинеи и некоторые другие [Renfrew1994]. Зарождение земледелия в нескольких местах на планете вызвало миграции населения. Языки первых фермеров распространялись и преобразовывались в языковые семьи: афроазиатскую, индоевропейскую, синотибетскую и другие.

Первая сельскохозяйственная волна в Индию из Ближнего Востока 30 тыс. лет назад связана с возникновением дравидийской языковой семьи. Распространение индоевропейских языков в Иране, Северной Индии и Пакистане совпадает с распространением кочевого скотоводства во II тысячелетии до н. э. Большинство языковых семей возникло как результат таяния сошедшего ледника в конце последнего ледникового периода около 10 тыс. лет назад и связано с распространением сельского хозяйства и / или заселения ранее необитаемой земли (эскимоско-алеутские, уральские языки). Рост рождаемости и снижение младенческой смертности из-за хороших урожаев и большого поголовья скота у фермеров маркировало их язык как более социально престижный по сравнению с языком соседних охотников-собирателей (алтайские языки в Азии). В Европу сельское хозяйство пришло из Анатолии, но фермеры, вероятно, не были индоевропейцами. Речь идет о сельскохозяйственной волне из Леванта. Ностратиками называют сверхязыковые семьи: афроазиатскую + индоевропейскую + дравидийскую + уральскую. Распространение протоностратических языков на Ближнем Востоке 15 тыс. лет назад также связано с сельскохозяйственной экспансией. 20 тыс. лет назад существовала евразийская сверхсемья, сельскохозяйственная среднеземноморская семья языков. Некий семитский праязык, возможно, является гипотетическим языком-предком сразу нескольких языков: прадравидийского, прауральского, праалтайского и праиндоевропейского.

Использование серебра в Центральной и Северной Европе началось задолго до вторжения индоевропейцев. Тот же корень, который присутствует в словах «серебро» и «silver», в точности сохранился в баскском языке, который до сих пор распространен именно в тех местах, где серебро вместе со свинцом разрабатывали еще в очень ранний период. Наличие неиндоевропейских басков на европейском континенте – это интересный факт, проливающий свет на доиндоевропейскую Европу. Возможно, их присутствие на континенте – это пережиток той самой сельскохозяйственной волны с Ближнего Востока. Эти первые фермеры принесли свой язык и сельскохозяйственную культуру в Европу, Центральную Азию, Пакистан, но позднее были вытеснены индоевропейцами. В свете всего вышесказанного индоевропейский праязык представляется чередой бесконечных, хаотичных массовых заимствований с сильными диалектными членениями, с экстраполяцией краткосрочных языковых изменений.

Письменность возникает на индоевропейских языках между 2000 и 1000 гг. до н. э. у анатолийцев (хеттский язык), индоиранцев и греков (конец XIV – начало XIII века до н. э.). В 1907 г. недалеко от Анкары при раскопках были обнаружены таблички на хеттском языке, напоминающие Вавилонскую клинопись. Письменность хетты, как и греки, заимствовали у финикийцев. Финикийцы / филистимляне (по-древнееврейски – пилиштим), западные семиты, говорившие на угаритском диалекте ханаанского (древнееврейского) языка и давшие название Палестине, придумали консонантное письмо, сумев абстрагироваться от гласных. В XI главе Ветхого Завета впервые упоминается о создании письменности – каменные скрижали Моисея – договор / завет с Богом Яхве. Ханаан, «красная страна» – это древнее название территории Палестины, Сирии и Финикии (*foinike* по-древнегречески – пурпурный). Семиты появились на Средиземноморье в XVII в. до н. э. В древнегреческой мифологии первое упоминание о возникновении греческого письма отражено в мифе о ханаанском царевиче Кадме (*q-d-m* означает «восток» на этом диалекте), который плыл в сторону Греции за своей похищенной Зевсом сестрой Европой, дочерью сидонского царя Агенора. Сидон – город-государство в Финикии, основанное в IV тысячелетии до н. э. Кадмейская крепость в Беотии относится к XIV в. до н. э. Царевичу Кадму приписывают изобретение греческого алфавита. Названия греческих букв повторяют семитские названия

этих же букв. Греки внесли в семитский алфавит обозначение гласных, создав обычное буквенное письмо.

Генетические данные

Последние полногеномные исследования древней ДНК из могильников неолита и бронзы Западной и Северной Европы свидетельствуют о том, что «в Скандинавии и на Иберийском полуострове местное население испытало ощутимый вклад со стороны неолитических земледельцев, но оно сохранило и высокую долю автохтонного компонента, характерного для мезолитического населения всей Западной и Северной Европы» [Индоевропейское языкознание и классическая филология 2016, с. 451]. Мигранты не вытесняли прежних жителей (местных земледельцев и поздних охотников-собирателей), а интенсивно «смешивались» с ними как минимум в течение тысячи лет. Генофонд Центральной Европы и Британских островов испытал сильное демографическое влияние:

- 1) во время сельскохозяйственной миграции из Анатолии, которое принесло неолитическую революцию;
- 2) со стороны восточноевропейских переселенцев в начале Бронзового века в середине II тысячелетия до н. э., представителей шнуrowой керамики и ямной культуры.

Неолитические переселенцы из Центральной Европы попали в Ирландию через Испанию и западное побережье Франции. Генофонд людей эпохи бронзы Ирландии, сформировавшийся в результате двух вышеперечисленных миграционных волн эпохи Неолита и Бронзы, близок к генофонду современных валлийцев, ирландцев и шотландцев. Третья миграционная волна на Британские острова связана с вторжением англосаксонских племен в Раннем Средневековье.

Заключение

Из всего вышесказанного напрашиваются следующие выводы:

1. В истории человечества случились, по крайней мере, четыре крупные сельскохозяйственные миграции с интервалами около десяти – пяти тысяч лет каждая, приводившие к образованию новых языковых семей и / или к распаду старых.
2. Распространению индоевропейских языков способствовала также военная экспансия арийцев, которая привела к исчезновению с лица Земли многих древних культур и цивилизаций.

3. Индоевропейский праязык предстает чередой бесконечных, хаотичных, массовых заимствований с сильными диалектными членениями и экстраполяцией языковых изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX : материалы чтений, посв. памяти проф. И. М. Тронского / отв. ред. Н. Н. Казанский. 1-й полумтом. СПб. : Наука, 2016. 1218 с.
- Renfrew C.* World Linguistic Diversity // *Scientific American*. 1994. № 1. P. 116–123.
- Viney B.* The History of the English language. Oxford : Oxford University Press, 2008. 88 p.

REFERENCES

- Indoeuropejskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija – XX : materialy chtenij, posv. pamjati prof. I. M. Tronskogo / отв. red. N. N. Kazanskij. 1-j polutom. SPb. : Nauka, 2016. 1218 s.
- Renfrew C.* World Linguistic Diversity // *Scientific American*. 1994. № 1. P. 116–123.
- Viney B.* The History of the English language. Oxford : Oxford University Press, 2008. 88 p.

УДК 81'37.111

Е. А. Попова

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры грамматики и истории
английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: katandr25@rambler.ru

ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ДИТРАНЗИТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель статьи – описание особенностей употребления пассивных конструкций с дитранзитивными глаголами. Особое внимание уделяется тем глаголам, о которых в справочной литературе дается противоречивая информация. Предлагаются рекомендации относительно использования дитранзитивных глаголов в пассиве. Исследование проводится на базе сведений из нормативных грамматических справочников, а также данных Британского национального корпуса английского языка. Используются следующие методы: сочетание качественного анализа с количественным, элементы структурного, семантического и дистрибутивного анализа.

Ключевые слова: пассивный (страдательный) залог; пассивная конструкция; дитранзитивный глагол.

E. A. Popova

Ph. D. (Philology), Senior Lecturer, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: katandr25@rambler.ru

PASSIVE CONSTRUCTIONS WITH DITRANSITIVE VERBS IN ENGLISH

The article is aimed at describing the usage of passive constructions with ditransitive verbs. Special attention is paid to the verbs on which reference books provide contradictory information. The article also offers recommendations on how to use ditransitive verbs in the passive voice. The research is done on the basis of grammar reference books, as well as data from the British National Corpus of the English language. The methods used include combination of qualitative and quantitative analysis, elements of structural, semantic and distributional analysis.

Key words: the Passive voice; passive construction; ditransitive verb.

Введение

Особенности использования страдательного (пассивного) залога в английском языке не только представляют интерес для исследователя,

но и вызывают большие сложности у изучающих данный язык. Одна из них – это выбор подходящей пассивной конструкции.

В русском языке подлежащее предложения в страдательном залоге всегда будет соответствовать прямому дополнению в действительном залоге, например: *Письмо было послано вчера*. В английском языке, в отличие от русского, выделяются три типа пассивных конструкций: так называемые *the Direct Passive*, например: *He was sent to the best school in the country*; *the Indirect Passive*, например: *He was sent a letter*; *the Prepositional Passive*: *The doctor was sent for* [Крылова, Гордон 1999, с. 87–92]. Название конструкции связано с тем, какому типу дополнения соответствует субъект данной пассивной конструкции: прямому, косвенному или предложному. При этом есть ограничения на использование определенных глаголов в той или иной конструкции. Так, глагол *give* может быть в двух пассивных конструкциях, а глагол *explain* используется только в конструкции *the Direct Passive* [Верховская и др. 1987, с. 31–32; Крылова, Крылова 1986, с. 89–92; Hewings 2013, с. 44].

Цели, задачи и методы исследования

Целью данной статьи является изучение особенностей использования английских дитранзитивных глаголов в страдательном залоге. Цель исследования предполагает решение следующих задач: описать существующие типы пассивных конструкций и различия между ними, выявить современные тенденции в использовании определенных глаголов в той или иной конструкции, а также возможные причины таких тенденций.

Выполнение задач исследования предполагает анализ справочной литературы по грамматике английского языка и при необходимости привлечение корпусных данных. В работе используются следующие методы: сочетание элементов качественного анализа с математико-статистической обработкой данных, элементы структурного и семантического анализа, сочетаемостный анализ.

Типы пассивных конструкций

Еще одна из сложностей, с которой сталкиваются изучающие английский язык, носит, скорее, терминологический характер и связана с классификацией самих дополнений в английских грамматических справочниках. Как видно из анализа справочной литературы,

дополнения обычно подразделяются на прямые и косвенные. Косвенные дополнения, в свою очередь, делятся на предложные и беспредложные [Кобрина и др. 1986, с. 56–61]. С некоторыми глаголами косвенные дополнения используются только с предлогом (например, после глагола *explain* обязателен предлог *to*), а в некоторых случаях использование предлога перед косвенным дополнением становится обязательным только при изменении порядка слов, когда на первом месте стоит прямое дополнение, например: *Give the money to me* [Кобрина и др. 1986, с. 59–60].

Однако при определении типа пассивной конструкции удобнее с практической точки зрения будет несколько упрощенная классификация, при которой дополнения подразделяются на прямые, косвенные и предложные [Иванова и др. 1981, с. 126; Крылова, Крылова 1986, с. 165; Резник и др. 2004, с. 181–183]. В этом случае в качестве косвенных рассматриваются те дополнения, с которыми использование предлога варьируется в зависимости от порядка слов (например, *me* в *Give me the money* и *Give the money to me*). Предложными считаются те дополнения, которые используются только с предлогом (например, *me* в *Look at me!*).

Конструкция *the Direct Passive* является наиболее частотной и может использоваться с большинством переходных глаголов (*The book was written in the 19th century*). Тем не менее некоторые английские переходные глаголы (*resemble, suit, become, fit, lack* и др.) не используются в пассиве или могут быть в страдательном залоге только в некоторых значениях [Верховская и др. 1987, с. 31; Carter 2015, с. 795; Swan 1997, с. 409].

Конструкция *the Prepositional Passive* является второй по частотности в английском языке [Крылова, Гордон 1999, с. 91] и может использоваться с глаголами говорения (*comment on, speak about / of / to, talk about / of*), с глаголом *look* в сочетании с различными предлогами (*look at, look upon, look after*; глаголами, обозначающими насмешку (*laugh at, mock at, sneer at*), с некоторыми глаголами, входящими в состав устойчивых выражений (*get in touch with, take care of*), а также с некоторыми другими глаголами (*approve of, ask for, deal with, rely on, send for*).

Здесь надо отметить важное ограничение. Глаголы, используемые с двумя дополнениями, прямым и предложным, могут быть только

в конструкции *the Direct Passive* (например, *The rule was explained to us yesterday*). В эту группу входят такие глаголы, как *explain (sth to sb)*, *announce*, *dedicate*, *demonstrate*, *describe*, *devote*, *introduce*, *mention*, *point out*, *propose*, *report*, *say*, *suggest* и др. [Верховская 1987, с. 32; Крылова, Гордон 1999, с. 92; Hewings 2013, с. 44]. С некоторыми из этих глаголов, если прямое дополнение выражено придаточным, возможна особая разновидность пассивной конструкции с формальным *it* в качестве подлежащего (*It was explained to us that...*).

Конструкция *the Indirect Passive*, в которой подлежащее соответствует косвенному дополнению, наиболее ограничена в использовании и употребляется только с определенными глаголами: *allow*, *award*, *give*, *grant*, *hand*, *leave*, *lend*, *offer*, *owe*, *pass*, *pay*, *promise*, *refuse*, *send*, *show*, *tell*, *throw* [Грибанова, Коршунова 2015, с. 60; Кобрина и др. 1986, с. 78; Крылова, Гордон 1999, с. 89–90; Carter, McCarthy 2015, с. 477; Hewings 2013, с. 44; Murphy 1995, с. 86; Swan 1997, с. 411–412; Vince 2013, с. 34]. Например: *He was given a book*.

Отметим, что данные глаголы также встречаются и в прямом пассиве (например, *A book was given to him*). Выбор между конструкциями *the Indirect Passive* и *the Direct Passive* обусловлен некоторыми различиями в информационной структуре предложения [Swan 1997, с. 411]. Поскольку новая и более важная информация обычно помещается в конце предложения, *the Indirect Passive* позволяет выделить прямое дополнение, обозначающее объект, подлежащий передаче. *The Direct Passive*, наоборот, позволяет перенести центр внимания на косвенное дополнение, выражающее адресата действия.

Так, в предложении *John was paid 200\$* говорящий концентрирует внимание на сумме, которую заплатили. В предложении *200\$ was paid to John* центр внимания смещается на получателя денег (Джона).

Косвенный пассив возможен с устойчивыми выражениями, содержащими глагол *give* (*give a chance*, *give a task*), *grant* (*grant an audience*, *grant leave*): *I haven't been given any choice*; *I have been granted leave of absence*.

С глаголом *tell* косвенная пассивная конструкция предпочтительна [Крылова, Гордон 1999, с. 89–90]. По-видимому, это связано с сочетаемостью данного глагола, поскольку в качестве прямого дополнения часто выступает придаточное предложение (*He was told she had got married*).

С другой стороны, такие глаголы, как *bring, play, read, telegraph, write, buy, sell, sing*, тоже сочетаются с двумя дополнениями, прямым и косвенным (*buy sb sth, bring sb sth*), но рекомендуются к использованию только в прямом пассиве (*A chair was brought to me*) [Кобрина и др. 1985, с. 79; Крылова, Гордон 1999, с. 91–92]. По-видимому, данное ограничение связано с тем, что данные глаголы одновременно могут использоваться с прямым и предложным дополнением (например, *buy sth for sb, sing sth for sb*) и попадают под аналогию с глаголами типа *explain*. В ряде источников приводятся факты использования некоторых глаголов этой группы (*bring, sell, read* и др.) и в косвенном пассиве [Грибанова, Коршунова 2015, с. 61; Hewings 2013, с. 44; Vince 2013, с. 34].

Некоторые авторы отдельно рассматривают глаголы типа *advise, allow, ask, command, invite, make, request* как сочетающиеся с прямым и косвенным дополнением, при этом прямое дополнение выражено инфинитивом¹. Поскольку инфинитив не может становиться подлежащим пассивной конструкции, рекомендуется использовать предложения типа *He was advised to see the doctor*. При этом данную конструкцию могут относить как к разновидности *the Indirect Passive* [Кобрина и др. 1985, с. 79], так и к *the Direct Passive* [Крылова, Гордон 1999, с. 87–88].

Особое внимание следует уделить таким глаголам, как *ask, answer, envy, forgive, teach*. В справочной литературе нет единого мнения по вопросу о том, с какими типами дополнений они сочетаются (возможно, разные трактовки связаны с тем, что в современном английском языке практически отсутствуют падежные окончания). В некоторых источниках утверждается, что эти глаголы используются с двумя прямыми дополнениями и представляют собой отдельную группу [Грибанова, Коршунова 2015, с. 62; Резник и др., 2004, с. 181]. Другие авторы рассматривают данные глаголы в одной группе с глаголами, имеющими прямое и косвенное дополнение (*give, pay, show*) [Murphy 1995, с. 86].

В пособии Н. А. Кобриной и др. только *teach* рассматривается как глагол, сочетающийся с прямым и косвенным дополнением; *ask, answer, envy, forgive, refuse* выделяются в отдельную группу как глаголы с двумя прямыми дополнениями [Кобрина и др. 1985, с. 78–79]. В книге М. Суона ‘*Practical English Usage*’ *refuse* включается в группу

¹ Сюда же относятся глаголы *tell* и *ask*, если они используются с инфинитивом (*They were asked to come later*).

глаголов с прямым и косвенным дополнением, используемых в двух пассивных конструкциях [Swan 1997, с. 411–412].

Соответственно, варьируются рекомендации относительно использования вышеупомянутых глаголов в страдательном залоге. В большинстве случаев рекомендуется употреблять данные глаголы в пассиве с подлежащим, обозначающим человека, например: *He was asked a lot of questions* [Грибанова, Коршунова 2015, с. 62; Кобрина и др. 1985, с. 78–79; Murphy 1995, с. 86].

В таблице 1 собраны рекомендации из справочной и учебной литературы по использованию определенных дитранзитивных глаголов в страдательном залоге. Знак «+» означает, что глагол (группу глаголов) можно употреблять в данной пассивной конструкции, знак «–» означает, что в данной модели глагол не используется. «+ / –» означает, что в разных источниках приводится противоречивая информация, или имеет место колебание нормы.

Таблица 1

Использование дитранзитивных глаголов в пассиве

Глаголы Типы пассивных конструкций	The Direct Passive (<i>The news was told to him</i>)	The Indirect Passive (<i>He was told the news</i>)	The Passive + infinitive (<i>He was told to go</i>)
Allow, tell	+	+	+
give, grant, hand, leave, lend, offer, owe, pass, pay, promise, refuse, send, show	+	+	–
ask, teach	+ / –	+ / –	+
answer, envy, forgive	+ / –	+ / –	–
bring, buy, play, read, sell, sing, telegraph, write	+	– / +	–
announce, dedicate, devote, explain, point out, propose, say, suggest	+	–	–
advise, command, invite, make, request	–	–	+

Как видим, существующая система правил достаточно сложная и требует заучивания глаголов вместе с образцами их использования в пассиве. При этом у разных авторов глаголы могут быть сгруппированы по-разному. При отсутствии того или иного конкретного глагола в справочниках или при несовпадении рекомендаций приходится обращаться непосредственно к корпусным данным.

Анализ корпусных данных

Рассмотрим те глаголы, о которых в разных грамматических справочниках дается противоречивая информация: *ask, answer, bring, buy, envy, forgive, play, read, sell, sing, teach, telegraph, write*.

Анализ языкового материала Британского национального корпуса английского языка показал следующее [The British National Corpus 2007].

Для глагола *bring* характерно употребление в конструкции *the Direct Passive*, валентность глагола на второе дополнение обычно остается нереализованной. Довольно часто *bring* используется в качестве фразового глагола:

Steve was brought up as a strict Baptist [The British National Corpus 2007, 1-CH1].

При использовании в своем прямом значении (физическое перемещение предмета в пространстве) *bring* обычно сочетается с обстоятельством места (локативом), например:

She was brought here several days ago following a mysterious incident at her home [там же, 27 AM6].

Косвенное дополнение, выражающее адресата, встречалось после данного глагола в пассиве в единичных случаях (0,2 % от всех случаев употребления *bring* в пассиве):

...until it was brought to her by her husband [там же, 46 FD3].

Еще реже (0,06 %) встретились случаи использования конструкции *the Indirect Passive*:

...the travelers sat down outside a house and were brought wooden dishes – Johnson calls them ‘pails’ – of milk [там же, 184 G1Y].

Глагол *buy* преимущественно встречается в конструкции *the Direct Passive*. Глагол может сочетаться с предложным дополнением, указывающим на:

- цену:

The car was bought secondhand for 15 [The British National Corpus 2007, 145 K4T];

- адресата действия:

Penny was bought as a puppy for Vicky at Christmas a few years ago... [там же, 37 K97];

- продавца:

Bryn Jones was bought from Wolves as James's successor in 1938... [там же, 68 BOL];

- производителя действия (покупателя):

Biddesden was bought by the Everetts in 1795... [там же, 60 AB4].

Конструкция *the Indirect Passive* встретила в единичных случаях (1,4%): *I was bought a large trunk...* [там же, 7 CBO].

Глагол *sell* в подавляющем большинстве случаев употреблялся в конструкции *the Direct Passive*, при этом адресат указывался в 31,7% случаев:

...the house was sold to the Hutchings family... [The British National Corpus 2007, 37 AB4].

Конструкция *the Indirect Passive* встретила лишь в 0,7% случаев:

...he was sold those items the company technologists had produced [там же, 97 K9J].

Глагол *read* в большинстве случаев (88%) употреблялся в конструкции *the Direct Passive*, без последующего дополнения:

A petition was read and signed on the spot for that purpose [там же, 59 FTT].

В ряде случаев *read* использовался как фразовый глагол:

Lashley expressed no emotion when the guilty verdict was read out [там же, 3 KRT].

Предложения с указанием на адресата встретились в 12% случаев:

She collapsed again as the 22-page indictment was read to a jury of 12 men and three women [The British National Corpus 2007, 24 K5M].

Глаголы *write, play, sing, telegraph* также использовались в конструкции *the Direct Passive*, периодически сочетаясь с предложным дополнением:

...this letter was written to Osbald in exile... [The British National Corpus 2007, 437 G0G];

...the screenplay was written specially for Sir Alec... [там же, 136 K2Y];

...it was played to me [там же, 126 BMC];

...the anthem ... was played for Hassiba Boulmerka... [там же, 9 CH6];

...long balls were played at them [там же, 19 CEP].

Глаголы *ask, teach, forgive, envy, answer*, используемые с двумя прямыми дополнениями, показали некоторые различия в сочетаемости.

Так, глагол *ask* (наиболее частотный в данной группе) гораздо чаще использовался в пассивном залоге с подлежащим, обозначающим человека (*Sb was asked...*).

В большинстве случаев (67,7%) за глаголом в пассиве следовало дополнение, выраженное инфинитивом:

We were asked to sit in the third and fourth rows... [The British National Corpus 2007, 25 CRS]

По-видимому, это связано с семантикой глагола *ask*, который в данных случаях предполагает вербальное воздействие на адресата с целью побудить последнего к действию.

На втором месте по частотности (16%) оказались предложения с дополнительными придаточными:

Thus, the vendors were asked in which part of London it would be unwise to resell the goods [The British National Corpus 2007, 38 FCC].

В данном случае это опять обусловлено семантикой глагола, в этом контексте выражающего запрос какой-либо информации.

Отметим, что инфинитив или придаточное предложение не используются в качестве подлежащего пассивных конструкций [Крылова, Гордон 1999, с. 88].

Менее частотными (3,9%) были предложения с одушевленным подлежащим и с дополнениями, выраженными именной группой:

For example, a group of policemen and women taking a police studies degree were asked their opinions on community policing... [The British National Corpus 2007, 19 A5Y].

Изредка (1,7 %) за глаголом следовало предложное дополнение:

...a number of American professors were asked for their comments [The British National Corpus 2007, 56 J57].

Предложения, в которых подлежащее обозначало неодушевленный предмет или абстрактное понятие, встретились в корпусе намного реже (4,2 %):

...these questions were asked by people who already knew she was Catholic... [The British National Corpus 2007, 18 A5Y].

В незначительном количестве предложений (0,8 %) глагол *ask* использовался в предложной конструкции:

...the two specific reports that were asked for, were fire safety and trimming [The British National Corpus 2007, 8 J3S].

Глагол *teach* также преимущественно использовался в пассивных предложениях с одушевленным подлежащим. По-видимому, такой образец сочетаемости обусловлен семантикой глагола: инструктаж перед выполнением определенных действий, передача какой-либо информации адресату. Значение глагола, в свою очередь, влияет на семантику и способ выражения следующего за ним дополнения.

На первом месте по частотности (25,9 %) оказались предложения типа *Sb was taught sth*, где за глаголом следовало прямое дополнение, выраженное именной группой:

I think mostly we were taught letter formation... [The British National Corpus 2007, 2 KDW].

На втором месте (24,7 %) оказались предложения с инфинитивом типа *Sb was taught to do sth*, например:

We were taught to be thrifty [The British National Corpus 2007, 8 G4T].

На третьем месте по частотности (21,2 %) оказались предложения без прямого дополнения:

...beginners were taught on the ground floor [The British National Corpus 2007, 28 G16].

В незначительном количестве (3,5%) были найдены сочетания глагола с придаточными:

I was taught that a consultation in general practice can last many years [The British National Corpus 2007, 49 FT0].

Регулярно (18,6%) встречались конструкции с неодушевленным подлежащим (*Sth was taught*):

In this school mathematics and science were taught in English, social sciences in Punjabi [The British National Corpus 2007, 46 H88].

Также в корпусе встретились конструкции типа *Sth was taught (to) sb*, однако в небольшом количестве (3%):

...true doctrine was taught to the laity [The British National Corpus 2007, 72 CRK].

В примерах из разговорной речи предлог *to* мог не использоваться:

That was taught me by my grandmother... [The British National Corpus 2007, 66 ADM]

Глаголы *answer*, *forgive*, *envy* использовались в конструкции *the Direct Passive* двух подтипов. С глаголами *answer* и *forgive* предложения типа *Sth was answered*, с неодушевленным подлежащим, были более частотными (85,4% и 64,5%), например:

The phone was answered at once [BNC 2007, 38 H97];

Her prayers were answered [BNC 2007, 2 CR6];

Your sins are forgiven [BNC 2007, 5 B1X].

Предложения с одушевленным подлежащим (*Sb was answered*) оказались менее частотными (14,6% и 35,5%), но использовались достаточно регулярно:

He was answered in part by a deafening blast from outside the vehicle [BNC 2007, 19 FRO];

Forgive me as you are forgiven! [BNC 2007, 6 GW8]

Глагол *envy* чаще (61,1%) использовался в предложениях с одушевленным подлежащим: *Mota is envied for her ability to recover remarkably quicker from a marathon* [BNC 2007, 3 CB4], чем в предложениях с неодушевленным подлежащим: *He said the hospice movement in this*

country is envied around the world for its success in alleviating the pain of terminally-ill patients [BNC 2007, 2 CH1] (61,1 % против 38,8 %).

Таким образом, анализ корпусных данных позволяет сделать следующие выводы относительно использования вышеупомянутых глаголов в пассиве.

Для глаголов *bring, play, read, telegraph, buy, sell, sing, write* типично употребление в конструкции *the Direct Passive*. При необходимости указания на адресата эти глаголы могут использоваться вместе с предложным дополнением.

Для глаголов *ask* и *teach* характерно употребление в пассивной конструкции с подлежащим, обозначающим человека; за глаголом в пассиве может следовать инфинитив или придаточное предложение. Такие особенности сочетаемости, скорее всего, связаны с семантикой данных глаголов (побуждение к действию либо инструктаж перед действием, передача либо запрос информации), и сближают их с глаголом *tell*, который обычно относится к другой группе.

Глаголы *answer, envy, forgive*, как правило, используются в конструкции *the Direct Passive*, в которой подлежащее может обозначать как живое существо, так и неодушевленный предмет / абстрактное понятие.

Заключение

Сочетая информацию, полученную из справочной литературы, и данные Британского национального корпуса, можно сделать и более общие выводы относительно использования дитранзитивных глаголов в страдательном залоге.

Прежде всего, выбор пассивной конструкции связан с типом дополнений, которые следуют за глаголом. Если глагол беспрепятственно сочетается с прямым и косвенным (беспредложным) дополнением, как в случае с *give, send, pay*, возможны две конструкции: *the Direct Passive* и *the Indirect Passive*.

Если глагол требует использование предложного дополнения, как в случае с *explain, describe, dictate*, возможна только одна конструкция: *the Direct Passive*, в которой подлежащее соответствует прямому дополнению предложения в действительном залоге.

Такие глаголы, как *buy, sell*, позволяющие использование и с косвенным, и с предложным дополнением (ср. *buy sb sth* и *buy sth for sb*), предпочтительнее использовать в конструкции *the Direct Passive*.

С глаголами *ask* и *teach* лучше использовать такую пассивную конструкцию, в которой подлежащее обозначает человека.

В заключение отметим, что использование инструментария языковых корпусов позволяет проверить актуальность правил, излагаемых в справочной и учебной литературе. В случае колебания нормы, при наличии противоречивой информации в справочниках корпусные данные помогают выявить современные тенденции использования той или иной грамматической конструкции и в дальнейшем разработать рекомендации для изучающих данный язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верховская И. П.* [и др.]. Английский глагол: Трудности употребления в речи: учеб. пособие для ин-тов и фак.-тов иностр. яз / И. П. Верховская, Т. А. Расторгуева, Л. А. Бармина. М. : Высшая школа, 1987. 192 с.
- Грибанова Т. И., Кориунова Е. Н.* Упражнения по курсу «Практикум по культуре речевого общения. Практическая грамматика английского языка». 3-е изд., доп. и испр. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. 236 с.
- Иванова И. П.* [и др.]. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. М. : Высшая школа, 1981. 285 с.
- Кобрин Н. А.* [и др.]. Грамматика английского языка: Морфология : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / Н. А. Кобрин, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. М.: Просвещение, 1985. 288 с.
- Кобрин Н. А.* [и др.]. Грамматика английского языка: Синтаксис : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / Н. А. Кобрин, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. М.: Просвещение, 1986. 160 с.
- Крылова И. П., Гордон Е. М.* Грамматика современного английского языка: учебник для ин-тов и фак.-тов иностр. яз. 4-е изд., испр. М. : Книжный дом «Университет», 1999. 448 с.
- Крылова И. П., Крылова Е. В.* Грамматика английского языка. М. : Просвещение, 1986. 192 с.
- Резник Р. В.* [и др.]. Практическая грамматика английского языка : учебник / Р. В. Резник, Т. С. Сорокина, Т. А. Казарицкая. 8-е изд. М. : Флинта, Наука, 2004. 686 с.
- Carter R., McCarthy M.* Cambridge Grammar of English. A Comprehensive Guide. Spoken and Written English. Grammar and Usage. 8th printing. Cambridge University Press, 2015. 973 p.

- Hewings M.* Advanced Grammar in Use. Third edition. Cambridge University Press, 2013. 294 p.
- Murphy R.* English Grammar in Use. Fifth printing. Cambridge University Press, 1995. 350 p.
- Swan M.* Practical English Usage. Second Edition. Oxford University Press, 1997. 654 p.
- The British National Corpus. 2007. Version 3. BNC XML Edition / Distributed by Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium. URL : www.natcorp.ox.ac.uk/.
- Vince M.* Macmillan English Grammar in Context Advanced. Macmillan Publishers Limited, 2013. 240 p.

REFERENCES

- Verhovskaja I. P.* [i dr.]. Anglijskij glagol: Trudnosti upotreblenija v rechi: ucheb. posobie dlja in-tov i fak.-tov inostr. jaz / I. P. Verhovskaja, T. A. Rastorgueva, L. A. Barmina. M. : Vysshaja shkola, 1987. 192 s.
- Gribanova T. I., Korshunova E. N.* Uprazhnenija po kursu «Praktikum po kul'ture rechevogo obshhenija. Prakticheskaja grammatika anglijskogo jazyka». 3-e izd., dop. i ispr. M. : FGBOU VPO MGLU, 2015. 236 s.
- Ivanova I. P.* [i dr.]. Teoreticheskaja grammatika sovremennogo anglijskogo jazyka: uchebnik / I. P. Ivanova, V. V. Burlakova, G. G. Pochepcov. M. : Vysshaja shkola, 1981. 285 s.
- Kobrina N. A.* [i dr.]. Grammatika anglijskogo jazyka: Morfologija : ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov po spec. № 2103 «Inostr. jaz.» / N. A. Kobrina, E. A. Korneeva, M. I. Ossovskaja, K. A. Guzeeva. M. : Prosveshhenie, 1985. 288 s.
- Kobrina N. A.* [i dr.]. Grammatika anglijskogo jazyka: Sintaksis. Ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov po spec. № 2103 «Inostr. jaz.» / N. A. Kobrina, E. A. Korneeva, M. I. Ossovskaja, K. A. Guzeeva. M. : Prosveshhenie, 1986. 160 s.
- Krylova I. P., Gordon E. M.* Grammatika sovremennogo anglijskogo jazyka : uchebnik dlja in-tov i fak.-tov inostr. jaz. 4-e izd., ispr. M. : Knizhnyj dom «Universitet», 1999. 448 s.
- Krylova I. P., Krylova E. V.* Grammatika anglijskogo jazyka. M. : Prosveshhenie, 1986. 192 s.
- Reznik R. V.* [i dr.]. Prakticheskaja grammatika anglijskogo jazyka : uchebnik / R. V. Reznik, T. S. Sorokina, T. A. Kazarickaja. 8-e izd. M. : Flinta, Nauka, 2004. 686 c.
- Carter R., McCarthy M.* Cambridge Grammar of English. A Comprehensive Guide. Spoken and Written English. Grammar and Usage. 8th printing. Cambridge University Press, 2015. 973 p.

- Hewings M.* Advanced Grammar in Use. Third edition. Cambridge University Press, 2013. 294 p.
- Murphy R.* English Grammar in Use. Fifth printing. Cambridge University Press, 1995. 350 p.
- Swan M.* Practical English Usage. Second Edition. Oxford University Press, 1997. 654 p.
- The British National Corpus. 2007. Version 3. BNC XML Edition / Distributed by Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium. URL : www.natcorp.ox.ac.uk/.
- Vince M.* Macmillan English Grammar in Context Advanced. Macmillan Publishers Limited, 2013. 240 p.

УДК 81.2

И. Д. Романова

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического
университета; e-mail: id-vedenina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ПЕРСУАЗИВНОГО ХАРАКТЕРА

Статья посвящена описанию особенностей построения рекламных текстов с точки зрения их воздействующего потенциала. Автор акцентирует внимание на персуазивном компоненте воздействия и его реализации в рекламе при помощи различных лингвистических средств. В работе формулируются пять ключевых аспектов, придающих рекламному сообщению персуазивный характер. Актуальность настоящей работы и его практическая значимость связаны с необходимостью изучения основных особенностей персуазивного воздействия в рекламе и соответствующих техник реализации для его осуществления. Материалом исследования послужила англоязычная коммерческая реклама, включающая слоганы и описания потребительских свойств товаров и услуг. Результаты, представленные автором, могут быть использованы для выработки конкретных рекомендаций для рекламодателей, так как в современном мире успешная рекламная деятельность является ключевым аспектом общественной жизни, а также развития бизнеса и деловой активности.

Ключевые слова: персуазивность; реклама; персуазивное воздействие; ориентированность на клиента; формирование чувства общности; позиционирование коллективного мнения; оценивание; мотивация.

I. D. Romanova

Lecturer, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: id-vedenina@yandex.ru

PERSUASIVE FEATURES OF ADVERTISING

The article explores the main peculiarities of advertising texts in terms of communicative impact. The research is focused on persuasive impact as the key way to form the recipient's preferences and attitudes. The author singles out 5 persuasive features of advertising and provides a detailed description of the corresponding linguistic means which serve to realize them. The corpus of materials is authentic and includes original scripts of advertisements and slogans. The results presented by the author can be used to develop specific recommendations for those involved in the advertising industry as well as for anyone interested in business.

Key words: persuasion; advertising; persuasive impact; customer orientation; claim common ground; representation of shared opinion; evaluation, motivation.

Введение

В современном мире реклама не ограничивается обеспечением информированности потребителей товаров и услуг, а является мощным средством регулирования человеческой деятельности. Она не просто позиционирует некоторый продукт или услугу, но и определенным образом воздействует на сознание индивида, что достигается с помощью комбинации визуальных, вербальных и невербальных средств. Пристального внимания заслуживает также этический аспект рекламы. Этическое отношение к потенциальным потребителям выражается не только в правдивом описании характеристик рекламируемого товара или услуги, но и в отсутствии давления на аудиторию. Проявление эгоцентризма и манипуляция, которая нередко используются в рекламе, не всегда эффективны, поскольку они поддаются распознаванию, что может вызвать дискомфорт и ослабить эффект убеждения. Соблюдение рекламной этики позволяет формировать позитивный имидж рекламы в сознании потребителя. Качественная реклама должна содержать контент, сформулированный таким образом, чтобы убедить реципиента, что отклик на нее лежит в сфере его личных интересов, является для него желаемым и необходимым. Только такое воздействие следует рассматривать как *персуазивное* [Голоднов 2003; Cockcroft 2014; Perloff 2017]. Если современная реклама сможет соответствовать вышеуказанным требованиям, т. е. сочетать в себе элементы персуазивного воздействия, то, безусловно, она выйдет на новый уровень воздействия, лишенного агрессии, давления и манипулирования, так как персуазивное воздействие всегда этически нейтрально. В данной статье выделяются основные особенности, характерные для построения рекламных текстов персуазивного характера, которые позволяют не только привлечь внимание к предмету рекламы, но и сформировать доверительный тип отношений между рекламодателем и реципиентом, что на лингвистическом уровне выражается в сокращении дистанции между ними.

Результаты и обсуждения

Любая реклама направлена на выражение сути организации и позволяет представить компанию в выгодном ракурсе. Американский предприниматель и один из самых известных работников компании “Apple” Гай Кавасаки в своем труде «Стартап: 11 мастер-классов от экс-евангелиста Apple» [Кавасаки 2011] выделяет основные особенности

позиционирования организации: оно должно быть клиентоориентированным (т. е. должно показывать, что компания готова сделать в первую очередь для клиента), вдохновляющим, выигрышным и позитивным [Кавасаки 2011, с. 48]. Принимая во внимание вышеперечисленное, можно выделить основные особенности рекламных текстов и лингвистических средств их реализации, которые позволяют оказать необходимое персуазивное воздействие.

1. Ориентированность на клиента эффективна в рекламных целях, поскольку реципиенту намного проще оценить преимущества предмета рекламы, представленного относительно его личной жизни, а не на обобщенных примерах. Употребление местоимения *you* и его формы *your* позволяет продемонстрировать ориентированность на личность клиента, что помогает затронуть его личные чувства, расположить к себе и сократить дистанцию:

Are *you* experiencing a case of the Mondays? Do *you* suffer from a once-weekly outbreak of sore personality, swollen mood or inflamed temper? Then Marmite on toast for breakfast could be the pseudo-scientific remedy *you*'re looking for. It's anecdotally proven to help families smash through the start of the week. To report a case of the Mondays, call the Marmite helpline on 0800 832 1835 (www.campaignlive.co.uk/article/top-10-radio-ads-2016/1418495).

Как видно из данного рекламного сообщения, местоимение *you* позволяет создать иллюзию личной беседы с реципиентом и позиционировать свой рекламный продукт не как универсальное средство улучшения жизни любого человека (безличное позиционирование), а как способ решения личных проблем и удовлетворения личных желаний конкретного индивида, читающего данный текст. С помощью местоимения *you* автор рекламного текста демонстрирует заботу о реципиенте и показывает, что его желания представляют для него интерес, что является необходимым для кооперативного общения и осуществления персуазивного воздействия [Brown, Levinson 2014; Perloff 2017]. Следующий фрагмент рекламного сообщения также демонстрирует преимущество личного позиционирования по сравнению с безличным:

**May we suggest you tell the board
you are choosing a five-seater family saloon**

So *you*'ve spent the last few months diplomatically "loosing" at golf. *You*'ve laughed at the MD's jokes (some were even funny) and *you* kept

schtum when the Chairman's wife deliberately forgot your name. Yesterday it paid off. **Your** back was patted (not stabbed) and **you**'ve just been told to invest some company money in some brand new metal. Allow us to make suggestion. Test drive the stunning new CD Carlsson from Saab. Of course, **you**'ll be hooked from the moment **you** sit in a driving seat, but then there's a problem. People may think **you**'re getting ideas above **your** already lofty station. And **you** didn't get where **you** are today by people thinking **you**'re getting ideas above **your** already lofty station [Cockcroft 2014, с. 203].

В данном примере рекламодаделец обращается к реципиенту как к близкому человеку, чья жизненная ситуация ему знакома во всех подробностях. Местоимение *you* и его форма *your* позиционируют компанию как друга-помощника, который лично знаком со своим потенциальным клиентом.

2. Формирование чувства общности является актуальным для любого рекламного сообщения. П. Браун и С. Левинсон утверждали, что формирование в сознание реципиента чувства включенности в свой круг является необходимым для успешного кооперативного общения [Brown, Levinson 2014, с. 103]. Американские социолингвисты также подчеркивают, что демонстрация принадлежности к одной и той же социальной группе или категории людей формирует в сознании реципиента ассоциацию, что его интересы и ценности разделяются. Акцентирование внимания на общих моментах, объединяющих говорящего и реципиента, также способствуют формированию чувства общности. На лингвистическом уровне данные особенности персуазивного воздействия в рекламе реализуются посредством следующих техник:

- 1) *личного местоимения **we** и его форм (**us, our**)*, адресованного при упоминании реципиента плюс говорящего и подразумевающего «мы с тобой»;
- 2) *грамматических структур и лексики разговорного характера* (например, употребление эллиптических предложений, сокращений, жаргонизмов), что свойственно для общения между «своими» людьми;
- 3) *глаголов, подчеркивающей включенность в свой круг* (например, *share, join, combine, connect*);
- 4) *прилагательных **same, all, similar***;
- 5) *наречия **together***;

- 6) *дейксиса*, включающего реципиента в обозначенный временной интервал или локацию.

Стоит отметить, что использование временной и пространственной локализации посредством дейксиса позволяет включить реципиента в момент и место разговора, что вовлекает его в текущее время и место осуществления речевого акта: если реципиент включен в пространственный и временной интервал, он чувствует себя в большей мере вовлеченным в разговор. Ниже представлены примеры употребления данных техник в фрагментах рекламных сообщений, разработанных компанией Voices.com (www.voices.com):

- a. ***Welcome*** to the first episode of the Amazing Travel Podcast, brought to you by Raving Globetrotters. In this episode, ***we***'ll travel to New Zealand, chat it up with some locals, and meet some members of New Zealand's indigenous people, the Maori, and ***we***'ll even go on an audio tour of the picturesque landscapes where the epic Lord of the Rings trilogy was filmed.
- b. There's nothing quite like a day down on the farm with the family, that is, unless it's a day on the farm with family, fresh maple syrup, and Jackson's Sugarbush! The winter's been good to us here and we'd like to ***share*** the fruits of the season with you.
- c. ***Getting married this year? Organizing a corporate function that needs all the trimmings?*** Sophie's Elegant Events is your premiere event coordinating and concierge firm.
- d. ***Here's*** your personal invitation to ***join*** us at Bloomers Fairgrounds for an all-day event, from eight to six on Saturday November 12th.

3. Позиционирование коллективного мнения является необходимым для придания значимости сказанному относительно предмета рекламы. Точка зрения, поддерживаемая не одним человеком, а группой людей воспринимается как более надежная и проверенная [Sorlin 2016]. Коллективное мнение является также важным фактором для формирования корпоративного имиджа: позиционирование команды как коллектива показывает ее авторитетность, целостность и располагает к себе. В рекламе для выражения коллективного мнения используется местоимение ***we*** и его формы (***our***, ***us***). Стоит отметить, что данная техника реализации уже была указана при описании формирования чувства общности, однако ее использование было

ориентировано на другие цели. В зависимости от бизнес-контекста местоимение *we* может употребляться по отношению к различным лицам [Darics 2018, с. 221–222]:

а) к говорящему (исключающее или собирательное *we*), которое используется вместо личного местоимения *I* для того, чтобы представить произносимые слова не просто как личную точку зрения, а как коллективное мнение, принадлежащее группе людей, которая имеет к этому отношение;

б) к аудитории: это обычно используется для того, чтобы придать высказыванию тон общего мнения или подытожить согласие: *We are clear about this, right?*;

в) к говорящему плюс аудитории (включающее *we*), который относится ко всем участникам коммуникации: *We are all united in this endeavor to make the company profitable again*;

г) к говорящему и третьей стороне (институциональный *we*), который представляет организацию или сферу деятельности, как, например, в предложении *We share a duty of care*, где говорящий выражает коллективное мнение организации, к которой он принадлежит;

д) к говорящему в совокупности с третьей стороной и аудиторией, который одновременно выражает коллективное мнение своей организации и обращается к аудитории, принадлежащей к той же сфере деятельности. Например, слова *We're facing tough times in the banking sector* принадлежат представителю банка, который обращается к коллегам из банковской сферы, ссылаясь на отрасль, частью которой все участники коммуникации являются. Стоит отметить, что в рекламе для позиционирования коллективного мнения может быть использован институциональный и исключающий *we*. Следующие примеры демонстрируют функционирование употребление местоимения *we* (*our, us*) для позиционирования коллективного мнения:

- (a) *We* can open doors on your behalf. Whether you want great days and nights out with your friends and family, a bit of peace and quiet before you leave the airport or entrance to an exclusive shopping event, *we* can make it happen [Darics 2018, с. 76];
- (b) Looking for a new set of wheels but have to trade in your old ones first? Check out Austin's number one automotive buy and sell online at www.website.com. *We've* got cars of all shapes and sizes listed on the web including vintage cars, family vans, and sports cars! (*Voices.com*)

4. **Оценивание (evaluation)** является неотъемлемой частью персуазивной аргументации и подразумевает следующее: выражение мнения говорящего, которое формируется на основе поддерживаемых им ценностей [Hunston, Thompson 2000]. Оценивание субъективно, принимает различные лингвистические формы и включает в себя грамматическое и лексическое выражение воззрений, чувств и суждений. Любое рекламное сообщение демонстрирует личный интерес говорящего и положительную оценку в пользу рекламируемого товара / услуги или отрицательную оценку в пользу иных вариантов. На лексическом уровне оценивание осуществляется с помощью **лексики положительного характера** (*improve, success, achievement, opportunity* и т. д.), а также **лексики отрицательного характера** (*challenging, problems, hardship*) [Darics 2018, Cockcroft 2014]. Использование такой лексики вызывает необходимый эмоциональный отклик в сознании индивида, что помогает ассоциировать рекламный продукт или услугу с положительными моментами: с успехом, возможностями, достижением целей. Грамматически личная оценка может быть выражена **сравнительной** или **превосходной степенью** прилагательных или наречий. Выражение оценивания характерно как для развернутых рекламных сообщений, так и для слоганов:

- a. Are you ready for this? Valley View Automotive's got all of **the hottest** SUVs you've been looking for! Enjoy a test drive and the **opportunity** to drive one of these **powerful** vehicles off the lot for half the price! Yes, half the price! Now is the time to get yourself to Valley View, by car, on foot, or even by air to take **advantage** of this **outrageous** sale – you'd better get here quickly, 'cause this promotion is only going on for 24 hours and the automobiles are leaving the lot faster than you can say 4 wheel drive! Valley View Automotive, a dealership you can depend on (*Voices.com*);
- b. For **life** (*Volvo*);
- c. **Imagination** at work (*General Electric*);
- d. **Good** to the last drop (*Maxwell House*).

5. **Мотивация**, или вдохновение, реципиента в рекламе способствует формированию в сознании индивида желания совершить предлагаемые действия с помощью необходимых языковых средств. Грамматически данная цель реализуется с помощью высказываний в форме императива. Использование повелительного наклонения

популярно в формировании слоганов: императив воздействует на сознание реципиента, помогает сформировать призыв к выполнению указанных действий. Например:

Live in your world. Play in ours (Playstation). *Share moments. Share life* (Kodak). *Eat fresh* (Subway). *Make the most of now* (Vodafone). *Have it your way* (Burger King). *Twist the cap to refreshment* (Coca-Cola).

В следующем развернутом рекламном сообщении также используется императив для побуждения реципиента посетить сайт их компании и забронировать тур:

Itching to go on a vacation but don't have time to plan your getaway? We've solved that problem for you, and then some! **Visit** www.website.com to take full advantage of our complimentary travelogues and destination guides. After all, half the battle is knowing where to go! **Book** discounted airfares, hotels, and your rental car all on our web-site, www.website.com. Website.com... Simple, inexpensive, and fast... Shouldn't everything in life be like this? (*Voices.com*)

Проанализируем рекламное сообщение компании «Toshiba», акцентируя внимание на выделенных особенностях и описанных лингвистических средствах оказания персуазивного воздействия.

A TYPICAL TOSHIBA USER NEEDS **POWER, SPEED, PORTABILITY,**
AND LOOKS LIKE THIS...

We created the **world's first, full line-up of powerful, portable** computers. Because **we** know from experience that every user has different uses and needs. So **we've** designed models ranging from notebook-sized laptops offering the **maximum** in portability to **powerful** office portables that are a match for any desktop. **Our super-integrated** technology makes it **possible** – giving you **less weight, more power, more speed and more choice**. **We** call them the First Family of Portables. And every one is **as individual as you** are. **Call** in at your local Toshiba dealer and **see** which portable computer **we've** designed for **you** (*Toshiba advertisement, "First Family" of Toshiba computers 1989*) [Cockcroft 2014, с. 74].

Данный текст рекламного сообщения позиционируется таким образом, чтобы показать, что рекламодатель отождествляет свою потенциальную аудиторию с реципиентом, включая его в свой круг.

Позиция рекламодателя следующая: *наш суперфункциональный, мощный переносной компьютер предназначен для тебя – такого, как наши передовые пользователи*. Соответственно, формирование чувства общности заложено в самой позиции рекламодателя. Рекламное сообщение начинается с личного местоимения *we*, которое позиционирует компанию «Toshiba» как команду-семью (Family). Предложение: *So we've designed models ranging from notebook-sized laptops offering the maximum in portability to powerful office portables that are a match for any desktop* – сообщает реципиенту, что его возможное мнение и желания были учтены (в рекламном сообщении рекламодателю необходимо продумать возможные предпочтения потенциального покупателя заранее и учесть их при оказании персуазивного воздействия на реципиента). На протяжении всего рекламного сообщения компания «Toshiba» выстраивает свое взаимодействие с потенциальным покупателем, обращаясь к нему с помощью местоимения *you* и рассматривая *тебя (you)* как часть *First Family*, что относится одновременно к ориентированности на реципиента и формированию чувства общности. Лексика, которая описывает компьютеры для социального круга *First Family*, т. е. для «тебя» / реципиента, положительно окрашена (*world's first full line of powerful, positive computers, maximum portability, powerful office portables, super-integrated technology...*), что формирует в сознании потенциального покупателя положительную оценку относительно данных компьютеров. Положительно окрашенная лексика используется и по отношению к потенциальному покупателю: прилагательное *individual* обладает сильным воздействующим потенциалом, так как оно подразумевает уникальность индивида. Данное рекламное сообщение эффективно с точки зрения персуазивного воздействия, так как, с одной стороны, реклама включает реципиента в свой круг счастливых, энергичных и легких на подъем людей, а с другой – подчеркивает индивидуальность каждого потенциального клиента. В результате реципиент принадлежит к желаемому социальному слою, но при этом чувствует себя в нем особенным, не таким как все. Также на протяжении рекламного текста можно наблюдать противопоставление местоимения *we* и *you*, как, например, в предложении:

Call in at your local Toshiba dealer and see which portable computer *we've* designed for *you*.

Данное предложение имеет также мотивационный характер, что демонстрирует императив:

Call in at your local Toshiba dealer and *see* which portable computer we've designed for you.

Заключение

Детальный анализ рекламных текстов позволил выделить пять отличительных особенностей персуазивного воздействия в данном жанре:

- 1) ориентированность на клиента;
- 2) формирование чувства общности;
- 3) позиционирование коллективного мнения;
- 4) оценивание;
- 5) мотивация.

Автор выявил лингвистические средства, которые наделяют рекламный текст перечисленными аспектами и подкрепил свои выводы примерами. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что с помощью выявленных техник персуазивного воздействия рекламодатель способен убедить реципиента в том, что предмет рекламы для него важен и может удовлетворить его желания. Нейтральность с точки зрения этических норм делает персуазивное убеждение менее агрессивным по отношению к реципиенту. Отсутствие давления на реципиента и убедительность рекламного сообщения, которые достигаются с помощью персуазивного воздействия, могут вывести рекламу на более качественный уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 26 с.
- Кавасаки Г. Стартап: 11 мастер-классов от Гая Кавасаки / Г. Кавасаки ; пер. с англ. Е. Корюкиной, предисл. Д. Яна. 2-е изд. М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2011. 253 с.
- Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge University Press, 2014. 345 p.
- Cockcroft R., Cockcroft S. Persuading People: An Introduction to Rhetoric. Third Edition. Palgrave Macmillan, 2014. 323 p.

- Darics E., Koller V.* Language in Business, Language at work. Macmillan Education. Palgrave. 2018. 343 p.
- Hunston S., Thompson G.* Evaluation in Text. Authorial Stance and the Construction of Discourse. Oxford : Oxford University Press, 2000. 240 p.
- Sorlin S.* Language and Manipulation in House of Cards. A Pragma-Stylistic Perspective. Palgrave Macmillan, 2016. 277 p.

REFERENCES

- Golodnov A. V.* Lingvopragmaticheskie osobennosti persuazivnoj kommunikacii (na primere sovremennoj nemeckojazychnoj reklamy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2003. 26 s.
- Kawasaki G.* Startap: 11 master-klassov ot Gaja Kawasaki / G. Kawasaki ; per. s angl. E. Korjukinoj, predisl. D. Jana. 2-e izd. M. : OOO «Junajted Press», 2011. 253 s.
- Brown P., Levinson S. C.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge University Press, 2014. 345 p.
- Cockcroft R., Cockcroft S.* Persuading People: An Introduction to Rhetoric. Third Edition. Palgrave Macmillan, 2014. 323 p.
- Darics E., Koller V.* Language in Business, Language at work. Macmillan Education. Palgrave. 2018. 343 p.
- Hunston S., Thompson G.* Evaluation in Text. Authorial Stance and the Construction of Discourse. Oxford : Oxford University Press, 2000. 240 p.
- Sorlin S.* Language and Manipulation in House of Cards. A Pragma-Stylistic Perspective. Palgrave Macmillan, 2016. 277 p.

УДК 811.111

Т. С. Сорокина

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: sotan1462116gmail.com

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ТРИГГЕР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

В данной статье рассматривается процесс метафоризации как триггер результативности на примере репрезентантов концепта «состояние» – грамматических конструкций. В работе также затрагиваются вопросы исторического развития метафоризации конструкций. Отдельный раздел посвящен полемике относительно возможности превращения канонических каузативных конструкций в конструкции результативного состояния. Историческое развитие процесса метафоризации идет по пути использования глаголов, порождающих метафорические смыслы, т. е. изменение идет от эврисемии к специализации, от абстрактного к конкретному.

Ключевые слова: когнитивная метафора; концепт «состояние»; результативные конструкции; процесс метафоризации.

T. S. Sorokina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor at the Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: sotan1462116gmail.com

METAPHORIZATION AS TRIGGER OF RESULTATIVENESS IN ENGLISH GRAMMATICAL CONSTRUCTIONS

The article is a case study that discusses the process of metaphORIZATION as a trigger of resultativeness in grammatical constructions. The paper is also concerned with the possible paths of historical development of metaphORISATION in constructions. Section 3.2. offers different theoretical pursuits on the transformation of caused-motion constructions into resultant state constructions. Historical evolution of metaphORIZATION process implies the implementation of specialized verbs which can be used metaphorically. Conceptually, it is a path from evrisemy to specification, from abstract to concrete.

Key words: cognitive metaphor; concept “state”; resultative constructions; metaphORIZATION process.

1. Введение

В современной лингвистике метафора понимается как когнитивное явление, относящееся к универсальным языковым механизмам

и к процессам представления знаний на ментальном уровне. Метафоры как языковые явления возможны благодаря существованию метафор в концептуальной системе человека. Когнитивные метафоры устанавливают ассоциативные связи между сформированными концептуальными категориями и тем самым порождают более частные языковые метафоры. На современном этапе развития когнитивной лингвистики явление когнитивной, или концептуальной, метафоры явилось объектом внимания многих лингвистов. Исследования показали, что метафоры в обыденном употреблении не только частотны, но и необходимы, поскольку порождают новые смыслы. Концептуальная метафора была определена как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 55], а метафоричность признана универсальным свойством мышления, характерным для разных сфер человеческой деятельности.

В свою очередь, метафоризация основана на человеческой способности анализировать, ассоциировать, опираясь на свои знания и представления.

Согласно теории концептуальной метафоры она рассматривается как «принцип аналогии, действующий в семантике» [Лингвистика конструкций 2010, с. 295], «при котором “переносу” подвергается не изолированное имя, а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), которая актуализируется некоторым словом в сознании носителя языка благодаря связи данного слова с данной конвенциональной структурой» [Кобозева 2002; Сорокина 2018а, с. 171]. При этом глаголы, меняя свою транзитивность и используя свой лексико-семантический потенциал, как правило, «реализуют побочную силовую динамику, заложенную в семантике глагола» [Сорокина 2018а, с. 171].

Цель данной статьи – рассмотрение роли метафоризации в формировании результативных грамматических структур, а именно – AP, PP и СМС-конструкций в английском языке. В соответствии с нотацией, принятой в грамматике конструкций (Construction Grammar), AP RC – результативная конструкция с результативной фразой, выраженной прилагательным, в PP-конструкции результативная фраза представлена предложным сочетанием с существительным, СМС – это каузативная конструкция (caused-motion constriction).

2. Методология

Методологией, исходной для предлагаемой дискуссии, является конструктивная грамматика (Construction Grammar), структурно-семантическое моделирование и теория когнитивной метафоры.

3. Обсуждение. Результаты

3.1. Категория «состояние» и ее репрезентация

В языкознании состояние – это семантическая категория, отражающая в языке специфическую форму бытия предмета, не влияющую на его сущностные свойства и характеризующуюся целостностью, устойчивостью, стабильностью в течение некоторого периода времени и потенциальной изменяемостью. Таким образом, состояние понимается как фаза в существовании, характеризующаяся сохранением качественно-количественных и пространственно-временных свойств» [Филиппова 2011, с. 23]. Состояние как семантическая категория исследовалось на уровне словоформы (слова категории состояния), высказывания и целого текста (семантические предикаты состояния), а также рассматривалось как синтаксический концепт и «как особый языковой формат знания, под которым понимается определенная форма или способ представления знаний в языке» [Болдырев 2008, с. 51; Павлова 2016, с. 96].

В настоящем исследовании состояние – это «онтологический и лингвистический, частично вербализованный, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт; единица знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний о мире» [Сорокина 2018б, с. 11]. Концепт «состояние» подразделяется на два субконцепта: нерезультативное состояние и результативное состояние.

Результативное состояние детально исследовалось в виде так называемых результативных конструкций представителями конструктивной грамматики – Construction Grammar (CxG), теория которой была предложена Ч. Филмором [Filmore 1989] и развита А. Гольдберг [Goldberg 1995] и Г. Боасом [Boas 2003]. Теория конструктивной грамматики появилась в результате синтеза нескольких актуальных направлений лингвистической науки, таких как падежная грамматика, когнитивная грамматика, когнитивная семантика и теория концептуальной метафоры. По определению Р. Лэнекера, когнитивная грамматика призвана

структурировать и объективировать концепты. При этом грамматические структуры – это сложные построения, посредством которых происходит репрезентация различных ситуаций с использованием языковых средств. Простые ситуации и их репрезентации могут образовывать более сложные структуры, концептуально восходящие к более сложным структурам знания [Langacker 1986].

«Репрезентация концепта “состояние” выражается на уровне языка пропозициональными, главным образом, предикатно-аргументными структурами в формате предложения, текста и с учетом экстралингвистической (энциклопедической) информации, что на уровне речевой коммуникации реализуется как высказывание, дискурс и фоновые знания, а на когнитивном уровне – как знания о языке, о ситуации и о мире» [Сорокина 2018а, с. 165]. Эти предикатно-аргументные структуры сформированы в виде определенного числа моделей.

Объектом рассмотрения в данной статье являются структурно-семантические модели AP и PP в сравнении с СМС.

Начнем с того, что все три структуры допускают метафорическое употребление:

They laughed themselves silly (AP-конструкция).

They danced themselves into a frenzy (PP-конструкция).

They laughed the actor off the stage (СМС-конструкция).

Несмотря на то, что все три структуры признаются результативными, семантически здесь PP-конструкция отличается от СМС-конструкции тем, что первая обозначает изменение состояния (через метафору перемещения), а вторая – изменение местоположения.

AP- и PP-конструкции встречаются в следующих структурно-семантических моделях [Сорокина, Чалбарах 2018, с. 178–191]:

[NP V (trans) NP AP]

e.g. Polly carefully wiped the area dry;

e.g. She painted the house red.

[NP V(intrans) NP AP]

e.g. They drank the pub dry.

[NP V(intrans) NP(fake object) AP]

e.g. She danced her feet raw.

e.g. She sneezed her nose red.

[NP V(lex) PP]

e.g. He bled to death;

e.g. The engine groans into life.

[NP V(result) PP]

e.g. The vase broke to pieces.

[NP V(trans) NP PP]

e.g. The earthquake destroyed buildings to pieces

e.g. Ben drank Larry under the table.

e.g. She ate him out of house and home.

[NP V(intrans) NP PP]

e.g. She swept the broom to pieces.

Как отмечается в [Ruiz de Mendoza, F., & Luzondo, A 2014]. AP- и PP-конструкции различаются временным фактором: переходный этап в определенное состояние и кардинальное изменение состояния. Иными словами, если объект частично подвержен изменению (изменение формы, размера, цвета, консистенции и т. п.), предпочтительно употребление AP-конструкции. Так, в примерах *She wiped the floor dry* и *He licked his finger clean* ни одно из изменений не затрагивает объект целиком: пол сейчас чистый, однако это тот же самый пол. Палец не претерпевает существенных изменений оттого, что его чисто «вылизали». Выбор PP (вместо AP) во многих случаях диктуется тем фактором, что в английском языке нет прилагательных, передающих в этих структурах кардинальное изменение объекта. Это возможно в PP-конструкциях. Сравните:

a. The blacksmith hammered the metal flat.

b. We hammered hot iron into pieces.

В примере b. именно PP указывает на радикальную трансформацию объекта. Однако AP также иногда возможна для выражения мгновенного и кардинального изменения состояния объекта:

e.g. Molly shot him dead.

3.2. Метафоризация как триггер результативности

Связь между прототипической метафорической AP-конструкцией (*He hammered the metal flat*) и неметафорической СМС-

конструкцией (*Pat threw the book off the table*) является предметом полемики. Так, А. Голдберг [Goldberg 1991; Goldberg 1995, с. 81] полагает, что первая из упомянутых конструкций является метафорическим расширением (изменение состояния как изменение местоположения) второй конструкции, поскольку результативная фраза в АР может здесь интерпретироваться как метафорическая разновидность цели. Г. Боас [Boas 2003, с. 6, 94–99] не считает результативные конструкции типа *Frank sneezed the napkin off the table* метафорическим расширением канонических СМС. В свою очередь, Б. Хампе [Hampe 2010, с. 187], на основании эмпирических исследований (корпусный анализ), утверждает, что метафорическая связь между СМС и результативными конструкциями невозможна. По ее мнению, в процессе освоения родного языка люди используют структуры типа *He hammered the metal flat* до того, как они научаются употреблять метафорические результативные РР-структуры типа *He hammered the metal into different shapes*. Позже всего в обиход входят структуры типа *She drove me into despair*, которые сочетают нерезультативный глагол с метафорической каузальной фразой. Здесь видится явное противоречие гипотезе А. Голдберга: результативные конструкции не являются метафорическим «порождением» СМС-конструкций, в действительности развитие происходит в обратном порядке. В итоге Р. Мендоза различает СМС и результативные РР, поскольку именно результативные конструкции используют метафору для выражения изменения состояния через перемещение (motion): канонические СМС просто каузируют движение для изменения местоположения. Сравните:

- a. He broke the walnuts into the bowl
- b. He broke up the walnuts into hundreds of pieces.

В b. состояние *hundreds of pieces* представлено как конечный результат метафорического перемещения.

Аналогично АР результативные конструкции не являются производными от СМС (caused-motion constructions). Скорее, СМС-структуры – это полезный ресурс для выражения изменения состояния двумя путями: 1) глагол движения и РР-перемещения совместно употребляются метафорически (*She pushed me into despair*) и 2) глагол изменения состояния сочетается с метафорическим использованием РР-перемещения, обозначающим результирующее состояние:

He melted the butter to liquid, где глагол *melt*, который не является каузирующим, вписывается в рамки СМС-конструкции.

Во всех вышеперечисленных случаях используется одна и та же когнитивная метафора:

A CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION.

Метафора STATES ARE LOCATIONS, будучи более абстрактной (High-Level Metaphor), в свою очередь, «возбуждает» (triggers) целую сеть частных метафор, типа:

CAUSING A CHANGE OF STATE IS CAUSING A CHANGE OF LOCATION
(She was forced into marriage);

SELF-INSTIGATED CHANGES OF STATE ARE SELF-INSTIGATED
CHANGES OF LOCATION (He fled from a life of lawlessness to one built
around enforcement);

ACHIEVING A GOAL IS REACHING A DESTINATION
(He made it to the top) и т. п.

Помимо STATES ARE LOCATIONS, результативность достигается и другими видами метафор. Например:

AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION
(Bill laughed himself to death)

или

AN EXPERIENTIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION
(They laughed him out of the room) [Ruiz de Mendoza, F., & Luzondo, A 2014].

Возникает вопрос: какие компоненты структурно-семантической модели участвуют в процессе метафоризации: глагол, результативная фраза или оба компонента. Согласно грамматике конструкций, глагол рассматривается как одна из составляющих, необходимых для формирования смысла, в частности в грамматической конструкции [Goldberg 1995; Goldberg 2006; Goldberg 2010]. Роль глагола в метафоризации конструкции может быть проиллюстрирована примером *She sneezed the napkin off the table*. Здесь «при изменении транзитивности глагола (из непереходного в переходный) у него появляется новый актанта, а базовое значение заменяется метафорическим: *to sneeze* = *to blow* = *to move*» [Сорокина 2018а, с. 166]. Случаи, обсуждаемые в [Ruiz de

Mendoza, F., & Luzondo, A 2014], свидетельствуют как о метафоризации с помощью результативной фразы, так и об участии в процессе метафоризации обоих компонентов результативной структуры: а. *He melted the butter to liquid* (PP-перемещения метафорически обозначает результирующее состояние) и б. *She pushed me into despair* (глагол и PP совместно употребляются метафорически). Следовательно, для процесса метафоризации характерно как раздельное, так и совместное участие глагола и результативной фразы.

3.3. Взгляды на историческое развитие метафоры в грамматических конструкциях

Нас также интересует развитие метафоризации как исторического процесса. Исследование показывает, что в древнеанглийский период обнаруживается мало метафорических конструкций [Broccias 2008]. Они впервые появляются в среднеанглийский период как модели типа *He talked himself hoarse*, т. е. конструкции с квазивозвратными глаголами. Например:

Men laughe hemselve to deaþ. (men laugh themselves to death) (1387; Trevisa, Higden (Rolls) I. 305) [Broccias 2008]. По данным нашего исследования (XVII–XX вв.), наиболее частотными на протяжении исследуемого периода являются структурно-семантические модели [NP V(link) AP] and [NP V (lex) PP].

Диахронное исследование way-конструкций [Israel 1996] в период XIV–XIX вв. показывает, как растет продуктивность идиоматичных (метафорических) употреблений этой конструкции.

Базовым механизмом метафоризации этой структуры является концептуальная метафора A CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION. Данная концептуальная структура репрезентирует изменения ([CHANGE]) как движение / перемещение ([MOTION]). При этом изменения могут ограничиваться результатом, которым завершилась какая-либо деятельность (направление движения, некий пункт, фиксирующий окончание движения, или пространственный ориентир).

Иными словами, way-конструкция также может быть результативной. В [Israel1996] демонстрируется, что метафоризация этой структуры исторически растет, главным образом, за счет расширения списка глаголов: от базовых глаголов *go, make, work, pursue, pass* в XIV в. до *sweep, creep, pick, wheel* в 1700 г. и далее в XIX в. к серии глаголов

типа *plod*, *scramble*, *grind*, далеких от семантики движения (*He was merely serpentine his way to the part of the details*). Часть новых глаголов фактически обозначают не собственно движение / перемещение (motion), а некую сопутствующую деятельность (incidental activity) типа *fight*, *cut*, *whistle* (*He whistled his way to the main front door*). Фактически это означает переход от эврисемичных глаголов к глаголам с широким диапазоном конкретной семантики, т. е. движение от абстрактного к конкретному.

Идея о развитии метафоризации как перехода от абстрактного к конкретному поддерживается в [Broccias 2008] на примере AP-конструкций типа *He wiped the table clean*. Его гипотеза заключается в том, что исторически возможна замена базовых глаголов *don* (*make*), *wyrcan* (*make*), *fremman* (*make*), *sciepan* (*create*), которые мы бы назвали эврисемичными, глаголами с конкретной семантикой образа действия (в среднеанглийском: *bake*, *color*, *drink*, *eat*, *shrine*, *spread* и др.). В частности, в среднеанглийский период встречаются метафорические употребления глаголов с силовой динамикой: *eat* и *drink*:

drink (*full of water*) And flen ryght as a man leneth to a well and dryngketh his body full of watyr (*CMMIRK*, 32.907);

eat (*full of this colt*) and saide eme wil ye ete your bely ful of this colte (*CMREYNAR*, 59.589) [Broccias 2008].

Эти примеры соответствуют современным *He talked himself hoarse*. В итоге К. Броккиас приходит к заключению, что базовый глагол *don* (*make*) может рассматриваться как основной источник результативных конструкций с силовой динамикой, т. е. метафорических употреблений.

4. Заключение

Анализ языкового материала и авторских исследований результативных конструкций позволил прийти к следующим выводам:

1) СМС-конструкции (caused-motion constructions) становятся результативными только при включении в них метафорического компонента, выраженного глаголом или результативной фразой, т. е. метафоризация является триггером результативности;

2) в процессе метафоризации участвуют либо глагол, либо результативная фраза, либо имеет место их совместное метафорическое употребление;

3) историческое развитие метафорических конструкций идет в направлении от абстрактного к конкретному, в частности от эврисемии глагола к его специализации, а также путем изменения транзитивности глаголов. Всё это вписывается в общую картину внутриязыковых процессов, характеризующих развитие английского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н.* Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. Вып. III. С. 25–36.
- Кобозева И. М.* К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода. URL : www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7339&vol=6077.
- Краткий словарь когнитивных терминов / [под ред. Е. С. Кубряковой]. М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М. : Издат. центр «Азбуковник», 2010. 584 с.
- Масленникова А. А.* Особенности грамматической метафоры // Метафоры языка и метафоры в языке / А. А. Масленникова, А. И. Варшавская, Е. С. Петрова и др. ; под ред. А. В. Зеленщикова, А. А. Масленниковой. СПб. : СПбГУ, 2006. С. 21–24.
- Павлова А. В.* Состояние как формат знания (на материале современного английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов : Тамбовский госуниверситет им. Г. Р. Державина, 2016. № 3. С. 96–102.
- Сорокина Т. С.* Концепт «состояние» как гештальт и когнитивная схема языковой интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018а. Вып. 10 (803). С. 161–174. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2018/10_803_Indd-1.pdf.
- Сорокина Т. С.* Динамика функционирования репрезентантов концепта «состояние» в новоанглийский период // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018б. Вып. 15 (810). С. 9–19. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest/15_810.pdf.
- Сорокина Т. С., Чалбарах Н. В.* Структурно-семантические модели репрезентантов концепта «состояние» в английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 10 (803). С. 174–194. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2018/10_803_Indd-1.pdf
- Boas H. C.* A Constructional Approach to Resultatives. Stratford : CSLT Publications, 2003. 400 p.
- Broccias Cr.* Towards a history of English resultative constructions: the case of adjectival resultative constructions // English Language and Linguistics. 2008. 12. P. 27–54. doi:10.1017/S1360674307002493.

- Fillmore C. Y.* Grammatical Construction Theory and the Familiar Dichotomies // Language Processing in Social Context / eds. R. Dietrich and C. F. Graumann. Amsterdam : Elsevier, 1989. P. 17–38.
- Goldberg A.* On the Problems with Lexical Rule Accounts of Argument Structure [Text] / A. Goldberg // Cognitive Science Society Conference Proceedings. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1991. P. 760–764.
- Goldberg A.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. The University of Chicago Press, 1995. 265 p.
- Goldberg A.* Constructions at Work: The Nature of Generalizations in Language. Oxford : Oxford University Press, 2006. 280 p.
- Goldberg A.* Verbs, Constructions, and Semantic Frames // Lexical Semantics, Syntax, and Event Structure / M. Rappaport Hovav, E. Doron, I. Sichel (eds.). Oxford University Press, 2010. P. 39–58.
- Hampe B.* Metaphor, constructional ambiguity and the causative resultatives // Metaphor, metonymy and conceptual blending / S. Handl, & H.-J. Schmid (eds.). Berlin–New York : Mouton de Gruyter, 2010. P. 185–215.
- Israel M.* The way construction grow // Conceptual Structure, Discourse and Language / A. Goldberg (ed.). Stanford : CSLI, 1996. P. 217–230.
- Langacker R.* Abstract motion // Proceedings of the annual meeting of the Berkley linguistic society. Berkley : Berkley linguistic university, 1986. P. 455–471.
- Ruiz de Mendoza F. & Luzondo A.* Figurative and non-figurative motion in the expression of result in English // Language and Cognition. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 50 p. DOI: doi.org/10.1017/langcog.2014.41.

REFERENCES

- Boldyrev N. N.* Ochenochnye kategorii kak format znanija // Kognitivnye issledovaniya jazyka. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2008. Vyp. III. S. 25–36.
- Kobozeva I. M.* K formal'noj reprezentacii metafor v ramkah kognitivnogo podhoda. URL : www.dialog-21.ru/archive_article.acp?param=7339&vol=6077.
- Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / [pod red. E. S. Kubrjakovoj]. M. : Filologicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 s.
- Lingvistika konstrukcij / otv. red. E. V. Rahilina. M. : Izdat. centr «Azbukovnik», 2010. 584 s.
- Maslennikova A. A.* Osobennosti grammaticheskoy metafory // Metafory jazyka i metafory v jazyke / A. A. Maslennikova, A. I. Varshavskaja, E. S. Petrova i dr. ; pod red. A. V. Zelenshhikova, A. A. Maslennikovoj. SPb. : SPbGU, 2006. S. 21–24.
- Pavlova A. V.* Sostojanie kak format znanija (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. Tambov : Tambovskij gosuniversitet im. G. R. Derzhavina, 2016. № 3. S. 96–102.

- Sorokina T. S.* Koncept «sostojanie» kak geshtal't i kognitivnaja shema jazykovoj interpretacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018a. Vyp. 10 (803). S. 161–174. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2018/10_803_Indd-1.pdf.
- Sorokina T. S.* Dinamika funkcionirovanija reprezentantov koncepta «sostojanie» v novoanglijskij period // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018b. Vyp. 15 (810). S. 9–19. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest/15_810.pdf.
- Sorokina T. S., Chalbarah N. V.* Strukturno-semanticheskie modeli reprezentantov koncepta «sostojanie» v anglijskom jazyke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 10 (803). S. 174–194. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2018/10_803_Indd-1.pdf
- Boas H. C.* A Constructional Approach to Resultatives. Stratford : CSLT Publications, 2003. 400 p.
- Broccias Cr.* Towards a history of English resultative constructions: the case of adjectival resultative constructions // English Language and Linguistics. 2008. 12. P. 27–54. doi:10.1017/S1360674307002493.
- Fillmore, C. Y.* Grammatical Construction Theory and the Familiar Dichotomies // Language Processing in Social Context / eds. R. Dietrich and C. F. Graumann. Amsterdam : Elsevier, 1989. P. 17–38.
- Goldberg A.* On the Problems with Lexical Rule Accounts of Argument Structure [Text] / A. Goldberg // Cognitive Science Society Conference Proceedings. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1991. P. 760–764.
- Goldberg A.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. The University of Chicago Press, 1995. 265 p.
- Goldberg A.* Constructions at Work: The Nature of Generalizations in Language. Oxford : Oxford University Press, 2006. 280 p.
- Goldberg A.* Verbs, Constructions, and Semantic Frames // Lexical Semantics, Syntax, and Event Structure / M. Rappaport Hovav, E. Doron, I. Sichel (eds.). Oxford University Press, 2010. P. 39–58.
- Hampe B.* Metaphor, constructional ambiguity and the causative resultatives // Metaphor, metonymy and conceptual blending / S. Handl, & H.-J. Schmid (eds.). Berlin–New York : Mouton de Gruyter, 2010. P. 185–215.
- Israel M.* The way construction grow // Conceptual Structure, Discourse and Language / A. Goldberg (ed.). Stanford : CSLI, 1996. P. 217–230.
- Langacker R.* Abstract motion // Proceedings of the annual meeting of the Berkley linguistic society. Berkley : Berkley linguistic university, 1986. P. 455–471.
- Ruiz de Mendoza F. & Luzondo A.* Figurative and non-figurative motion in the expression of result in English // Language and Cognition. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 50 p. DOI: doi.org/10.1017/langcog.2014.41.

УДК 81.1

Е. С. Вареник

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: katushka063@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЖЕСТОВ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ (описание vs. повествование)

Статья посвящена исследованию функционирования жестов в устном неформальном повествовательном и описательном типах дискурса и сопоставительному анализу двух корпусов видеозаписей, собранных в ходе экспериментов. Результаты исследования позволяют сделать вывод о наличии взаимозависимости между некоторыми вербальными характеристиками дискурса и функциональными свойствами жестов. Подобные результаты указывают на возможность рассматривать жесты в качестве важного невербального индикатора типа дискурса.

Ключевые слова: полимодальность; жест; функции жестов; дискурс; описательный дискурс; нарративный дискурс; репрезентативный жест.

E. S. Varenik

Postgraduate Student,
Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: katushka063@mail.ru

FUNCTIONING OF GESTURES IN SPOKEN DISCOURSE (description vs. narration)

The article is devoted to the study of the use of gestures in informal spoken narrative and descriptive discourse, based on a comparative analysis of two video corpora collected in the course of experiments. The results of the study indicate that there is an interdependence between certain discourse-dependent verbal characteristics and the functional properties of the gestures used in 2 types of discourse. Therefore, it is possible to regard gestures as an important nonverbal indicator of a type of discourse.

Key words: polymodality; gesture; functioning of gestures; discourse; descriptive discourse; narrative; representative gesture.

1. Введение

В XX в. фокус лингвистических исследований сместился с письменных текстов в сторону устного дискурса. Сдвиг научного интереса в сторону изучения устного, в том числе неформального, общения вызвал появление новых направлений в лингвистике и новых подходов

к изучению речи. Появилась, как известно, социально-семиотическая школа М. Хэллидея, теория кооперативных принципов П. Грайса, теория вежливости П. Брауна и С. Левинсона и др. Несмотря на то, что устный дискурс способствовал выходу за пределы вербального компонента – в частности, в просодические и социальные характеристики речи, невербальной составляющей общения, в том числе жестам, уделялось гораздо меньше внимания, по сравнению с вербальными выражениями.

В современной лингвистике растет осознание значимости невербального компонента устной коммуникации, при этом признается необходимость изучения трех основных каналов коммуникации: вербального, просодического и визуального. В полимодальном (мультимодальном) анализе разговорного дискурса рассматриваются все участники общения, их активная и пассивная деятельность, взаимовлияние и вклад в диалог: «Устный дискурс производится в режиме реального времени, в ситуации взаимного влияния спикеров и аудиторов – мультимодальной семиотической среды, которая также включает артефакты, на которые собеседники могут направить свое внимание. Собеседники контролируют свою взаимную активность и взаимодействие с артефактами как визуально, так и на слух. Они разговаривают с открытыми глазами» [Erickson 2015, с. 422].

В качестве примера исследования нарративного дискурса приведем полимодальный анализ устных рассказов о прошлых событиях, который представлен в [Cienki, Iriskhanova 2018]. На материале трех языков – русского, французского и немецкого, выявляются особенности соотношения глаголов и жестов в устных повествованиях о прошедших событиях. В продолжение данного исследования В. А. Денисова выясняет, на каком этапе повествования глагол чаще всего подчеркивается не только словесно, но и невербально, т. е. жестами. Исследователь демонстрирует, что жесты чаще сопровождают глаголы в начале и в кульминации нарратива, т. е. в терминологии У. Лабова [Labov 2001], на этапах ориентации и усложнения [Денисова 2018].

В целом, обзор работ по полимодальности коммуникации показывает, что наиболее часто особенности жестового поведения исследуются на материале дискурса интервью, аргументативного или обыденного нарративного дискурса, в то время, как такой важный тип дискурса, как описательный, остается, как правило, вне поля зрения

лингвистов, изучающих невербальные аспекты общения. В то же время имеющиеся исследования описательного типа дискурса в большинстве случаев базируются на письменных текстах.

Среди немногочисленных исключений отметим работы Н. С. Филипповой и О. Н. Прокофьевой, значимые для нашего исследования. Н. С. Филиппова изучает устные спонтанные описания на материале русского корпуса. Проводится анализ различных типов устного описательного дискурса с учетом не только лингвистических, но и социальных параметров, таких как тип описания (рассказ – нерассказ), профессиональная принадлежность информантов (филолог – нефилолог); пол информантов (мужской – женский) [Филиппова 2010].

Наиболее близким к нашей работе является исследование О. Н. Прокофьевой, посвященное изучению процессов концентрирования внимания в устном описательном дискурсе [Прокофьева 2017]. В данном исследовании, как и настоящей работе, анализируются жесты, сопровождающие речь, в устном описательном дискурсе. Кроме того, корпус примеров, собранных О. Н. Прокофьевой, был частично задействован и в нашем исследовании.

В целом, несмотря на рост когнитивных исследований жестов, сопровождающих речь, специфика жестового поведения говорящих в различных типах дискурса изучена недостаточно.

2. Цель и гипотеза исследования.

Материал и методы анализа

В работе сопоставляется функционирование жестов в устном неформальном нарративном и дескриптивном дискурсе. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить зависимость некоторых особенностей употребления жестов от типа дискурса. Мы предположили, что функциональные характеристики жестов и их соотносительность с вербальными выражениями различны в двух типах дискурса.

Для проверки исходной гипотезы был проведен анализ, состоявший в сравнении двух видеокорпусов, собранных в ходе экспериментов в лаборатории ПолиМод Центра социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис) в Московском государственном лингвистическом университете. Первый корпус включает устные нарративы на русском языке. Участникам предлагалось рассказать о событиях в их жизни

или о необычной ситуации, свидетелем которого они стали. Второй корпус был собран для исследования описательного дискурса и представляет собой описание картин разных художественных жанров. В обоих экспериментах участвовали студенты МГЛУ II–IV курсов бакалавриата – мужчины и женщины.

Из двух корпусов нами были отобраны две коллекции видеороликов продолжительностью 71,14 минут каждая. Общее количество случаев употребления жестов, собранных в корпусах описательного и повествовательного дискурса, составило 1020 и 1017 соответственно. Что касается вербальной составляющей, рассматривались только те языковые выражения, которые сопровождались жестами.

Анализ полученных данных потребовал существенного уточнения классификации жестов, которая изначально была построена на функциональной типологии, предложенной А. Ченки [Cienki 2013]. Исследователь выделил такие функциональные характеристики жестов, как реферирующие жесты (указательные и репрезентирующие), дискурсивные и прагматические жесты.

Основываясь на категориях жестов А. Ченки, мы разделили их на следующие подкатегории:

1. Прагматические жесты:
 - а) при обращении к собеседнику;
 - б) при выражении говорящим своих чувств и эмоций;
 - в) при выражении говорящим своего отношения к тому, о чем он говорит.
2. Жесты, формулирующие дискурс:
 - а) при затруднении в выборе нужного слова;
 - б) при затруднении в формулировании мыслей.
3. Жесты, структурирующие дискурс:
 - а) при перечислении объектов;
 - б) при противопоставлении объектов друг другу.
4. Репрезентативные жесты:
 - а) репрезентирующие качество: форма, размер, объем, вес физические и метафорические;
 - б) репрезентирующие действия: движение, манипуляция, траектория;
 - в) репрезентирующие местонахождение объектов: как отношение объектов друг к другу либо в пространстве картины, либо в пространстве реального мира;

- г) репрезентирующие объект: указание на объект на картине или на компонент обсуждаемой ситуации;
- д) нумерирующие эмблемы.

При анализе полученных примеров мы использовали как количественные (тест *хи-квадрат*), так и качественные методы и подходы: классификационный подход к систематизации жестов; семантический анализ языковых выражений, позволяющий определить их референциальные свойства; полимодальный анализ соотношенности семантики вербального и жестового компонентов; сопоставительный анализ употребления жестов в двух типах дискурса.

3. Результаты исследования

Для наглядности сведем результаты исследования в таблицу (см. табл. 1):

Таблица 1

Функционирование жестов в дескриптивном и нарративном типах дискурса

Функциональные типы жестов	Дескриптивный дискурс	Нарративный дискурс
Прагматические жесты	228	339
Дискурс-формулирующие жесты	43	49
Дискурс-структурирующие жесты	402	323
Репрезентативные жесты с именными конструкциями	292 (204 качество, 72 локация, 14 объект-референт, 2 нумерирующие эмблемы)	184 (119 качество, 4 локация, 56 объект-референт, 5 нумерирующие эмблемы)
Репрезентативные жесты с глагольными конструкциями	55 (24 действие, 21 траектория, 10 локация)	122 (87 действие, 29 траектория, 6 способ)
Общее количество жестов	1020	1017

Функциональные типы жестов	Дескриптивный дискурс	Нарративный дискурс
Общее количество слов	6607	9159
Слова / жесты	6,24	9
Именные фразы	1593	1837
Глагольные фразы	528	1105

Для анализа данных, полученных в ходе эксперимента, применялись процедуры количественного и качественного анализа.

Прежде всего, был проведен количественный анализ с целью определения, является ли статистически значимым распределение жестов в двух типах дискурса. Нами был проведен дисперсионный анализ с использованием метода математической статистики – коэффициент корреляции Пирсона. Цель этого теста – определить, существенно ли пропорциональное распределение жестов в двух типах дискурса отличается от распределения, которое мы ожидаем. Таким образом, тест определения коэффициента корреляции Пирсона может показать, является ли разница в распределении жестов в нарративном и дескриптивном типе дискурса статистически значимой или случайной.

Для каждой ячейки таблицы (см. табл. 1) была вычислена и возведена в квадрат разница между наблюдаемым и ожидаемым значением. Далее квадрат разницы делился на ожидаемое значение и суммировался с учетом каждой ячейки. В результате коэффициент корреляции хи-квадрат Пирсона составил 83.517 (при ожидаемом значении 9.4877). Расчет, таким образом, производился по следующей формуле:

$$\chi^2 = \sum_{j=1}^k \frac{(n_j - E_j)^2}{E_j} \sim \chi^2_{k-1},$$

где n_j – количество наблюдений в j -м интервале:

$$n_j = \sum_{i=1}^n [a_j < x_i \leq b_j]$$

$p_j = F(b_j) - F(a_j)$ – вероятность попадания наблюдения в j -й интервал при выполнении гипотезы H_0^* ;

$E_j = np_j$ – ожидаемое число попаданий в j -й интервал.

Тест на коэффициент корреляции Пирсона дает предсказательную силу описательным фактам и показывает, что существует, по крайней мере, 95 % вероятность того, что распределение типов жестов в двух типах дискурса не случайно, а статистически значимо, если число, полученное в ходе расчетов по приведенной выше формуле, больше 0,7. Нами было получено число, равное 0,8.

Таким образом, на основании статистического анализа мы можем сделать вывод о том, что различия в распределении жестов в нарративном и дескриптивном типе дискурса является статистически значимыми. Это означает, что эмпирическая гипотеза о том, что функциональные характеристики жестов коррелируют с изучаемыми типами дискурса, подтверждается.

Следующим шагом анализа данных был количественный сравнительный анализ. В ходе него каждый показатель таблицы был переведен в процентное соотношение от общего числа жестов для каждой функции.

Для наглядности результаты этого анализа были сведены в таблицу (см. табл. 2):

Таблица 2

**Процентное соотношение распределения функций жестов
в нарративном и дескриптивном типах дискурса**

Функции жестов	Нарративный дискурс (в %)	Дескриптивный дискурс (в %)
Прагматическая	60	40
Дискурс-формулирующая	53	47
Дискурс-структурирующая	45	55
Репрезентирующие именные группы	39	61
Репрезентирующие глагольные группы	69	31

Для наглядности результаты были представлены в виде графика (см. рис. 1):

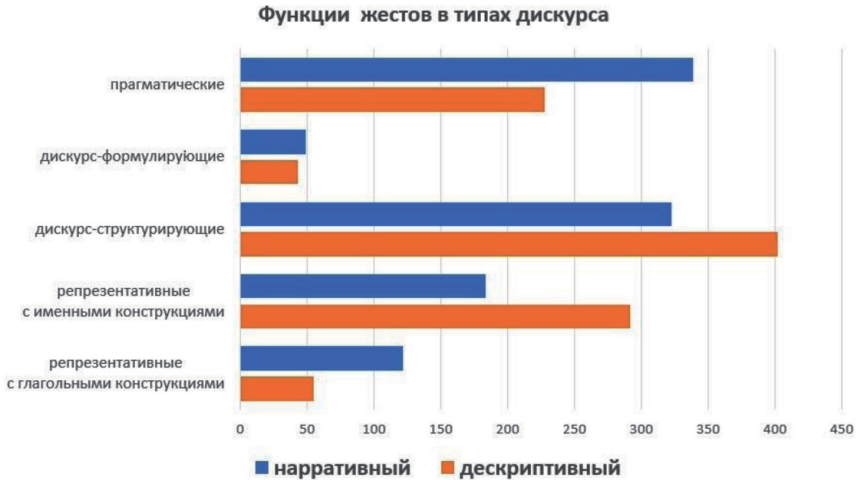

Рис. 1. Распределение функций жестов в нарративном и описательном типах дискурса

Результаты анализа лишь частично подтвердили исходную гипотезу о том, что жесты могут служить надежными индикаторами типа дискурса.

Из данных таблицы видно, что количество прагматических жестов в описательном типе дискурса (228) значительно меньше, чем в нарративном типе дискурса (339). Этот вид жестов используется для управления вниманием слушателя (см. рис. 2). В эксперименте, посвященном нарративному типу дискурса, все собеседники очень хорошо знали друг друга. Напротив, в эксперименте, посвященном описательному типу дискурса, участники беседовали с ассистентом,

Рис. 2. Ты видела?

которого видели впервые. Разговаривая с совершенно незнакомым человеком, они были более сдержанны в обращении к нему невербально.

Дискурс-формулирующие жесты производились почти одинаково в обоих корпусах (43 в описательном и 49 в нарративном

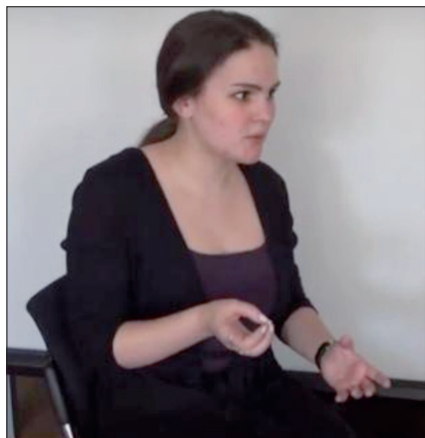

Рис. 3. Не похожи ни на *какие* геометрические фигуры

дискурсивных корпусах). Этот вид жестов используется, когда говорящие испытывают трудности в формулировании своих идей (см. рис. 3). Данные жесты наименее часто встречаются в корпусах, что можно объяснить тем, что участники относятся к студентам, обучающимся на гуманитарных направлениях.

Количество дискурс-структурирующих жестов в дескриптивном корпусе (402) несколько превышает таковое (323) в нарративном корпусе. Используя жесты структурирования дискурса, говорящие невербально помогают себе организовывать мысли и речь (см. рис. 4). Участники эксперимента чаще использовали жесты этой функции в дескриптивном типе дискурса, потому что, по-видимому, им было сложнее описывать картины, чем рассказывать о личном опыте.

Рис. 4. Хорошее – плохое, белое – черное

Что касается репрезентативных жестов, то они подтвердили нашу гипотезу о том, что жесты могут выступать индикатором типа дискурса. В нарративном типе дискурса репрезентативные жесты чаще сочетались с глаголами и глагольными фразами (122), нежели в описательном корпусе, в котором такие жесты чаще иллюстрировали существительные и именные словосочетания (55). Эта тенденция может быть объяснена свойствами анализируемого дискурса (т. е. высокой частотой вербальных фраз и смысловых глаголов в нарративном дискурсе, высокой плотностью именных конструкций и конструкций с глаголом-связкой в дескриптивном дискурсе; см. рис. 5).

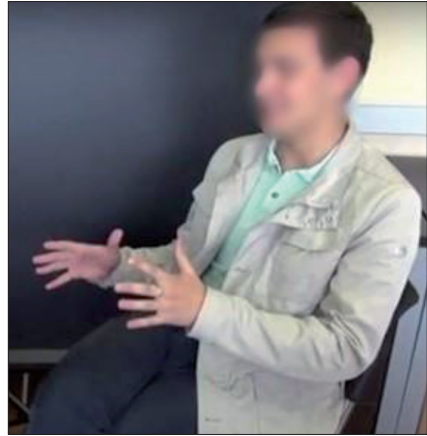

Рис. 5. Такие маленькие пряничные домики

Однако в обоих типах дискурса жесты, сопровождающие именные фразы, встречаются чаще, чем жесты, сопровождающие глагольные фразы (292 и 184 в подкорпусах описательного и повествовательного дискурса). Это, по-видимому, можно объяснить реифицирующей функцией жеста, придающего любому объекту или действию фиксированные границы, форму и локализацию в пространстве [Ирисханова 2015]. Другим объяснением преобладания жестов с именными конструкциями над жестами с глагольными конструкциями может служить неформальный характер разговорного дискурса в обоих подкорпусах, которому свойственно опущение полнозначных глаголов при обилии модальных глаголов и глаголов связок. В отличие от первого типа глаголов, которые часто сопровождаются жестами, глаголы-связки, в силу своих структурных и просодических особенностей, весьма редко синхронизируются с движениями рук.

4. Выводы

Проведенное исследование доказывает наличие статистически значимых корреляций между типом дискурса, с одной стороны,

и некоторыми особенностями употребления жестов – с другой. В то же время необходимо отметить, что, несмотря на статистически значимые различия в моделях жестового поведения, жесты не всегда могут служить надежным индикатором типа дискурса. Нередко употребление определенного типа жестов зависит не только от вида дискурса, но и от других факторов (например, условий эксперимента, ролевых отношений между говорящими, их профессии и пр.). Так, в таблице 1 показано, что общее количество прагматических жестов в дескриптивном типе дискурса значительно меньше, чем в нарративном типе дискурса (228 vs. 339). Как отмечалось выше, этот вид жестов используется для управления вниманием слушателя. В случае с нарративным дискурсом участники эксперимента в каждой паре хорошо знали друг друга. Напротив, в эксперименте с описательным дискурсом участники беседовали с ассистентом, которого видели впервые. Данные различия могли повлиять на тот факт, что в дескриптивном дискурсе наблюдалось меньшее количество жестов, указывающих на интенции и внутренние состояния говорящего.

В целом, несмотря на некоторые ограничения исследования, результаты анализа двух русскоязычных видеокорпусов устной разговорной речи позволяют сделать вывод о наличии в исследуемом материале взаимозависимости между некоторыми вербальными характеристиками дискурса, обусловленными его типом (дескриптив vs. нарратив), и функциональными свойствами жестов. Следовательно, существует возможность рассмотрения жестов в качестве важного невербального индикатора дискурсивного типа. Для подтверждения данного предположения необходимо выявить подобные корреляции для других типов дискурса с учетом гибридного характера последнего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Денисова В. А. Полиmodalность конструирования событий в устном нарративе: исследование жестов в речи : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
- Ирсаханова О. К. Реификация как свойство познания и коммуникации // Когнитивные исследования языка: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М. – Тамбов : Изд. дом ТГУ, ИЯ РАН, 2015. Вып. XXIII. С. 216–226.
- Ирсаханова О. К., Прокофьева О. Н. Фокусирование в устном описательном дискурсе: анализ визуальной перцепции, речи и жестов // Когнитивные исследования языка: Когниция и коммуникация в лингвистических

- исследованиях : сборник научных трудов / отв. ред. вып. В. З. Демьян-ков. М. – Тамбов : Изд. дом ТГУ, ИЯ РАН, 2017. Вып. XXIX. С. 80–94.
- Прокофьева О. Н.* Полимодальное исследование процессов фокусирования в устном описательном дискурсе : дис. ... магистра филол. наук. М., 2017.
- Филиппова Н. С.* Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.
- Cienki A.* Grammar, Space, Gesture and Cognition // Space in Language and Linguistics / P. Auer, M. Hilpert, A. Stukenbrock & B. Szmrecsanyi (eds.). Berlin : De Gruyter, 2013. P. 667–686.
- Cienki A., Iriskhanova O.* Aspectuality across Languages: Event construal in speech and gesture. Amsterdam : John Benjamins, 2018.
- Erickson Fr.* Linguistics Speaker Series. Georgetown University, 2015.
- Labov W.* Uncovering the event structure of narrative. Georgetown University Round Table, 2001. P. 63–83.

REFERENCES

- Denisova V. A.* Polimodal'nost' konstruirovaniya sobytij v ustnom narrative: issledovanie zhestov v rechi : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2018.
- Irishanova O. K.* Reifikacija kak svojstvo poznaniya i kommunikacii // Kognitivnye issledovaniya jazyka: Lingvisticheskie tehnologii v gumanitarnyh issledovanijah. M. – Tambov : Izd. dom TGU, IJa RAN, 2015. Vyp. XXIII. S. 216–226.
- Irishanova O. K., Prokofeva O. N.* Fokusirovanie v ustnom opisatel'nom diskurse: analiz vizual'noj percepcii, rechi i zhestov // Kognitivnye issledovaniya jazyka: Kognicija i kommunikacija v lingvisticheskikh issledovanijah : sbornik nauchnyh trudov / отв. ред. вып. В. З. Дем'янк. М. – Тамбов : Изд. дом ТГУ, ИЯ РАН, 2017. Вып. XXIX. С. 80–94.
- Prokofeva O. N.* Polimodal'noe issledovanie processov fokusirovaniya v ustnom opisatel'nom diskurse : dis. ... магистра фил. наук. М., 2017.
- Filippova N. S.* Principy postroenija ustnogo opisatel'nogo diskursa (na materiale russkoj spontannoju rechi) : dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2010.
- Cienki A.* Grammar, Space, Gesture and Cognition // Space in Language and Linguistics / P. Auer, M. Hilpert, A. Stukenbrock & B. Szmrecsanyi (eds.). Berlin : De Gruyter, 2013. P. 667–686.
- Cienki A., Iriskhanova O.* Aspectuality across Languages: Event construal in speech and gesture. Amsterdam : John Benjamins, 2018.
- Erickson Fr.* Linguistics Speaker Series. Georgetown University, 2015.
- Labov W.* Uncovering the event structure of narrative. Georgetown University Round Table, 2001. P. 63–83.

УДК 82:1:008

Е. А. Абдуллаева гызы

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы
Азербайджанского университета языков;
e-mail: a-yashar@rambler.ru

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО РОМАНА

Философия постмодернистской литературы появилась в результате деконструкции культурного языка, стилей и интертекстов, а также моделирования гиперреальности. Постмодернистская литература признает связь с предшествовавшими ей культурами, прибегает к различным художественным приемам в создании текста: иронии, пародии, интертексту и интертекстуальности, двойному коду, «авторской маске», пастишу, «черному юмору». Роман, как основной жанр постмодернистской литературы вобрал в себя все черты постмодернизма: особый художественный язык, стилевую изменчивость, творческие приемы, определившие его универсальные и специфические особенности.

Ключевые слова: постмодернистский роман; ирония; интертекстуальность; «авторская маска»; метаязыковая игра.

E. A. Abdullaeva gyzy

PhD (Philology), Associate Professor,
Department of World Literature, Azerbaijan University of Languages;
e-mail: a-yashar@rambler.ru

UNIVERSAL AND SPECIFIC FEATURES OF POSTMODERN NOVEL

The philosophy of postmodern literature appeared as a result of deconstruction of cultural language, styles and intertexts, as well as modeling of hyperreality. Postmodern literature recognizes connection with preceding cultures, resorts to various artistic techniques in text creation: irony, parody, intertext and intertextuality, double code, "author's mask", pastiche, "black humor". Novel as the main genre of postmodern literature absorbed all features of postmodernism: special artistic language, stylistic variation, creative techniques which defined its universal and specific features.

Key words: postmodern novel; irony; intertextuality; "author's mask"; metalanguage game.

Введение

Методологические основы постмодернистской литературы, опирающиеся на идеи и концепции текстуальности, возникли в результате деконструкции культурного языка, стилей и интертекстов, а также моделирования гиперреальности.

Прежде всего, это связано с тем, что постмодернистская литература признает связь со всеми другими предшествовавшими ей культурами, прибегает к различным художественным приемам в создании текста. К этому списку относятся такие игровые элементы, как ирония, пародия, интертекст и интертекстуальность, двойной код, «авторская маска», пастиш, «черный юмор». Данные элементы, подвластные игре в постмодернистской парадигме, относятся к основным особенностям постмодернистской литературы.

Существует утверждение о взаимосвязи постмодернизма с модернизмом, о его возникновении в недрах модернизма, после него или же параллельно с ним. В числе таковых следует отметить имена выдающегося критика И. Хассана, литературных фигур, как У. Эко и др. Сравнительная классификация схожих и отличительных черт модернизма и постмодернизма стала отправной точкой в изучении постмодернистской литературы [Hassan 1982].

Модернизм и постмодернизм в литературе

Действительно, модернизм и постмодернизм в большинстве случаев соприкасаются, но в то же время представляют собой различные культурные течения. Прежде всего это проявляется в отличающихся друг от друга моделях художественного мира.

В модернизме «центр вселенной» отсутствует, нравственные устои утрачены, но эти устои некогда существовали, и в связи с этим модернисты пребывают в надежде их возродить. В постмодернизме мир – это хаос, при этом есть желание собрать его воедино. Существовавший некогда единый центр, утраченные ценности отныне выступают в виде многочисленных равноправных центров, провозглашается идея множественности. Иными словами, одним из основных критериев в постмодернистской литературе выступает идея множественности действительности.

Важными условиями модернизма становятся «пессимизм и трагизм, идея абсурдности мира и хаотичности сущего, тотальная

бессмысленность, идея личности как основной ценности, ассоциативность, поиск новых форм выражения, отрицание ответственности творческой личности и искусства перед обществом» [Hassan 1982].

В отличие от модернизма основными элементами в постмодернистской литературе являются рациональность и повторная оценка ценностей, аналитичность, многослойность текста, интертекстуальность и гипертекстуальность, бесконечный текст [Hassan 1982]. Постмодернистская литература рассматривает мир как текст; воспринимает его как библиотеку, возникшую из единства множества бесконечных текстов, связанных между собой. Проследить это можно в таких произведениях, как «Вавилонская библиотека» Х. Л. Борхеса, «Имя розы» и «Маятник Фуко» У. Эко, «Письма» Дж. Барта, «Хазарский словарь» М. Павича, «Обладать» А. Байетт, «Завещание Оскара Уайльда» П. Акройда.

В постмодернистской прозе автор ссылается на существовавшие до настоящего времени тексты, и этот коллаж цитат отличает его от других литератур. Особенностью постмодернистской прозы является также стирание границ между «своим» и «чужим» текстом, создание нового текста в неразрывной связи с существующим текстом. В постмодернистском литературоведении это связано с понятием интертекстуальности, которое впервые было использовано ведущим представителем постструктурализма Ю. Кристевой. Мыслитель, предлагая новое рассмотрение концепции «диалога» Михаила Бахтина, выдвигает на передний план интертекстуальность – концепцию «диалога» текста с предшествовавшими ему текстами. Понятие интертекстуальности Ю. Кристевой можно встретить в литературе в целом. Причиной этого является то, что культура, в частности литература, по сути интертекстуальна и выступает во всех литературных образцах, начиная с древних времен до настоящего времени. Однако в постмодернистской прозе интертекстуальность связана с принципами постмодернистской игры и опирается на иронию. Основным и одним из важных элементов постмодернистской прозы является ее тесная связь с иронией. Постмодернистская литература высмеивает серьезность и подвергает ее иронии. Это связано с отношением постмодернизма к понятиям истории, истины и действительности. Мнение об отсутствии нового слова, о том, что все слова сказаны в «Заметках на полях» «Имя розы» У. Эко, исходит из отсутствия стремления постмодернистов быть

оригинальными. Именно в связи с этим постмодернистская проза посредством обращения к интертекстуальности усиливает возможности пародии и иронии. Исходя из этого У. Эко создает постмодернистское условие: «Постмодернистская позиция напоминает мне положение человека, влюбленного в очень образованную женщину. Он понимает, что не может сказать ей “люблю тебя безумно”, потому что уверен, что она понимает (а она уверена, что он понимает), что подобные фразы – прерогатива Лиала. Однако выход есть. Он должен сказать: «По выражению Лиала, – люблю тебя безумно». При этом он избегает деланой простоты и прямо показывает ей, что не имеет возможности говорить просто, и, тем не менее, он доводит до ее сведения то, что собирался довести, то есть что он любит ее, но что его любовь «живет в эпоху утраченной простоты» [Эко 2007, 26]. Фраза «по выражению Лиала» создает постмодернистское условие. Иными словами, У. Эко высмеивает поэта, пародирует его посредством иронии.

Особенности текстов постмодернистской литературы

С одной стороны, интертекстуальность соотносит новый текст с уже существующим, превращает его в часть мировой культуры, делает его созвучным постмодернистской идее «мира как текста» (см. Ж. Деррида).

С другой стороны, «двойной код» становится посредником между массовой (китч) и элитарной литературой. Единство массовой и постмодернистской литературы привносит новое веяние в текст; китч создается не только для развлечения, он наводит на размышления, составляет «верхний слой» произведения. Связано это с тем, что в постмодернизме проблема читателя считалась одним из важных показателей, и реакция читателя делала китч узнаваемым. Иными словами, на уровне определенного дискурса означающее дополнялось означаемым. Ведущим принципом постмодернизма становится тема читателя, возникшая между означающим и означаемым.

Многослойность текста принимает во внимание как элитарного читателя, так и массового. Учитывая, что «дешифровка» кодированного постмодернистского текста предназначена элитарному (интеллектуальному) читателю, в «верхнем слое» остается привлекающий внимание, в большинстве случаев составленный из цитат текст. Такой постмодернистский текст должен соответствовать своему читателю.

Иными словами, в структуре открытого постмодернистского текста читатель присоединяется к процессу создания текста. Между автором и читателем существует своего рода соглашение. Автор принимает во внимание массового читателя, что исходит из понимания им структуры открытого текста, учета мнения читателей различной прослойки. В общем, для постмодернистского текста границы комментариев неограниченны, код и шифры текста многочисленны. В то же время постмодернистский текст может соответствовать своему читателю похожими имитациями и симулякрами, что связано со способностью сочетать означаемое с означающим. С другой стороны, в понимании самого текста интерес, с точки зрения оказанной на читателя реакции, представляла тесная взаимосвязь элитарной литературы и постмодернистского текста, ясность в которую привнес американский критик К. Мамгрэн, выдвинув понятия «авторская маска», или «образ автора», как способ соответствия читателю [Malmgren 1985, с. 104]. По К. Мамгрэну, «авторская маска» составляет реакцию имплицитного читателя и условие литературной коммуникации и в то же время вкладывает смысл в слова текста посредством метатекста. Смыслы, вносимые читателем, определяются соответствующей ему действительностью посредством таких культурных парадигм, как сюжет, персонаж, разнообразие жанров, и «направляют» имплицитного читателя к процессу понимания. В постмодернистской литературе автор поднимает проблему «метатекстуальных комментариев», или же «рефлексии», что наводит читателя на размышления о произведении вне произведения или внутри него. Ж.Ф. Лиотар, говоря, что «постмодернизм – это рефлексия об искусстве», имел в виду данную специфическую черту [Лиотар 1979, с. 38]. Автор посредством «метатекстуальных комментариев» в повествовании «заманивает» читателя в собственные интерпретации, «вовлекает» его в игру. Осознанно создает эффект игры, и, как правило, эта игра опирается на иронию. Иными словами, основные элементы постмодернистского текста – игра и ирония – служат «авторской маске». По К. Мамгрэну, постмодернист выступает в романе в качестве трикстера и сам в числе первых относится к нему с иронией. С другой стороны, он играет с ожиданиями читателя, высмеивает его, иронизирует над его «невинностью».

Для творчества постмодернистских писателей во главе с Дж. Бартом, У. Эко, М. Павичем была характерна теоретическая рефлексия

о романе, обуславливающая жанровый синкретизм. В рассказах книги «Заблудившись в комнате смеха» (1968), соединившей в себе ведущие принципы американской постмодернистской прозы, Дж. Барт раскрывает способы пересказа «истории в новой форме» – форме ленты Мебиуса, говорит о необходимости «написать рассказ в форме ленты Мебиуса», вернее, о пересказе истории до бесконечности. Он выдвигает идею о проработке модели писателя, пишущего о писателе, о создании нового смысла от имени того, кто в поисках его: «Вот бы никогда в жизни не попадал в комнату смеха. Но он туда уже попал. Вот бы сейчас умереть. Но он не умер. И, следовательно, судьба ему строить комнаты смеха для других людей и тайком нажимать на пружины» [Барт 2001, с. 131]. Согласно Дж. Барту, в таких текстах «работает» относительность повествовательного голоса, относительность самого литературного произведения и условность. Именно в связи с этим, как считает Дж. Барт, любая литература есть литература о литературе [Барт 2001].

Наряду с иронией, важным в постмодернистском тексте является также принцип постмодернистской игры. Нидерландский исследователь культуры Йохан Хейзинга (1872–1945) в своем произведении «*Homo ludens*» («Человек играющий») (1938) выдвинул концепцию «культуры как игры», оценил «человека играющего» как культурный феномен. «Концепция игры» Й. Хейзинга проявила себя в эстетике постмодернизма, в частности в дискурсах Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Бодрийяра, стала одним из ведущих принципов постмодернистского романа. Согласно Й. Хейзингу, признаки игры проявляют себя в элементах свободного духа, собственной самооценки, театральности, повторов, таинственности итогов, развлекательности и необычности.

В постмодернистской прозе такие понятия, как *игра с текстом*, *игра в тексте*, *метаязыковая игра*, *карнавальность-трикстер*, опираются именно на концепцию «культуры как игры». Как видно, игра превратилась в один из важных признаков постмодернистской прозы. В хаотичную игру добавляются слова, намеки, цитаты и смысл, автор играет с текстом, текст также, в свою очередь, играет с читателем, весь художественный мир вовлекается в процесс игры. Посредством игры перед нами возникает текст и, согласно формулировке Л. Перрон-Муазес, И. Ильин говорит: «В процессе чтения все трое – автор, текст и читатель превращаются в единое, бесконечное

поле для игры письма» [Ильин 1996, с. 48]. В постмодернистском тексте, в мире симулякров стираются границы между вымышленным и реальным мирами, реальность и ирреальность сменяют друг друга. В постмодернизме, согласно Ж. Бодрийяру, симулякры, маски, «копии копий» внедряются в игру. Особое место при этом занимает языковая игра. Постмодернистская ирония вместе с интертекстуальной игрой затрагивает тему сущности хаотичного мира, поделенного на фрагменты. Ирония используется автором («авторская маска»), играющим в постмодернистские игры, для «создания» правил игры, «разрушая» границы текста, превращается, в свою очередь, в объект игры.

У. Эко, предпринимая попытку объяснить феномен постмодернизма посредством понятия игры, пишет: «Ирония – метаязыковая игра, высказывание в квадрате. Поэтому, если в системе авангардизма для того, кто не понимает игру, единственный выход – отказаться от игры, здесь, в системе постмодернизма, можно участвовать в игре, даже не понимая ее, воспринимая ее совершенно серьезно. В этом отличительное свойство (но и новаторство) иронического творчества» [Эко 2007, с. 27].

В постмодернистском тексте интертекстуальность и элементы игры – взаимосвязанные понятия. Со стилистической точки зрения в романе очень часто смешиваются любовные и детективные романы, несмотря на отсутствие того и другого в тексте. В таком случае читатель должен быть очень внимательным и не попасть в атмосферу игры, созданную в тексте. Одной из часто разыгрываемых в постмодернистском романе тем является попытка вымышленной личности выдать свои документы и записи за «действительные», что связано также с изображением динамики развития «ложных» научных исследований. К этому списку можно отнести такие романы, как «Профессор Криминале» М. Брэдли, «Лондонские сочинители» П. Акройда, «Хорошая работа» Д. Лоджа, «Какое надувательство» Дж. Коу, «Погребенный великан» К. Исигуро, «История мира в 101/2 главах» Дж. Барнса.

Постмодернистский текст может привлечь к письму любое культурное событие. Рефлексия, связанная с постмодернистской литературой, привлекает к письму осмысленные текстом проблемы, имевшие место в истории и культуре.

Как считает американский критик И. Хассан, ценности, некогда существовавшие в мире, переживают «кризис веры», и именно в связи

с этим смысл жизни изменился, и система ценностей приобрела характер хаоса. И. Хассан писал: «Большинство из нас с горечью признают, что такие понятия, как Бог, Царь, Человек, Разум, История и Государство, некогда появившись, затем канули в лету как принципы несокрушимого авторитета; и даже Язык – самое младшее божество нашей интеллектуальной элиты – находится под угрозой полной немощи, – еще один бог, не оправдавший надежд» [Hassan 1987, с. 104].

Жанр романа в постмодернистской литературе

В отличие от литературы модернизма, в постмодернистской литературе стало бессмысленным понимание и осознание модернистского состояния, изображенного в форме хаоса. По причине этого постмодернистские авторы дают фрагментарное изображение хаотичного мира. Фактически хаотичность жизни на композиционном уровне они передавали посредством фрагментарного повествования. Согласно постмодернистам, раздробленное, «разорванное» на фрагменты олицетворение мира носит лишь фрагментарный характер, и адекватным, соответствующим данному миру стилем повествования является фрагментарность. Таким образом, в отличие от модернизма, являющегося олицетворением хаотичности мира, писатели-постмодернисты пытались собрать этот хаотичный мир воедино.

Роман как самая подходящая жанровая форма становится средством постмодернистской литературы при передаче свойственного ему стиля восприятия и взгляда на мир. В постмодернистском романе идея «авторской маски» [Malmgren 1985] К. Мамгрена восстанавливает разрушенное, «разорванное» на части, фрагментарное повествование и налаживает коммуникативную связь. С этой точки зрения постмодернистский роман неким образом оказывается «над схваткой» формализма с «содержанием», прозы элитарной с массовой, чистого искусства с ангажированным, реализма с ирреализмом. Стремление постмодернистского писателя – «разрушить стену, отделяющую искусство от развлечения, добраться до широкой публики» [Барт 2007, с. 19].

Роман У. Эко «Имя Розы» как часть постмодернистской литературы

Классическим примером постмодернистского романа в мировой литературе является «Имя Розы» У. Эко (1980), представляющее

собой единство пародии и иронии, интертекстуальности и фрагментарности, карнавального эффекта и пастиши, массовой и элитарной литератур. Автор неоднократно отмечает свой роман как постмодернистский. По его мнению, обращение к цитатам является важным признаком книжной культуры XX в. и в связи с этим, отмечая возникновение новых сюжетов в ходе плодотворной конкуренции с традицией, он писал: «Сюжет может возродиться под видом цитирования других сюжетов» [Эко 2007, с. 24].

Автор постмодернистского романа, используя детектив как ведущий жанр массовой культуры, «создает» атмосферу игры и добавляет в нее ожидания читателя. Здесь высмеивается важный элемент детектива – «разгадки» сыщика, детективная литература, сама в целом, подвергается иронии. В ходе этого автор ставит свой роман в противоположность образцам, «замешенным» модернистским сознанием, и эстетическим принципам, заложенным в их ядре. В отличие от образцов модернизма, для этого произведения характерна захватывающая сюжетная линия, которая неоднократно прерывается, «наполняется и опустошается» новыми приключениями. Для передачи процесса восприятия истины с максимальной насыщенностью автор создает различного рода связи между различными событиями, произведениями, разного типа персонажами, сопровождает динамику сюжета посредством разрушения художественной идеи и разветвления мыслей. Чтобы раскрыть истину, сорвать с ее лица вуаль единственным и самым эффективным средством становится ее высмеивание, вернее, вероятность угрозы в отношении нее.

Значит, одной из основных идей романа является понятие истины и ее «разгадка», высмеивание автором истины, скрытой в природе смеха. Размышления постмодернистов об истине и действительности становятся объектом смеха, подвергаются автором иронии. Звучание имени Баскервилей отсылает к Шерлоку Холмсу – литературному герою из детектива Артура Конан Дойла, а Адсон – к доктору Ватсону. Нарекание образа убийцы именем Хорхе Бургосский напоминает аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса (известно, что писатель был слепым и работал директором национальной библиотеки). Как видно, герои романа «Имя розы» представляют собой пародию на известного писателя и героев известной книги. Иными словами, иронические «посылы» романа, построенного по схеме написанных до

него книг, к литературным произведениям превращаются в постмодернистском тексте в новое пародийное использование интертекстуальных принципов. В отличие от романа А. К. Дойла, детективный сюжет, соответствующий типу лабиринта в «Имени розы», строится на основе принципа ризомы и «делает бессмысленным» поиски истины.

В размышлениях героев романа, в окружающей их обстановке вновь оживают события Средних веков. Для создания атмосферы «действительности» автор строит текст посредством цитат из литературы Средних веков, соответствующих аллюзий на нее и реминисценций.

Сюжетная поэтика в романе У. Эко отличается своей оригинальностью и нетрадиционностью. Детективный сюжет несет в себе метафизическое и философское понимание, что скрыто во всех случайностях, невидимо на поверхности произведения. Самое напряженное событие, видимое на поверхности, – это разносторонние комментарии автора в отношении рукописей, найденных неким аббатом. Повсеместное использование таких комментариев в повествовательном массиве произведения, т. е. в некоторых моментах ее наглядность, обуславливается отсутствием конкретных выводов касательно следующих друг за другом положений. Автор по частям отрывается от текста, и в итоге текст создает себя сам, и этот колоссальный и глубокий философский и психологический процесс является большим шагом, сделанным на пути понимания истины.

Автор романа, основывающийся на эстетике постмодернизма, не делает конкретных выводов, касается одновременно нескольких вопросов и выстраивает несколько сюжетных линий, дает читателю свободу на поверхности текста и в то же время реализует концепцию «смерти автора» (см. [Барт 1994]).

Аббатство, библиотека-лабиринт и вторая часть «Поэтики» олицетворяют романский мир «Имени розы» и связаны между собой авторским текстом. В свою очередь авторский текст находится во взаимосвязи с другими книгами-текстами, что говорит о нем как о тексте, представленном в книжной форме и соответствующем эстетическим принципам постмодернизма.

Монах Вильгельм Баскервильский ищет корни происходящих в аббатстве событий. Каждая новая «разгадка», каждый новый след приводит к возникновению новых «узлов», и таким образом обосновывается

постмодернистская идея – идея бесконечно продолжающегося текста, многосторонности истины. В постмодернистской философии отсутствует абсолютная истина, истина субъективна и условна. «При этом помня, что “раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности,” – говорит У. Эко [Эко 2007, с. 29]. Мыслитель пишет: «Объектом повествования становится самопорождающийся текст, уничтожающий всякую модальность, а персонажи представляют собой словесные «конструкции», не имеющие аналогов в действительности. Происходит разрушение когнитивной функции языка и классической модели романа. Текст как таковой превращается в обезличенную речь. В постмодернистском романе нет ситуаций, персонажей или мотивов, взятых из реальности. Всё это оказывается готовым литературным материалом, отсылающим при помощи аллюзий, цитат, реминисценций к другому материалу, образуя замкнутое пространство из множества взаимоотражающих текстов» [Эко 2007, с. 78]. Как видно, в постмодернистском романе все события могут восприниматься как намек, внутренняя жизненная ситуация и поиск действительности. Вильгельм Баскервильский ведет за собой читателя от предметов к названиям, от формы к содержанию. Детективный сюжет способствует созданию бесконечного множества разъяснений и комментариев, что служит постмодернистской игре.

В романе «Имя розы» используются различные литературные коды – историческая реконструкция событий, символика и игра имени, фрагменты научных и художественных текстов различных периодов. В «Заметках на полях “Имени розы”» У. Эко пишет о постмодернизме как о душевном состоянии: «здесь, в системе постмодернизма, можно участвовать в игре, даже не понимая ее, воспринимая ее совершенно серьезно» [Эко 2007, с. 27].

Как видно, в романе «Имя розы» обращение массовой литературы, имеющей характерные черты постмодернизма, к детективному жанру вовлекает автора в литературную «игру» с читателем, «играет» с ожиданиями читателя, обманывает его, подвергает иронии. Детектив постмодернистского романа теряет свои специфические свойства, разгадка истины, характерная для сыщика, – в природе смеха и «в смехе над истиной» и ее понимание осуществляется через иронию. Постмодернистский роман, построенный согласно принципу коллажа – из

различных текстов, открыт для бесконечного множества новых смыслов и вступает в диалог с каждым новым читателем.

Постмодернизм и роман М. Павича «Хазарский словарь»

Провозглашенный последним гением прошлого столетия, «отправившийся в путешествие по памяти о хазарах и неожиданно забредший за пределы дня и ночи, – Милорад Павич (1929–2009) однозначно считается автором постмодернистских романов» [Трофимов 1998]. Литературовед Е. Трофимов справедливо оценивает роман как культурное событие прошлого столетия, говоря о том, что «другая эра европейской культуры началась с “Хазарского словаря”» [Трофимов 1998]. Роман «Хазарский словарь» (1984), считающийся классикой постмодернистской прозы после романа «Имя розы» У. Эко, по выражению самого М. Павича, написан в соответствии с уровнем каждого читателя. Здесь никакая хронология не ожидается, каждый читатель «получает» от «Хазарского словаря» желаемое. В таких романах читатель превращается в участника процесса создания книги.

Исследователь В. Пестерев, изучающий модификацию европейского романа, по этому поводу пишет: «В поэтике «Хазарского словаря» явна постмодернистская художественность: замещение “натуры” “культурой”; цитатность и многообразие ее приемов, от прямой цитаты до скрытого и аллюзионного цитирования; вторичность романного текста как “отражение отражения”; интертекстуальность (внутрироманный и «внешний» диалог текстов) и гипертекстуальность (соединение разнородных текстов); полистилистика (от стиля научных словарных статей до фольклорных форм). Однако более ощутимо в «Хазарском словаре» поэтическое преображение постмодернистского стиля, его пластическая совмещенность с поэтической структурой» [Пестерев 1999, с. 206].

События в романе «Хазарский словарь» протекают в трех временных отрезках – IX, XVII и XX вв. Три временных отрезка романа основываются на реальных исторических событиях, связанных с принятием хазарами иудаизма, христианства и ислама. Каждая книга комментирует три различных варианта выбранной хазарами религии. Однако в результате перемещения реальности и вымысла ссылки к источникам и многочисленные обширные сведения не имеют исторического обоснования. В то же время на протяжении всего романа

не появляется сомнений в реальности описываемых событий. Существуют две версии романа «Хазарский словарь» – женская и мужская версии. Тексты этих двух версий отличаются лишь одним абзацем, и этот вариант основывается на принципе авторской игры. Отсутствие правил прочтения текста вдохновляет к его повторному прочтению, и каждое прочтение приводит к раскрытию новой идеи. Сложная композиционная структура романа, в свою очередь, построена по принципу мозаики, что дает простор для толкований.

Текст романа построен согласно принципу составления словарной статьи, и сами статьи, как и их содержание, написаны по-разному в соответствии с религиозными взглядами составителя каждой из книг. По принципу гипертекста каждая статья может переключить внимание читателя к любой из частей другой книги. Заметки о времени создания словаря, его составлении и правил пользования, женская и мужская версии и, наконец, три исторических временных отрезка служат принципу игры постмодернистской прозы.

Первый временной отрезок романа охватывает события, происходящие во время «Хазарской полемики», второй – время создания первого словаря, последний, современный, период – краткие детективные истории об убийстве людей, связанные с «Хазарским словарем». Каждая из трех книг заканчивается выводом о пользе существующего словаря. Роман, напоминая по внутренней структуре противоречащую друг другу сложную мозаику, очень часто в парадоксальной форме заменяет реальные исторические события вымыслом. Это, в свою очередь, основывается на принципе постмодернистской игры реальности с вымыслом, действительности с воображением.

Согласно концепции Л. Хатчин, назвавшей историографический метароман «псевдоисторическим» романом, такие романы иронизируют над историей, в открытую занимаются ее подделкой [Hutcheon 1988, с. 39]. Подтверждением выводов Л. Хатчин служит постмодернистский принцип игры М. Павича, опирающийся на иронию. На фоне «действительности» роман «Хазарский словарь» подвергает иронии понимание истории как фикции, указывает на ее субъективность. Как видно, постмодернистский роман отличается от традиционного романа качествами, свойственными определенному стилю прочтения, определенному стилю написания.

В связи с этим интерес вызывают высказывания самого М. Павича о постмодернистском романе. Он пишет: «Я более склонен утверждать, что мы приблизились к закату традиционной манеры чтения. Это кризис нашего способа чтения, а не кризис романа. Это конец романа как дороги с односторонним движением <...>. Гиперлитература показывает нам, как роман может развиваться подобно сознанию – в нескольких направлениях. Гиперлитература делает роман интерактивным. Я попытался изменить привычный способ чтения, усиливая роль и ответственность читателя в процессе создания романа. Я оставил им, читателям, принятие решений об основных моментах романа и развитии сюжета: где роман начинается, и где он заканчивается <...>. Но стараясь изменить манеру чтения, я должен был изменить манеру сочинения. Поэтому эти строки должны восприниматься не просто как рассуждения о форме романа. Каждый роман должен выбирать свою собственную форму, каждая история должна искать и находить свое собственное тело» [Павич 1998].

Роман «Хазарский словарь» основывается на принципе ризомы, у таких текстов центр обычно отсутствует, их составляющей являются фрагменты интерпретаций бесконечных текстов, фрагменты комментариев, ссылающихся на различные тексты. В результате возникают альтернативные сюжеты, основанные на принципе интеллектуальной игры. Такой текст дает новые возможности для прочтения, и переход от фрагмента к фрагменту создает условия для прочтения романа от конца к началу, от середины к концу: «Каждый читатель сам сложит свою книгу в одно целое, как в игре в домино или карты, и получит от этого словаря, как от зеркала, столько, сколько в него вложит, потому что от истины – как пишется на одной из следующих страниц – нельзя получить больше, чем вы в нее вложите <...>. Чем больше ищешь, тем больше получаешь» [Павич 2016, с. 4]. Как видно, постмодернистский роман «открыт» для бесконечного разнообразия, многочисленных прочтений, толкований и интерпретаций. Литературовед В. Руднев, составивший культурный словарь XX века, пишет о романе следующее: «X. с.» построен как гипертекст, то есть в нем достаточно разработанная система отсылок, а в предисловии автор указывает, что читать словарь можно как угодно – подряд, от конца к началу, по диагонали и вразброс. На самом деле это лишь постмодернистский жест, поскольку в “X. с.” – сложнейшая и до последнего «сантиметра»

выверенная композиция и читать его следует как обычную книгу, т. е. подряд, статью за статьей. “Х. с.” философски чрезвычайно насыщенный текст, один из самых философских романов XX в., поэтому стоит сделать попытку отыскать основные нити его тончайшей художественной идеологии, ибо философия “Х. с.” дана не в прямых сентенциях, а “растворена” в художественной ткани романа» [Руднев 1999, с. 201].

Из анализа произведения следует, что роман «Хазарский словарь» написан в соответствии с эстетическими принципами постмодернизма, и читатель, не принимая во внимание различные сюжетные линии, может начать прочтение с любой его части. Текст учитывает ожидания читателя, по определению самого М. Павича, текст написан «в соответствии с новым типом читателя».

Как было отмечено, постмодернистская литература является искусством игры, охватывающим все предшествовавшие ему культурные ценности. Для создания нового текста она использует такие приемы, как метатекст, интертекстуальность, «двойной код», «авторская маска». Обращение к интертекстуальности и метатексту является основной художественной особенностью постмодернистской литературы. Другой ее важной художественной особенностью является пародийное и ироничное отношение к предшествующим текстам. Именно поэтому постмодернистская проза несет в себе элементы «черного юмора» и иронии, опирающиеся на комичность.

В анализируемых романах У. Эко, М. Павича читатель «отсылается» к закодированным символам, к текстам других произведений, сталкивается с бесконечным множеством смыслов. Интертексты указывают на использование других произведений, аллюзии – на сложную структуру текста. В метатекстах читатель «ссылается» к исходному тексту и аллегорическому изображению событий.

Заключение

Постмодернистский взгляд на мир, непохожий на другие, привел к возникновению нового литературного вида – метапрозы. В таких романах автор создает текст о тексте, роман о романе, иными словами, основной темой становится процесс написания произведения. Данный литературный ребус скрывает в себе двойника. Такие постмодернистские приемы были характерны для творчества Х. Л. Борхеса, М. Павича, У. Эко.

Использование автором в постмодернистском романе «двойного кода» способствует пониманию произведения читателем. Этот прием можно встретить в анализируемых романах У. Эко и М. Павича. В обоих романах два различных прочтения направлены на понимание сюжета и внутренних зашифрованных кодов, на раскрытие скрытой в романе символики смысловых подтекстов.

В постмодернистских романах текст играет с читателем, высмеивает и обманывает его, «приглашает» к раскрытию скрытых символов и аллюзий, а также смысловых подтекстов.

К характерным особенностям постмодернистских романов относится смешение жанров. Писатель-постмодернист в состоянии соединить в одном тексте различные жанры, смешение нескольких жанров дает ему возможность создать эффект иронии и игры. Проследить это можно в творчестве Дж. Данливи, Т. Пинчона, Дж. Барта, Дж. Коу, Д. Барнса, К. Исигуро.

С другой стороны, единство элитарной и массовой литературы «создало» в постмодернистской литературе новый тип романа, и именно такой постмодернистский текст привел к возникновению новых романов и новой читательской аудитории.

Выдвинутый Р. Бартом тезис «смерть автора» привнес свободу в толкование произведения, “вырвал” текст из авторской зоны и, таким образом, место автора подверглось изменению. Именно в связи с этим на смену классического автора, как говорит Р. Барт, пришло понятие автора-персонажа, возникшего одновременно с текстом, «его сущность недействительна до и после написания» [Барт 1994].

Как видно, роман, пройдя своеобразный путь, подвергся изменению формы и содержания. В первую очередь это было связано со своеобразной синтетической природой романа в целом. В результате модификации, которую претерпел роман, возник новый – постмодернистский роман. Вместе с ним появились особый художественный язык, стилевая изменчивость, определенные творческие приемы. Именно указанные выше характеристики определили его универсальные и специфические особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика, поэтика. М. : Прогресс, 1994. 460 с.
Барт Дж. Заблудившись в комнате смеха: Рассказы, роман / пер. с англ. В. Михайлина. СПб. : Симпозиум, 2001. 290 с.

- Барт Дж.* Литература истощения // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 10. С. 124–139.
- Ильин И.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 252 с.
- Лиотар Ж.-Ф.* Постмодернистский удел. М., 1979. 190 с.
- Павич М.* Начало и конец романа / пер. А. Некрасова. 1998. URL : lib.ru/INPROZ/PAWICH/endofnovelrus.txt.
- Павич М.* Хазарский словарь. Азбука-классика. Азбука-Аттикус, 2016. 384 с.
- Пестерев В. А.* Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград : Издательство ВолГУ, 1999. 312 с.
- Руднев В.* Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1999. 384 с.
- Трофимов Е. М.* Павич. Хазарский словарь : Роман-лексикон // Знамя. 1998. № 3. URL : magazines.russ.ru/znamia/1998/3/rec2.html.
- Эко У.* Заметки на полях «Имени розы». СПб. : Симпозиум, 2007. 160 с.
- Hassan I. H.* The Dismemberment of Orpheus. Toward a Postmodern Literature. The University of Wisconsin Press, 1982. 306 p.
- Hassan I. H.* The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture. Ohio State Univ., 1987. 267 p.
- Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. Routledge. London, 1988. 284 p.
- Malmgren C. D.* Fictional space in the modernist and postmodernist American novel. Lewisburg, 1985. 165 p.

REFERENCES

- Bart R.* Izbrannyye raboty. Semiotika, pojetika. M. : Progress, 1994. 460 s.
- Bart Dzh.* Zabludivshis' v komnate smeha: Rasskazy, roman / per. s angl. V. Mihajlina. SPb. : Simpozium, 2001. 290 s.
- Bart Dzh.* Literatura istoshheniya // Rossijskij literaturovedcheskij zhurnal. 1997. № 10. S. 124–139.
- Il'in I.* Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm. M. : Intrada, 1996. 252 s.
- Liotar Zh.-F.* Postmodernistskij udel. M., 1979. 190 s.
- Pavich M.* Nachalo i konec romana / per. A. Nekrasova. 1998. URL : lib.ru/INPROZ/PAWICH/endofnovelrus.txt.
- Pavich M.* Hazarskij slovar'. Azbuka-klassika. Azbuka-Attikus, 2016. 384 s.
- Pesterev V. A.* Modifikacii romannoju formy v proze Zapada vtoroj poloviny XX stoletija. Volgograd : Izdatel'stvo VolGU, 1999. 312 s.
- Rudnev V.* Slovar' kul'tury XX veka. M. : Agraf, 1999. 384 s.
- Trofimov E. M.* Pavich. Hazarskij slovar' : Roman-leksikon // Znamja. 1998. № 3. URL : magazines.russ.ru/znamia/1998/3/rec2.html.
- Jeko U.* Zametki na poljah «Imeni rozy». SPb. : Simpozium, 2007. 160 s.

- Hassan I. H.* The Dismemberment of Orpheus. Toward a Postmodern Literature. The University of Wisconsin Press, 1982. 306 p.
- Hassan I. H.* The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture. Ohio State Univ., 1987. 267 p.
- Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. Routledge. London, 1988. 284 p.
- Malmgren C. D.* Fictional space in the modernist and postmodernist American novel. Lewisburg, 1985. 165 p.

УДК 82.091

М. В. Харыбина

аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета Московского государственного лингвистического
университета; e-mail: m.kharyb@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ ОБРАЗОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ВИНСЕНТОМ ВАН ГОГОМ

(на примере писем о И. С. Тургеневе)

Статья посвящена литературоведческому анализу трех писем В. Ван Гога, в которых создается образ И. С. Тургенева. Особое внимание уделяется эксплицитному уровню рецепции русской культуры. Особенности восприятия Ван Гогом русской культуры представлены в контексте его увлечения реализмом. Образ И. С. Тургенева, создаваемый Ван Гогом, представлен в работе как образ медиатора культур, который при этом входит в круг европейских писателей и художников того времени.

Ключевые слова: диалог культур; тексты культуры; русская культура; литература; рецепция образов культуры, семиотика; живопись; вербальные тексты; невербальные тексты; эпистолярное наследие В. Ван Гога; Ван Гог; Вогюэ.

M. V. Kharybina

Postgraduate Student, Department of Domestic and Foreign Literature,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: m.kharyb@gmail.com

SPECIFIC FEATURES OF RECEPTION OF RUSSIAN CULTURE'S IMAGES BY VINCENT VAN GOGH

(based on letters about I. Turgenev)

The article is devoted to the literary analysis of Van Gogh's three letters, in which the image of I.S. Turgenev is created. Special attention is paid to the explicit level of reception of Russian culture. The specific features of Van Gogh's perception of Russian culture in this perspective are presented in the context of his interest in realism. The image of I. S. Turgenev, created by Van Gogh, is presented as an image of the mediator of cultures, who is included into the circle of European writers and artists of his time.

Key words: dialogue of cultures; texts of culture; Russian culture; literature; reception of cultural images; semiotics; art; verbal texts; nonverbal texts; epistolary heritage of Van Gogh; Van Gogh; Vogüé.

Введение

В эпистолярном наследии В. Ван Гога встречаются три упоминания о биографии и творчестве русского писателя И. С. Тургенева

в письмах из Антверпена № 557 (В. 559 | CL 448) от 2 февраля 1886, №560 (В. 562 | CL 451), написанном неделю спустя, и № 565 (В. 568 | CL 457) от 22 февраля того же года, благодаря которым мы можем выявить специфику рецепции художником некоторых аспектов русской культуры. В первом из этих писем есть всего две строки, посвященные творчеству И. С. Тургенева, и в этой статье мы не будем к ним обращаться, сконцентрировавшись в большей степени на литературоведческом анализе писем № 560 и №565. Оба письма написаны за несколько недель до приезда Ван Гога в Париж к брату, где он познакомился с искусством, техниками и художниками модных французских течений, – таких как импрессионизм и пуантилизм. В Антверпене Винсента волнуют другие темы – академический рисунок, изучение Античности, работы Рубенса, рассуждения о жизни и смерти. Обратимся к той части этих рассуждений, в которую Винсент включает упоминания о биографии и творчестве И. С. Тургенева.

Наблюдение как творческий метод И. С. Тургенева в интерпретации В. Ван Гога: крестьянский тип

Ван Гог в письме № 560 характеризует творчество Тургенева, видит оригинальность и значимость его творческого метода в умении наблюдать: «В конце концов самое интересное в жизни – люди: сколько ни изучай их, всё мало. Вот почему такие мастера, как Тургенев, могут по праву считаться великими: они учат нас наблюдать» [Ван Гог, L 560]. Мы можем предположить, что умение наблюдать интересует Винсента Ван Гога, во-первых, в рамках его увлечения реализмом в литературе и живописи в допарижский период, а во-вторых, в контексте приемов этого стиля, таких как типологизация персонажей: «...страсть объединять по 5–6 классических моделей в один тип» [Ван Гог, L 557].

Здесь важно указать, что Винсент, вероятнее всего, был знаком с биографией Тургенева авторства Э.-М. Вогиюэ, который характеризовал творческий метод русского писателя, представив следующие типы: крестьянин; класс образованных людей, представленный двумя поколениями: старого помещика и молодого человека; женщины того же класса – мать и девушка. Вогиюэ обращает внимание на то, что Тургенев в своих работах практически не касается только одного класса – высшего. Есть только несколько эпизодических персонажей, которых

можно к нему отнести в поздних произведениях, да и те в большей степени отрицательные [Вогюэ 1887].

Теперь обратимся к тем образам крестьян, которые создает Вогюэ в своей работе о И. С. Тургеневе. Как мы помним, именно из этого литературоведческого очерка черпал информацию о нем Ван Гог. Представляется, что Вогюэ дает характеристику русских крестьян, основываясь на сборнике рассказов «Записки охотника» (первый перевод во Франции вышел в 1854 г.), о котором идет речь в первой части биографии Тургенева.

Характеристика типов, созданных в литературе И. С. Тургеневым, у Вогюэ выглядит следующим образом: «Прежде всего, это крестьянин. Кроткий, безропотный, спящий, трогательный в своих страданиях как ребенок, который не знает, почему он страдает. Однако лукавый и хитрый, если он не отупел от пьянства, время от времени впадающий в звериную ярость» [Вогюэ 1887, с. 29–30].

В данной характеристике мы можем обнаружить два уровня дихотомии – образ крестьянина одновременно описан как кроткий и хитрый, безропотный и впадающий в ярость. Отдельно в образе крестьянина выделяется такая бытовая черта, как пьянство, которое приводит к деградации умственных способностей.

Представленный образ русского крестьянина крайне противоречив и в целом, вероятно, близок к тургеневскому видению русского национального характера. Как пишет Н. А. Воскресенская, «...анализ речевой композиции цикла «Записки охотника» показал, что доминирующими концептами, представляющими русский национальный характер, являются «ум», «долготерпение», «природа» и «провинция»» [Воскресенская 2014, с. 159].

К образу русских крестьян также обращается в своей статье Альфонс Доде. И на эту статью несколькими днями позже ссылается Винсент Ван Гог в письме к брату [Ван Гог, L 560]. Характеристики двух французских авторов сходятся в том, что неотъемлемыми чертами образа крестьянина, по мнению Тургенева, является такая асоциальная модель поведения, как пьянство и устойчивый лейтмотив отождествления с ребенком: «Тургенев говорил о русском крестьянине, о его пьянстве, о его дремлющем сознании» [Доде 1888, URL]. Но в статье Доде появляется еще и социальная проблематика, связанная с экзистенциальным концептом «свободы»: «...он [крестьянин] совершенно

не представляет себе, что такое свобода» [Доде 1888]. Появление этой проблематики связано с тем, что в целом творчество Тургенева имеет ярко выраженный антикрепостнический характер, о чем было известно всем его современникам. Но описанная в статье Доде ситуация дружеского обеда происходит значительно позже отмены крепостного права в России. Однако Доде отмечает размышления Тургенева об отсутствии экзистенциальной свободы у крестьян (хотя фактически в правовом поле они уже ею обладают как минимум пару десятилетий) как негативную черту их образа, объединяя в этом континууме и пьянство, и «дремлющее сознание» [Доде 1888].

В статье Доде мы встречаем и положительные характеристики крестьянского образа:

«Или же [Тургенев] делился с нами более отрадными воспоминаниями, прикрывал уголок идиллии, связанный с молодой мельничихой, которую он встретил во время охоты и в которую был одно время влюблен.

– Что тебе подарить? – постоянно спрашивал он у мельничихи.

Однажды красавица, покраснев, ответила ему:

– Привези мне мыла из города. Я буду мыть им руки, чтобы они хорошо пахли, и тогда ты станешь их целовать, как у барыни» [Доде 1888].

В приведенном эпизоде с мельничихой мы видим несколько сентиментальную характеристику русских крестьян, а именно – такие черты их образа, как простодушие и детскую наивность, которые в данной ситуации трактуются в качестве положительных черт. Здесь мы видим, что дихотомия образа русских крестьян встречается и у Доде, хотя и в менее акцентированном и подробном виде. Это можно объяснить тем, что Доде, в отличие от Вогюэ, писал воспоминания о своем друге, а не работу, претендующую на научный анализ творчества Тургенева. Интересно, что даже в воспоминаниях французских современников всё равно присутствует тема противоречивости образа русского крестьянина в рассуждениях И. С. Тургенева.

При этом следует упомянуть о том, что оба автора были знакомы с творчеством Тургенева в переводе на французский язык (Вогюэ читал его и по-русски). Интересно вновь обратиться к исследованию Н. А. Воскресенской, которая убедительно показывает, что «...представление рациональной составляющей концепта [русского характера]

(хитрость, практичность, ловкость) не вызвало трудности у французских переводчиков, а интерпретация субъективно-авторского аспекта восприятия духовного начала (добродушие, открытость, вера в добро) русского человека, часто невербализуемого в тексте стало объективной причиной неточной передачи значения» [Воскресенская 2014, с. 188]. Этот же автор отмечает, что в трактовке русского национального характера французскими переводчиками утеряна «мысль Тургенева о том, что долготерпение русского человека объясняется его христианским смирением». По мысли Н. А. Воскресенской, переводчики XIX в. упустили «...такую важную составляющую русского национального характера, как его религиозность» [Воскресенская 2014, с. 200].

Мы считаем, что Ван Гог, лишь косвенно соприкасаясь с образами крестьян, созданных в творчестве И. С. Тургенева, мог быть заинтересован в подобном взгляде на крестьянскую тему в первую очередь потому, что темы работы и простой жизни являются одними из основополагающих в его размышлениях. В случае с творчеством Тургенева мы остановимся лишь на нескольких аспектах – во-первых, представляется, что Винсент вряд ли заострял свое внимание на культурных и социальных различиях в жизни российских, бретонских или барбизонских крестьян – для него это тема для экзистенциальных размышлений, которую исторические реалии касаются в наименьшей степени. В то же время нельзя не отметить, что в своих работах даже голландского периода он никогда не обращается к чистым академическим абстракциям, а всегда пишет реальных людей за их настоящими занятиями. В качестве примера можно привести серию с ткачами, которую он пишет в Нюэнене или самые ранние наброски Ван Гога, изображающие углекопов из Боринажа. Уже здесь мы видим насколько сильно различаются созданные им портреты от работ, изображающих какой-то из типов, которые можно обобщенно назвать «простыми людьми». Именно этот тип оказывается двумя годами позднее прочно «вплетен» в арльские экзистенциальные размышления о счастье, неразрывно связанные с работой и простой жизнью.

В заключение можно сказать, что художественные концепции двух авторов сближает интерес к «наблюдению над людьми», их повседневной жизнью, но само их творчество едва ли даст нам материал для плодотворного сопоставления отношения авторов к крестьянской теме – они слишком по-разному осмысливают эту проблему.

Экзистенциальные размышления в эпистолярном наследии В. Ван Гога в контексте творчества русского писателя

Характеризуя особенности рецепции русской культуры Ван Гогом необходимо остановиться на его экзистенциальных размышлениях, связанных контекстуально с образом И. С. Тургенева. Прежде всего речь пойдет о таких значимых жизненных категориях и явлениях, как счастье, любовь и смерть.

В письме № 560 [Ван Гог, L 560] мы находим большой фрагмент, в котором образ И. С. Тургенева вписан в круг европейских художников и писателей, входящих в то время в круг постоянных размышлений Ван Гога.

Обратимся на материале письма к литературоведческому анализу такой экзистенциальной категории, как счастье. Мы видим конструирование этой категории в эпистолярном наследии Ван Гога, отталкивающееся от характеристики последней прогулки братьев Гонкуров (описанной в предисловии к роману «Шери» 1884 года, который вместе с письмом Винсент отправляет Тео) [Stolwijk C., ест. 2009, Note 4], которую он описывает как «великолепную умиротворенность»; также он обращается к воспоминаниям о смерти Делакруа, записанных Сильвестром. Здесь важно, что первичная характеристика счастья строится как дуальная оппозиция обыденных представлений о счастье / успехе, в первую очередь связанных с материальным благополучием, и авторской трактовки содержания этих представлений. Винсент отмечает, что ни один из этих деятелей искусства не были счастливы в обыденном понимании, но при этом воспринимали категорию «счастье» в ином экзистенциальном смысле – как в первую очередь творческое удовольствие от работы. Здесь мы видим дуальную оппозицию в представлениях о счастье – материальное благополучие / бескорыстная радость труда, столько характерную для творчества Ван Гога в целом, но ставшую в данный период жизни особенно для него актуальной.

В антверпенский период жизни Ван Гога он вновь сталкивается с денежными затруднениями. Денежное содержание, которое высылал ему Тео (в обмен на право распоряжаться его картинами), было достаточным в предыдущий период жизни Ван Гога в Нюэнене, поскольку он жил в родительском доме. После переезда в Антверпен оно перестало покрывать даже его базовые расходы – на краски, жилье и еду. Исходя из этого, размышления о материальном благополучии

и финансовом успехе деятелей искусства как основании для счастья становятся вновь актуальны для Ван Гога. Личностный аспект экзистенциальных размышлений связан с тем, что мысли о счастье и смерти Ван Гог экстраполирует на себя и своего брата, в связи с их общими планами по переезду Винсента в Париж и поиску совместного жилья. Этот план мог в некотором роде решить финансовые затруднения Винсента и позволить ему свободнее работать.

В круг европейских деятелей искусства, к биографиям и работам которых он обращается в размышлениях о счастье, Винсент включает и И. С. Тургенева, отмечая, что его последние дни прошли так же умиротворенно, как и последняя прогулка братьев Гонкуров. Нам представляется, что фраза о том, что Тургенев в свои последние дни проводил много времени с Доде, отсылает нас к статье «*Mémoires d'un homme de lettres. Tourguéneff*» французского писателя, где подробно описаны их встречи, включая одну из последних. Здесь важно отметить, что исследователи из музея Ван Гога в Амстердаме связывают эту отсылку в первую очередь с тем кругом проблем, которые Доде характеризует следующим образом [Stolwijk C., etc. 2009, Note 5. URL]: «Когда с обсуждением книг и повседневными заботами бывало покончено, беседа принимала более общий характер, мы обращались к вечным истинам, говорили о любви и о смерти» [Доде 1888, URL]. Можно предположить, что размышления о таких связанных между собой категориях, как счастье, смерть и любовь в беседах французских литераторов созвучны собственным экзистенциальным идеям Ван Гога. Именно поэтому он включает образ И. С. Тургенева в свои размышления о жизни.

Важно отметить, что, объединив русского писателя с европейскими в едином смысловом континууме, Винсент отождествляет их очень разные смерти в единый образ смерти «современного мыслителя», который ему очень близок. В этом образе нет конкретных биографических подробностей, но при этом есть характеристика, которая, по мнению художника, подходит для рецепции смерти значимых людей его эпохи. Перед нами двойная метафора образа умирающей женщины – сначала Ван Гог дает гендерные характеристики: «...ранимые, утонченные, умные как женщины, тонко чувствующие также и свои страдания, и всегда в то же время полные жизни и уверенности в себе, без безразличного стоицизма, без презрения к жизни...» [Ван

Гог, L560]. Следующий пласт обращения к женскому образу имеет более глубокое коннотативное значение и отсылает нас к скрытой цитате из Евангелия от Луки 7:47: «...а потому сказываю тебе: прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много...». Введение религиозного контекста в размышления Ван Гога о счастье, смерти и любви обусловлено не только биографическим контекстом жизни автора (не так давно Винсент был проповедником в Боринаже), но и общей значимостью библейских текстов в размышлениях художника на экзистенциальные темы на протяжении всей его жизни вне зависимости от его отношения к церкви и религии.

Интересно отметить, что гендерные характеристики, которые мы видим у Ван Гога, могут быть подчерпнуты из статьи Альфонса Доде, где есть следующий отрывок: «...но кто бы заподозрил, что второй колосс [Тургенев], с его мохнатыми бровями и огромным лбом, сродни тонкой, чуткой женщине, много раз описанной им в романах, русской женщине, нервной, томной, страстной, дремлющей, как восточная рабыня, трагичной, как готовая взбунтоваться сила? Среди великой людской неразберихи души попадают иной раз не в ту оболочку: мужская душа оказывается в женском теле, женская душа – в грубом обличье циклопа» [Доде 1888].

Как мы уже писали, из этой же статьи Винсент узнает о том, что Доде с Тургеневым плодотворно сотрудничали незадолго до смерти последнего. При этом важно отметить, что о самой смерти русского писателя Доде не пишет. Вероятно, о ней Ван Гог мог читать только в работе Э. Вогюэ. Здесь мы хотим отметить, что и Вогюэ, и Ван Гог обращаются к библейским метафорам в размышлениях о смерти. В том числе И. С. Тургенева. Однако Вогюэ проводит аналогию с библейским образом сеятеля, а не с притчей о фарисее Симоне. Евангельский образ сеятеля является одной из ключевых тем экзистенциальных размышлений Ван Гога на протяжении всего его творчества – как в живописи (примером могут служить работы с изображением сеятеля из музея Ван Гога в Амстердаме, музея Крёллер-Мюллер и музея Фолькванг), так и в письмах (фигура сеятеля упоминается в общей сложности в 67 письмах художника – начиная с L 109 из Дордхеда в 1877 г. и заканчивая L 853 из Сент-Реми в 1890 г.). Интересно, что при такой значимости этого образа в творчестве, Ван Гог к нему не обращается, а выражает свою идею посредством образа женщины. При

этом нельзя не отметить, что сама идея взаимосвязи счастья, любви и труда остается неизменной – *счастье в размышлениях Ван Гога всегда связано с работой на благо других людей, что и означает, по его мнению, любовь к людям.*

В третьем письме, в котором упоминается И. С. Тургенев, Ван Гог обращается к рецепции русского писателя вновь в контексте размышлений о счастье. Позволим себе привести отрывок из 565 письма: «Сейчас я особенно заинтересован в Тургеневе, поскольку я прочел отрывок о нем у Доде, в котором он отлично анализирует как его характер, так и его работы. Он выглядит примером для подражания, в старости он остался молодым благодаря тому, что *продолжил работать*, и благодаря тому, что всегда был недоволен [своей работой] и старался сделать ее лучше всё время.

Благодаря – но обдумай это еще раз внимательно; это бы очень меня обнадежило, если бы ты увидел это в том же свете, что и я» [Ван Гог, L565].

Мы предполагаем, что в этом письме от 22 февраля 1886 г. Винсент скорее всего невольно объединил о одном размышлении два источника своих сведений о жизни и творчестве И. С. Тургенева – статьи Доде и Вогюэ. Мы делаем данное предположение исходя из того, что в статье Доде ни разу не упоминаются факты о том, что Тургенев работал все последние месяцы и дни своей жизни. В то время как в статье Вогюэ этому посвящено несколько страниц [Вогюэ 1887, с. 69–72], завершающие анализ жизни и творчества русского писателя. Именно Вогюэ отмечает, что «...уже будучи поражен своим ужасным недугом, – он страдал болезнью, встречающейся очень редко – (раком спинного мозга), Тургенев опубликовал свои последние три повести: *Песнь торжествующей любви ... Клару Милич ... Отчаянного*» [Вогюэ 1887, с. 70]. Также Вогюэ упоминает о том, что в последние несколько дней до смерти, Иван Сергеевич всё еще строил разнообразные творческие планы, а за день до кончины написал письмо Л. Н. Толстому, с просьбой вернуться в литературу из проповедничества [Вогюэ 1887, с. 71].

Ван Гога в этот период жизни и творчества очень интересуют темы смерти и старости, а также способы им противостоять. Здесь мы можем выделить несколько аспектов данного интереса. Во-первых, многие биографы Ван Гога сходятся во мнении, что

именно в Антверпене Винсенту был диагностирован сифилис, который в 80-е гг. XIX в. был неизлечим [Tralbaut 1969]. Мы не можем утверждать это с точностью, но практически все письма антверпенского периода включают в себя размышления Винсента о собственном слабом здоровье, так что данная медицинская гипотеза выглядит очень состоятельной. Важно, что эти размышления оказались шире личного / биографического контекста – Винсент переносит свои размышления о смерти и в плоскость искусства. Именно в Антверпене он пишет несвойственную ему картину «Череп с горящей сигаретой», которую обычно воспринимают или как шутку, или в качестве традиционного голландского *memento mori*. Ни до, ни после этого Винсент не будет писать столь сюрреалистичных, ироничных и абстрактных работ, что дает нам возможность предположить актуальность данной темы исключительно в этот период.

Как мы видим, образ И.С. Тургенева в данном контексте вписывается Ван Гогом в те экзистенциальные проблемы, которые волнуют его в антверпенский период жизни и творчества – упоминания о творчестве Тургенева служат в качестве поводов для размышления или аргументации своей позиции голландским художником.

Заключение

Подводя итог, хотелось бы остановиться на следующих значимых положениях. Характеризуя эксплицитный уровень рецепции Ван Гогом русской культуры через творчество и биографические очерки И. С. Тургенева, мы обратились к двум темам: создание собирательного образа (типа) как творческий метод, и экзистенциальные понятия счастья и смерти. Это лишь часть тем, которая может быть интересна исследователям данной проблематики. В дальнейшем мы надеемся исследовать историософские и футурологические представления двух авторов.

Важно, что интерес Ван Гога к русской культуре в данном случае напрямую связан с его увлечением реализмом – как в литературе, так и в живописи. При этом творческий метод И. С. Тургенева интерпретируется в эпистолярном наследии Ван Гога как часть европейского литературного поля – наравне с творчеством Золя, Доде, братьев Гонкуров и др. Нам представляется, что существует определенная близость в трактовке собирательного образа крестьянина русского

и голландского авторов. В первую очередь потому, что Ван Гог создает образ крестьянина в своих вербальных и визуальных текстах, не опираясь на реалии исторической эпохи или политической ситуации. В образе крестьянина Ван Гога интересует, скорее, концепция честной жизни и труда, которая исходя из его экзистенциальных взглядов и делает человека счастливым. Таким образом, из этого мы видим, что Винсент не делает различий между голландскими, бретонскими и русскими крестьянами, которые, как мы знаем, находились в разном социальном положении.

Еще одной особенностью рецепции биографии И. С. Тургенева как представителя русской культуры Ван Гогом является то, что Винсент видит в жизни и творчестве русского писателя подтверждение своих экзистенциальных теорий, в первую очередь – о счастье. В концепции Ван Гога счастье неразрывно связано с творчеством и трудом, а также является фактически синонимом молодости (ума). Именно эти черты образа Тургенева, созданного в статьях Доде и Вогюэ, особенно отмечает Винсент. Интересно отметить обращение в письмах этого периода к двойной метафоре образа женщины для характеристики образов И. С. Тургенева и Э. Делакруа. Во-первых, метафора подчеркивает тонкость их художественной натуры, во-вторых, содержит в себе евангельские мотивы того же понятия счастья, который близок Ван Гогю: «...она возлюбила много...» (Лука 7:47), что для Винсента всегда означает связь любви и труда.

В заключение можем сказать о том, что в нашем исследовании образ И. С. Тургенева, созданный в письмах Ван Гога, характеризуется ролью медиатора культур, включенного как в русский, так и в европейский интеллектуальный контекст того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вогюэ Э. М. де. Современные русские писатели: Тургенев. М. : В. Н. Маракуев, 1887. 72 с. URL : nzb.pf/catalog/000199_000009_003619874/.
- Воскресенская Н. А. Русский национальный характер в «Записках охотника» И. С. Тургенева и его восприятие во французской литературной критике и переводах XIX – XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Н.-Новгород, 2014. 205 с. URL : dlib.rsl.ru/01007895654.
- Доде А. Тургенев // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 193–223. URL : az.lib.ru/d/dode_a/text_1888_turgenev.shtml.

- Stolwijk C., Kets-Vree A., etc.* Note 4 and 5. Amsterdam & The Hague : Van Gogh Museum & Huygens ING. URL : vangoghletters.org/vg/letters/let560/notes.html.
- Tralbaut M. E.* Vincent Van Gogh. New York : Viking Press, 1969. 350 p.
- Van Gogh V.* The Letters / Leo Jansen, Hans Luijten, Nienke Bakker (eds.). Version: December 2010. Amsterdam & The Hague : Van Gogh Museum & Huygens ING. URL : vangoghletters.org

REFERENCES

- Vogjuje Je. M. de.* Sovremennye russkie pisateli: Turgenev. M. : V. N. Marakuev, 1887. 72 s. URL : njb.rf/catalog/000199_000009_003619874/.
- Voskresenskaja N. A.* Russkij nacional'nyj karakter v «Zapiskah ohotnika» I. S. Turgeneva i ego vosprijatie vo francuzskoj literaturnoj kritike i perevodah XIX – XX vv.: dis. ... kand. filol. nauk. N.-Novgorod, 2014. 205 s. URL : dlib.rsl.ru/01007895654.
- Dode A.* Turgenev // I. S. Turgenev v vospominanijah sovremennikov : v 2 t. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1983. T. 2. S. 193–223. URL : az.lib.ru/d/dode_a/text_1888_turgenev.shtml.
- Stolwijk C., Kets-Vree A., etc.* Note 4 and 5. Amsterdam & The Hague : Van Gogh Museum & Huygens ING. URL : vangoghletters.org/vg/letters/let560/notes.html.
- Tralbaut M. E.* Vincent Van Gogh. New York : Viking Press, 1969. 350 p.
- Van Gogh V.* The Letters / Leo Jansen, Hans Luijten, Nienke Bakker (eds.). Version: December 2010. Amsterdam & The Hague : Van Gogh Museum & Huygens ING. URL : vangoghletters.org

УДК 81'27

А. А. Минасян

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов;
e-mail: dr.a.minasyan@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В статье рассматривается языковая политика в Европе в условиях современной социополитической ситуации. С одной стороны, каждая страна обладает характерными для нее языковыми, социокультурными и политическими реалиями, что, в свою очередь, обуславливает выбор той или иной языковой политики; с другой – страны Европы в той или иной степени обязуются следовать принципам и нормам, установленным в рамках Европейского союза (в том числе в вопросах распространения и функционирования языков на территории этих стран). Учитывая особенности структуры и полномочия Евросоюза, можно выделить несколько уровней, на которых проводится языковая политика в странах Европы: *региональный* (местный, локальный), *государственный*, *национальный*, *наднациональный* (в данном случае общеевропейский).

Особую значимость приобретает изучение языковой политики в странах Европы с учетом культурных особенностей европейцев, с одной стороны, и социополитических настроений в изучаемом регионе сегодня – с другой. Большую роль в успехе или провале проводимой государством языковой политики играет местное население. Особый интерес вызывает практика проведения языковой политики не только «верхами» («сверху – вниз»), но и «низами» («снизу – вверх»), когда судьба многих языков (особенно региональных или языков национальных меньшинств) зависят не только от языковой политики, проводимой властями, а от граждан и носителей этих языков.

Изучение языковой политики в современной Европе представляется особо актуальным сегодня, поскольку языковая политика является прямым отражением социально-политической ситуации в регионе, а практика осуществления языковой политики в европейских странах может стать ключом к пониманию, почему одни языки (и / или идиомы) выживают, а другие со временем исчезают, и какие меры необходимо предпринять для предотвращения трагического сценария развития языковой ситуации.

Ключевые слова: языковая политика; многоязычие; Евросоюз; миноритарные языки; официальный язык.

A. A. Minasyan

Ph.D. (Philology), Lecturer, Department of Foreign Languages,
Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: dr.a.minasyan@gmail.com

**LANGUAGE POLICY OF THE EU COUNTRIES
IN THE CURRENT SOCIOPOLITICAL SITUATION**

The article studies the language policy carried out in European countries with a focus on the social and political situation in the area. The topic is of special interest due to the complicated political structure of the EU and other countries bound to follow the EU principles and agreements. The present research displays several levels where the language policy is carried out: those include the regional (local) level, state, national, supra-national (all-European) level. The success of a language policy in a European country today is defined not only by authoritative institutions but by local people, inhabitants of that country. In other words, the 'bottom-up' language policy management in European countries can be as strong and powerful as the 'top-down' one. Therefore, the destiny of languages, dialects or minority languages depends on the will and incentive of the speakers to protect it or not.

The study of the language policy mirrors the social and political situation in the area. Therefore, the current research is of special interest as a case study of a language policy bound to become more democratic and liberal by the political situation, current moods and tendencies in the region.

Key words: language policy; multilingualism; European Union; minority languages; official language.

Вопрос языковой политики в странах Европы особенно актуален в настоящее время. Европейский союз – это организация, в которую входят 28 стран, каждая из которых обладает характерной языковой, социолингвистической, экономической, политической ситуацией, что, в свою очередь, оказывает несомненное воздействие на проводимую языковую политику. Языковая политика подразумевает ряд действий и законодательных актов, направленных на воздействие социолингвистической ситуации в стране, регулирование вопросов употребления и распространения языков на той или иной территории. Вступая в Европейский союз, страна – член обязуется соблюдать положения и принципы Союза и тем самым соглашается стать частью более сложной политической структуры. В связи с этим особый интерес вызывает практика проведения языковой политики в странах – членах Евросоюза и прочих странах, которые входят в Европейскую экономическую зону или имеют схожие отношения с Евросоюзом.

Исследование языковой политики в изучаемом регионе позволило составить общую картину сложившейся ситуации и тем самым разработать классификацию языковой политики в зависимости от уровня ее проведения. Так, языковая политика на территории стран Евросоюза может проводиться на региональном (местном, локальном), государственном, национальном, наднациональном (в данном случае общеевропейском) уровнях.

Языковая политика, проводимая на *региональном* (местном, локальном) уровне, подразумевает действия, которые предпринимаются местными организациями по сохранению, развитию и распространению той или иной идиомы на территории этого региона. Как правило, в таких случаях речь идет о стандарте языковой разновидности, присущей данной территориальной области.

Успех проводимой языковой политики на региональном уровне зависит от решения местного населения говорить преимущественно на стандарте национального языка, или говорить на стандарте национального языка, но при этом сохраняя свой язык, или говорить преимущественно на своей местной идиоме. Как показывает практика, в связи с обострившимися националистическими настроениями, которые охватили Европу в XIX–XX вв., жители регионов встали на защиту своего языка или диалекта. Местные организации, правления, учреждения дошкольного, школьного и высшего образования принимают решение вести обучение на языке региона, в связи с чем активно разрабатываются учебные материалы, программы дистанционного обучения; ведется сбор материалов по языку со всех уголков региона.

Регионы Испании оказались одними из наиболее успешных в продвижении языковой политики по распространению каталанского в Каталонии, галисийского в Галисии, баскского в Стране Басков. Рассмотрим пример активной борьбы по сохранению каталанского языка, на котором говорят сегодня в Испании в автономных сообществах Каталония, Валенсия, Балеарские острова (перечисленные три сообщества некогда являлись провинциями Королевства Арагон), во Франции (департамент Восточные Пиренеи), Андорре и на территории небольшого городка на о. Сардиния (Италия). Каталанский является официальным языком в государстве Андорра, в автономных сообществах Каталония (наряду с испанским и аранским), Валенсия

и Балеарские острова (наряду с испанским). После объединения Королевства Арагон с Испанией в XVI в. и введения испанского языка в образовательную программу каталанский стал уступать свои позиции испанскому. Ситуация ухудшилась после принятия Акта об использовании испанского языка в суде и делопроизводстве от 1856 г., а в годы правления режима Франко и вовсе произошел языковой кризис: наступил процесс национализации и установления политики «единого стандарта» (кастильского), все остальные языки, включая каталанский, галисийский и язык басков, были запрещены, а учебные материалы уничтожены. И только в 1983 г. благодаря Закону о языковой нормализации каталанский язык был признан предметом исторического и национального наследия Каталонии. В связи с желанием местного населения говорить на каталанском и активным действиям региональных институтов, результаты опроса 2010 г. показали высокий результат владения каталанским языком: 95 % населения Каталонии понимают каталанский, а 67 % владеют им в совершенстве. Средний возраст людей, которые в совершенстве владеют каталанским, варьирует между 15–24 годами [Generalitat de Catalunya 2010, с. 240–244]. Данные цифры показывают положительное влияние практики использования каталанского на школьную программу на территории Каталонии.

Шетландские острова (Великобритания) также находятся в числе регионов, которые проводят активную региональную политику по сохранению своего языка. Одним из наиболее эффективных методов по сохранению шетландского диалекта является ведение дошкольного и школьного обучения на языке региона, носители шетландского стали писать и публиковать популярную литературу на диалекте, Библия была также переведена и опубликована на диалекте. Специально для образовательных учреждений были разработаны программы по преподаванию на шетландском диалекте, проводится подготовка преподавательского состава к обучению на языке [Minasyan-Bareid 2016].

Языковая политика, проводимая на *государственном уровне*, заключается в принятии решений, законодательных актов и прочих действий правительством страны по регулированию языковой ситуации на ее территории. К примеру, языковая политика по распространению фламандского (нидерландского) языка в пяти северных провинциях Бельгии, во Фландрии, где официальным языком объявлен

нидерландский (несмотря на наличие франкоязычного населения) [Delarue, De Caluwe 2014].

К государственной политике мы также относим действия правительств независимых стран, которые входят в состав королевств или федераций (Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия, которые входят в Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии). Государственная языковая политика в таком случае является легитимной лишь на территории этой страны. К примеру, в 2005 г. в Шотландии был принят Акт о гаэльском языке, согласно которому гаэльский получил статус официального языка в Шотландии.

В отличие от государственного уровня, **национальная языковая политика** подразумевает принятие ряда законодательных актов, указов и прочих действий, которые считаются легитимными на территории всего государства. К примеру, в Италии согласно Закону 482 от 1999 г. официальным языком республики является итальянский¹. Данный Акт имеет юридическую силу на всей территории Италии.

В некоторых случаях языковая политика, проводимая на государственном уровне, совпадает с национальной, но не всегда. Такая ситуация в большинстве европейских стран, за исключением Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Причиной этого является тот факт, что, как мы уже выяснили, языковая политика, проводимая правительством Шотландии, относится к типу государственной языковой политики, поскольку законодательные акты о языке и прочие решения и действия шотландского правительства имеют легитимное право лишь на территории самой Шотландии. Законодательные акты, принятые на уровне британской нации (т. е. принятые на национальном уровне), являются обязательными к исполнению на всей территории Соединенного Королевства Великобритании (Англия, Уэльс, Шотландия) и Северной Ирландии.

Языковая политика наднационального уровня. Под наднациональным уровнем понимается языковая политика, которая проводится рядом стран, состоящих в каком-либо союзе. Таким образом, любые решения, принимаемые этим союзом, имеют легитимную силу на территории стран – членов союза. Наднациональная языковая политика бывает двух типов.

¹ 1999 l 482 (1): La lingua ufficiale della Repubblica è l'italiano.

1. **Первый тип:** проведение языковой политики частными союзами, заключенными между двумя и более странами. Языковая политика, устанавливаемая членами этого союза, имеет силу лишь на территории этих стран – членов (т. е. не имеет общеевропейский охват). В 1980 г. между Нидерландами и Фландрией (Бельгией) был образован Нидерландский языковой союз (Nederlandse Taalunie) с целью обсуждения вопросов стандарта, развития языка и функционирования нидерландского на территории Голландии и Бельгии. В 2005 г. Суринам присоединился к данному союзу. Другой языковой союз был заключен между северными странами, в который входят Швеция, Норвегия, Исландия, Дания, Финляндия, Гренландия, Фарерские и Аландские острова. Страны подписали Конвенцию северных языков (2010), согласно которой жители этих стран обладают правом использования своего родного языка в письменных обращениях в государственные службы стран союза, а также правом на получение услуг переводчика в случае необходимости (особенно это касается Исландии и Финляндии, поскольку жители скандинавских стран могут понимать друг друга в той или иной степени).

2. **Второй тип:** проведение языковой политики на общеевропейском уровне. Под языковой политикой на общеевропейском уровне подразумевается языковая политика Евросоюза, которую каждая страна – член Евросоюза обязана соблюдать. Поскольку одной из задач создания Европейского союза является предоставление возможности свободного перемещения, торговли и конкуренции на территории стран Евросоюза, то соответственно принципы многоязычия, уважения культуры и языка соседнего государства являются основополагающими для Организации. 22 ноября 2005 г. Еврокомиссия впервые заговорила о важности многоязычия и владения несколькими языками в Евросоюзе. Необходимость владения языками исходила из желания свободы движения и обеспечения всех необходимых условий для создания здоровой атмосферы с целью конкуренции в рамках Евросоюза. Еще в 2002 г. на съезде Европейского совета было решено, что, как минимум, два языка (помимо родного) должны изучаться с ранних лет в школе. Еврокомиссия поставила задачу: каждый житель Евросоюза должен владеть, по крайней мере, двумя европейскими языками. Под европейскими языками подразумеваются все официальные языки стран – членов Евросоюза. На сегодняшний день в общей сложности заявлено двадцать четыре

официальных языка в Евросоюзе. Это означает, что вся документация по делам Евросоюза должна быть переведена на все двадцать четыре языка. Сложившаяся ситуация основывается на решении Еврокомиссии о равных правах всех жителей и представителей стран – членов Евросоюза. Более того, принимая языковую политику многоязычия, Еврокомиссия тем самым пытается демократизировать общество, привлечь максимальное количество людей к обсуждению политических, социальных и экономических проблем Евросоюза, и незнание того или иного языка не должно быть препятствием на этом пути. Иными словами, если гражданин той или иной страны – члена Евросоюза решит написать письмо в Еврокомиссию, сотрудники Еврокомиссии обязаны предоставить ответ на языке обращения. Стали разрабатываться критерии по определению языковой успеваемости в начальных классах. Оценивались навыки чтения, говорения и письма. Более подробно все требования и план работы описаны в документе по внедрению национальных действий по продвижению многоязычия, который был утвержден Еврокомиссией в сентябре 2007 г.

Языковая политика Евросоюза в значительной степени привнесла поправки и корректировки в политику многих европейских стран – членов Евросоюза. К примеру, в начальной школе в Дании повсеместно обучают английскому языку. Английский язык является обязательным предметом для изучения с третьего по девятый класс, а немецкий или французский предлагаются в качестве предмета на выбор с седьмого по девятый класс. По мнению датского ученого Нильса Дэвидсена-Нильсена, данная политика многоязычия позволила снова укрепить ослабившиеся до недавнего времени позиции немецкого и французского языков в Дании [Davidsen-Nielsen 2007]. Помимо английского, французского и немецкого школьники в датских школах могут теперь выбрать ряд других языков для изучения (испанский, итальянский, китайский, русский или арабский).

Языковая политика, предписанная комитетами Евросоюза, в наибольшей степени повлияла на языковую политику Франции. Франция – это именно то государство, которое впервые привнесло понятие «одна нация – один язык». Наиболее консервативная монолингвальная страна пересматривает свою языковую политику. Об этом свидетельствует отчет французского языковеда директора Национального института французского языка Б. Черкилини от 2003 г., в котором впервые дается

классификация языков, функционирующих на территории Франции, под названием «Языки Франции». Более того, согласно Программе образования для начальной школы, обучающиеся имеют возможность выбора изучения регионального языка вместо другого иностранного. Список иностранных языков на выбор был также дополнен: теперь дети в возрасте девяти лет могут изучать итальянский, португальский, русский, китайский или арабский вместо стандартного списка, который включал английский, немецкий и испанский языки [Hélot 2003].

Изучение вопросов языковой политики и ее реализации на практике имеет особое значение, поскольку языковая политика является прямым отражением социально-политической ситуации в регионе. К примеру, проведение правительством политики «единого стандарта» свидетельствует о политическом, экономическом или социальном кризисе в стране. Первым показателем служит ущемление прав жителей страны, которое проявляется в установлении запрета на использование своего языка или диалекта, а также в попытке искоренения прочих помимо «единого стандарта» языков (в том числе языков национальных меньшинств). Достаточно вспомнить языковую политику «пьюризма», проводимую в Великобритании в XVIII–XIX вв., когда в стране была бедственная ситуация: вся власть сосредоточилась в руках знати, росла нищета среди населения, появился большой слой рабочего класса и наблюдался критически низкий уровень образования. Аналогичная ситуация наблюдалась в Италии во времена правления фашистов в XX в.: в это время отрицалось все неитальянское, вся заимствованная лексика, диалектные формы. Люди, фамилии которых звучали не «по-итальянски», были вынуждены менять их на итальянский манер. В 1930 г. запрещается показ фильмов на иностранных языках, в 1940 г. выходит Закон, запрещающий использование иностранных слов на рекламных плакатах, в профессиональной деятельности и в любого рода публикациях. Фашистская языковая политика коснулась языковых национальных меньшинств в том числе. В 1920-х гг. Б. Муссолини заявил, что немцы, проживающие в регионе Алто Адиге, не относятся больше к национальным меньшинствам, а являются пережитками этнической группы. Таким образом, немецкий язык в регионе потерял статус официального языка, а со временем и вовсе подвергся запрету. Сардинский язык не попал в список запрещенных языков только потому, что его считали одной из разновидностей итальянского.

С другой стороны, благополучная и стабильная социально-политическая ситуация в стране приводит к демократизации языковой политики и поддержанию языкового богатства страны. К примеру, после долгих лет правления Франко, когда Испания снова встала на путь восстановления, в 1994 г. принимается решение Конституционного суда Испании «О языковой политике в билингвальных языковых сообществах», согласно которому дети имеют право проходить обучение в начальной школе на их родном языке. Более того, например, в Каталонии к моменту окончания школы обучающиеся должны свободно владеть как кастильским, так и их родным языком (дипломы не выдаются тем ученикам, которые в совершенстве не владеют обоими языками). Вся внутренняя документация образовательных заведений должна вестись на каталанском. Каталанский стал языком образования и языком общения как на территории школы, так и за ее пределами.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение языковой политики в рамках современной социополитической ситуации в Европе имеет особую важность для понимания направления, в котором движутся страны Европы, и какие политические и социальные рычаги имеют наибольший вес.

Данное исследование показало, что регулирующим рычагом воздействия на языковую политику стран Европы в настоящее время является политическая организация Европейский союз. Именно он установил и закрепил принципы уважения и сохранения языкового богатства стран – членов Союза. Благодаря Европейской хартии региональных языков и языков этнических меньшинств многие европейские страны вынуждены были признать и принять статус многочисленных языков, имеющих распространение и активно функционирующих на их территории. Другим определяющим фактором, специфичным европейской культуре и менталитету, является народ, а именно – жители и сами носители языков и диалектов. Благодаря активной работе граждан по сохранению того или иного языка, судьбы многих региональных языков и языков этнических меньшинств были благополучно сохранены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Davidson-Nielsen N. Danish language policy in comparison with the language policy of the European Union. URL : www.efnil.org/documents/conferencepublications/riga-2007/Riga-14-Davidson-Nielsen-Mother.pdf

- Delarue S., De Caluwe J.* Eliminating social inequality by reinforcing standard language ideology? Language policy for Dutch in Flemish schools // *Current Issues in Language Planning*. 2015. 16 (1–2). P. 8–25
- Hélot Ch.* Language Policy and the Ideology of Bilingual Education in France // *Published in Language Policy*. 2003. № 2. P. 255–277. URL : www.academia.edu/6743268/Language_Policy_and_the_Ideology_of_Bilingual_Education_in_France
- Language Policy Report 2010 of the Generalitat de Catalunya. P. 240–244.
- Minasyan A.* Language policy, national identity and politics // *European Scientific Journal*. 2014. № 2. P. 1857–7881.
- Minasyan-Bareid A.* Changing Tendencies in the UK: Teaching Dialects in Schools and Standardization // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11, No. 18. P. 10961–10970. URL : www.ijese.net/makale/1480

СЕРБСКАЯ КИРИЛЛИЦА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕРБОВ

В статье речь идет об истории и перспективах на будущее сербской кириллицы. Актуальность данной темы обусловлена опасностью формального подхода к выбору графики: в настоящее время в Сербии используются и кириллица (официальное письмо), и латиница. Такая практика сложилась в результате законодательно закрепленного равноправия двух график в социалистической Югославии. После распада Югославии сербы не только не ограничивают употребление латиницы, но и расширяют права хорватского меньшинства: издаются учебники на латинице с хорватскими лексическими дублетами для школьников-хорватов, живущих в Сербии. Хорватское меньшинство в соответствии с межгосударственными соглашениями имеет право на защиту своей национальной идентичности, культурной и религиозной самобытности. Однако в Хорватии сербское меньшинство вынуждено пользоваться только латиницей. Аргументация противников кириллицы проста: если сербское законодательство допускает обе графики, хорватским сербам кириллица не нужна. Сербь, живущие в Хорватии, говорят на том же языке, что и хорваты, но называется язык хорватским, а не сербскохорватским, как когда-то. В сущности, именно кириллица и, конечно, православная традиция помогают сербам оставаться сербами. Вопрос о выборе письма нельзя решать формально без учета культурно-исторической и религиозной составляющей. Современная сербская кириллица появилась в результате реформы Вука Караджича, который опирался на традицию Св. Саввы. В XII в. основатель сербской королевской династии Стефан Неманя принял греческое православие и кириллицу. Этому способствовала миссионерская деятельность его сына Св. Саввы. Кириллица стала одним из главных факторов формирования национальной идентичности сербов. Двойные стандарты в оценке событий Гражданской войны на территории бывшей Югославии, демонизация сербского народа в результате информационной войны и прочие неблагоприятные экстралингвистические факторы сказываются и на кириллице. Защиту кириллицы следует рассматривать в контексте сохранения культурного наследия и права на национальную идентичность сербов.

Ключевые слова: смена алфавита; кириллица; латиница; сербский язык; сербскохорватский язык; славяносербский язык; социоллингвистика; национальная идентичность.

O. A. Prosvirina

Ph.D. (Philology), Associate Professor at the Department of Russian and Other Slavonic Languages, the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: prosvirinaolga@gmail.com

**SERBIAN CYRILLIC
AS A FACTOR OF NATIONAL IDENTITY OF THE SERBS**

The article deals with the history and future of Serbian Cyrillic. Today both Cyrillic and Latin letters are used in Serbia. This tradition appeared due to the legal status of the two alphabets in Yugoslavia under socialism. Since the collapse of Yugoslavia the Serbs have not limited the usage of Latin alphabet. They expand the rights of the Croatian minority in Serbia: Croatian textbooks are printed in Latin letters for Croatian schoolchildren living in Serbia, according to the agreement between the two governments; the Croatian minority can protect their national identity, their cultural and religious tradition. However, in Croatia the local Serbs have to use Latin letters. The opponents of Cyrillic have simple arguments: both alphabets are equal according to the Serbian law. Therefore, the Serbian minority can do without Cyrillic. Serbian and Croatian people in Croatia speak the same language, but its name is Croatian instead of Serbo-Croat as before. In fact, Cyrillic along with the Orthodox Church allow the Serbs to preserve their identity. The problem of choice between two alphabets can not be solved in a formal way. We should take into consideration the Serbian cultural tradition and orthodox background. The modern Serbian Cyrillic alphabet was born due to the reform of Vuk Karadzich who respected the tradition of Saint Savva. In the XII century Stefan Nemanya, the founder of the medieval Serbian dynasty, accepted the Orthodox Church and Cyrillic alphabet that was promoted by his son's St. Savva's missionary activities. Cyrillic has become one of the main factors of the Serbian national identity. Double standards in attitude towards the civil war in former Yugoslavia, demonization of the Serbian people in the course of the information war and other negative extra-linguistic factors have affected Cyrillic too. It should be protected as a part of cultural heritage and national identity of the Serbs.

Key words: change of alphabet; Cyrillic; Latin letters; Serbian; Serbo-Croat; Slavonic-Serbian; sociolinguistics; national identity.

Сербские лингвисты, деятели культуры, политологи уже давно с тревогой говорят о том, что благодаря параллельному использованию кириллического и латинского алфавитов происходит стремительная экспансия латиницы. Чаще всего причину ищут в Новосадском договоре 1954 г., когда оба алфавита были признаны равноправными, и латиница начала наступление из католической Хорватии на православные Сербию и Черногорию. Украинские лингвисты охотно ссылаются на сербский опыт, доказывая целесообразность равноправного

употребления кириллицы и латиницы, чтобы быть ближе к Европе. Несомненно, сербский опыт заслуживает серьезного социолингвистического анализа. Принцип равноправия не всегда соблюдается – об этом свидетельствует отношение к кириллице в Хорватии (когда-то входившей в состав Югославии). Даже в местах компактного проживания сербов они не могут учиться по кириллическим учебникам, писать кириллицей названия на табличках и вывесках (их регулярно сбивают). В Сербии вывески на латинице не трогают, более того, заключенные в 2016 г. межправительственные соглашения по защите национальных меньшинств выполнены почти полностью. Хорваты в Сербии (0,8 % населения страны) имеют широкие возможности поддерживать национальную и религиозную самобытность. В Хорватии право сербов писать кириллицей не признают, ссылаясь на сербское законодательство, допускающее использование латиницы. Таким образом, проблема решается формально, без учета многовековой истории кириллицы у сербов, связанных с ней национальных и религиозных чувств.

Актуальность данной темы обусловлена уже тем, что у латиницы больше сторонников, чей голос звучит громче и уверенней, чем у защитников кириллицы. В статье ставится задача напомнить некоторые связанные с кириллицей исторические факты, опираясь на неангажированные объективные исследования, и попытаться проанализировать мотивы противников кириллицы.

Современная сербская кириллица обязана своим рождением реформе Вука Караджича, хотя официальное признание она получила в 1868 г., спустя четыре года после его смерти. По мнению некоторых лингвистов, в первую очередь сербского историка языка Павле Ивича, Вук совершил настоящую революцию, принципиально изменив состав сербской азбуки по сравнению с русской и церковнославянской традицией (цит. по: [Гудков 1993]). Он отверг графемы, «перекочевавшие» когда-то из греческого письма и не соответствовавшие славянской фонетике, в частности фонетической системе сербского языка. Вследствие отвержения большинства согласных сербский алфавит не нуждался в гласных буквах, указывающих на мягкость предшествующего согласного (ср.: *та – тя, то – тѣ, ту – тю*). Поскольку указанные гласные буквы могут обозначать и звуко сочетания [ѣа], [ѣо], [ѣу], сербская кириллица пополнилась графемой *j*, заимствованной

из латиницы. Буквы *ы*, *э* тоже оказались лишними. Вук Караджич оставил 24 буквы, использовавшиеся на тот момент в русской кириллице, но добавил несколько графем, необходимых для передачи особых сербских фонем. По совету Саввы Мркаля он вводит буквы *љ*, *њ*, представляющие собой «сплав» твердых согласных букв *л*, *н* и мягкого знака (*ь*). Графемы *ћ*, *ђ*, обозначающие мягкие аффрикаты, восходят к древнесербскому письму – глаголице, распространенному у сербов до XII в. Таким образом, сербская кириллица идеально передает сохранившуюся корреляцию парных по твердости – мягкости согласных [*л* – *љ*], [*н* – *њ*], [*ч* – *ћ*], [*ш* – *ђ*]. Тридцать букв сербской кириллицы хорошо «подогнаны» под сербскую фонетическую систему и обеспечивают принятый Вуком фонетический принцип правописания. Реформа Вука Караджича стала символом национального возрождения у сербов.

С 1803 г. Сербия боролась за независимость от Османской империи, а полноценную государственность обрела лишь в 1882 г. Деятельность Вука Караджича по сбору и публикации народного фольклора, составлению «Сербского словаря» и грамматики получила поддержку в Вене и Москве. В России Вук побывал всего лишь раз, а вот австро-венгерские чиновники и филологи поддерживали его начинания на протяжении многих лет. И всё же попытки навязать сербам латиницу не увенчались успехом. Эти попытки противоречили сформировавшейся традиции использования кириллицы. Напомним, что реформе Вука Караджича предшествовала эпоха так называемого славяносербского, или русско-церковнославянского-сербского языка. Во второй четверти XVIII в. сербы обучались у приглашенных из России учителей. Основным учебным пособием служил букварь Феофана Прокоповича, который доставил в сербский город Сремски Карловци Максим Суворов в 1726 г. Как убедительно доказывает выдающийся российский сербокроатист В. П. Гудков, упомянутый учебник мог создать у учащихся представление о допустимости смешения церковнославянских и народных лексем и словоформ. «И хотя в сербской среде в первой половине XVIII в. количество грамотных, а тем более начитанных людей было невелико, неединообразие, невыдержанность слога русских учебных книг в формальном и лексическом отношении не могли не замечаться читателями-сербам. Сведения о соединении в книжном языке церковнославянских и русских элементов учащиеся

сербы могли получить и изустно, от русских, трудившихся в Сремских Карловцах и иных местах. В условиях, когда православные сербы импортировали из России организацию школьного дела, учебную литературу, богослужебные издания и светские книги и принимали всё это как непрременную часть своей собственной культуры, пример русской книжности служил для пишущих сербов импульсом к введению в создаваемые ими тексты элементов живой, естественной речи. Во всяком случае русская книжно-языковая практика своим авторитетом способствовала возникновению атмосферы толерантного отношения к инфильтрации слов и форм “простого” (в данном случае сербского) языка в русско-церковнославянскую “ткань” книжных текстов» [Гудков 1993, с. 10].

Таким образом, православные сербы читали русские книги, а писали на смешанном языке – русском с элементами народной сербской лексики и грамматики. Орфография в сербских книгах, документах, частных письмах тоже была неомогенной. С одной стороны, использовалась орфография церковнославянского языка, с другой – в письменную речь образованных сербов проникала светская орфография. Реформа Вука Караджича была подготовлена десятилетиями практической адаптации русской кириллицы к особенностям сербской фонетики. Вот как об этом пишет В. П. Гудков: «Буквенная избыточность не была большой помехой для писавших и печатавших сербские тексты, так как общественное мнение допускало взаимодействие русско-церковнославянских речевых единиц в соответствующем графическом оформлении и элементов родного, сербского языка. При записи сербских слов графический репертуар русской церковной кириллицы несколько сокращался, сближаясь по составу с русской гражданской азбукой – с прибавлением буквы *ћ* и эпизодически, что документируется только одним примером, буквы *ѣ*. Весьма знаменательно изменение функций некоторых букв. Так, *ѣ* (ѣ) используется для записи [je] и [‘e]: п е р ѣ (= *perje*), у г л ѣ н (= *ugljen*)» [Гудков 1993, с. 171]. Причины такого явления вполне понятны. В ряде говоров штокавского диалекта, в том числе на родине Вука Караджича, в селе Тршич древний *ѣ* дал дифтонгический рефлекс: д ѣ д = *djed*, х л ѣ б = *xъeb*. Поэтому сербы воспринимали *ѣ* как графическое обозначение звукосочетания [je] или [‘e] после мягких согласных. В текстах сербского писателя Захария Орфелина и большинства

других образованных сербов того времени последовательно употребляется буква *ь* для передачи сербских мягких согласных. В сербских словарях конца XVIII в. уже преобладало написание слов с мягкими согласными без так называемых мягких гласных *я, ё, е, ю*, например: *свадѣа = свађа, кутѣа = куђа, гатѣе = гађе, тѣуприѣа = ћуприја*. В процессе «подгонки» орфографии под народную речь диграфы уступили место особым графемам, так или иначе укоренившимся в сербской письменной практике.

Согласно Венскому договору 1850 г. сербы и хорваты объявили сербскохорватский язык общим литературным языком с двумя равноправными орфоэпическими нормами – «экавицей» и «екавицей», а также двумя равноправными графиками: кириллицей у сербов и латиницей у хорватов. Чтобы понять, почему Вук Караджич твердо отстаивал статус кириллицы, целесообразно вернуться на несколько столетий назад. Традиция использования кириллицы уходит своими корнями в глубокую древность. Заселявшие Балканский полуостров славяне имели свою графику – глаголицу. Однако, по мнению хорватского лингвиста Йосипа Хамма, достоверных сведений о том, что глаголица как упорядоченный алфавит намного старше кириллицы нет, предки сербов и хорватов использовали две графики параллельно [Hamm 1974]. Старославянская кириллица была избыточной, так как несколько графем не имели фонетического содержания, а перешли в кириллицу из греческого алфавита из-за числового значения. В то же время славянская фонетика отличалась от греческой, следовательно, кириллический алфавит должен был пополняться новыми графемами, возможно, из глаголицы.

Латынь и латинский алфавит навязывались славянам представителями Рима, несмотря на то что язык был совершенно непонятным, а графика не соответствовала особенностям славянской фонетики. И всё же, в XII в. сербский король Стефан Неманя осознанно и решительно сделал выбор в пользу кириллицы и греческого православия. Неманя понимал значение церкви для укрепления своей власти. Он крестился у католического священника, пребывая в подвластных ему землях на Адриатике. Однако позже, под влиянием сына Растко, в монашестве Саввы, завоевавшего огромный авторитет своим аскетизмом и духовными исканиями, Неманя принял православие [Црњански 2011]. Древнейшим кириллическим памятником у сербов

считается Мирославо Евангелие, которое Неманя заказал в 1180 г. для своего брата Мирослава, правившего в Хуме. В ходе визита в Сербию в январе 2019 г. В. В. Путин подарил Президенту Сербии А. Вучичу страницу этой святыни, ранее хранившуюся в России. Святитель Савва считал, что переведенные на славянское наречие и написанные кириллицей книги способствуют просвещению народа.

С 1389 г., когда христианское войско под предводительством сербского князя Лазаря, потерпело поражение в битве против турецких завоевателей, православное население подвергается насильственной исламизации. Св. Савва становится не только символом православного благочестия и духовности, но и знаменем в борьбе за национальное освобождение от турецкого ига. После образования королевства Сербия Св. Савва стал почитаться как покровитель просвещения. Кириллица была графической формой перевода Священного Писания на народный язык, понятный верующим и в древности, и спустя столетия. Она ассоциируется с основополагающими принципами сербского православия. Традиция Св. Саввы отвергает теократию и утверждает «теодулию» – служение Богу. Сербские средневековые правители, продолжая эту традицию, строили монастыри и принимали постриг в конце жизни [Велимировић 2003]. Таким образом, изначально кириллица у сербов несла историческую память о православном учении Св. Саввы – краеугольном камне сербства.

Пять столетий турецкого ига поставили сербское православие и просвещение на грань выживания. Из России они получали книги на русском и церковнославянском языке. Если русский язык обогатился благодаря церковнославянизмам – словам южнославянского происхождения, то сербский язык в XVIII в. «прирос» русской лексикой, которая живет до сих пор, как правило, в качестве книжных синонимов народных слов. Заимствованная из русского языка лексика сыграла значительную роль в формировании специальных функциональных стилей сербского литературного языка [Иванова 2016]. В этом культурном обмене важную роль играла кириллическая графика.

Ряд сербских, хорватских, черногорских и боснийских деятелей культуры и науки подписали в 2017 г. Декларацию об общем языке. В тексте этого документа прямо сказано, что название языка (сербский, хорватский, боснийский, черногорский), лексические особенности, графика стали инструментом карьеристов, прикрывающихся

патриотическими лозунгами [Просвирина 2017]. Ведь распад Югославии не только не укрепил тенденцию стандартизации указанных языков, а скорее, привел к «размыванию» диалектных различий [Wayles, 2006]. Отказ от штокавской диалектной базы в пользу кайкавского, чакавского и других диалектов, возможно, завершит размежевание языков. Остается сожалеть о том, что объектом нападок стала и сербская кириллица – великолепный пример простого и изящного графического оформления звукового строя языка. Формальный подход к выбору графики в Сербии или за ее пределами непродуктивен. Кириллица несет в себе культурную и историческую память народа и подлежит защите, как любое материальное и нематериальное культурное наследие и фундаментальное право народа на национальную идентичность. Борьба с кириллицей – фактор информационной войны наряду с двойными стандартами в оценке событий Гражданской войны в бывшей Югославии. Демонизация сербов, отрицание их вклада в историю и культуру южных славян имеет вполне прагматичную мотивацию: достижение определенных политических целей, в частности оправдание сецессии Косово и принуждение к дипломатическому признанию самопровозглашенной республики. На первый (поверхностный) взгляд латиница приближает сербов к Европе. Однако более глубокий анализ проблемы с учетом истории и современных экстралингвистических факторов заставляет задуматься о правомерности подобных простых решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Велимировић Св. Владика Николај. Српски народ као Теодул. Београд : Евро, 2003. 263 с.
- Гудков В. П. Сербская лексикография XVIII века / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, филологический факультет. М. : ТОО Бизнес-круг, 1993. 177 с.
- Иванова И. Е. Опыт преподавания сербского языка как языка специальности // Актуальные проблемы обучения профессионально ориентированному иноязычному общению : материалы Всероссийской заочной науч.-практ. конф., посв. 85-летнему юбилею Московского государственного областного университета и 80-летию кафедры иностранных языков. 2016. С. 40–45.
- Просвирина О. А. Сербскохорватский язык: от поливариантности к полицентричности // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы

исследования и проблемы преподавания. М. : Изд-во Дипломатической академии МИД России, 2017. С. 101–113.

Црњански М. Свети Сава. Београд : Привредник, Задужбина Милоша Црњанског, 2011. 155 с.

Wayles B. Serbo-Croat // *The Slavonic Languages*. London and New York : Routledge, 2006. P. 308–387.

Hamm J. Staroslovenska gramatika. Zagreb : Školska knjiga, 1974. 203 s.

REFERENCES

Velimiroviћ Sv. Vladika Nikolaj. Srpski narod kao Teodul. Beograd : Evro, 2003. 263 s.

Gudkov V. P. Serbskaja leksikografija XVIII veka / Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M. V. Lomonosova, filologičeskij fakul'tet. M. : TOO Biznes-krug, 1993. 177 s.

Ivanova I. E. Opyt prepodavanija serbskogo jazyka kak jazyka special'nosti // Aktual'nye problemy obuchenija professional'no orientirovannomu ino-jazychnomu obshheniju : materialy Vserossijskoj zaochnoj nauch.-prakt. konf., posv. 85-letnemu jubileju Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta i 80-letiju kafedry inostrannyh jazykov. 2016. S. 40–45.

Prosvirina O. A. Serbskohorvatskij jazyk: ot polivariantnosti k policentrichnosti // Jazyk. Kul'tura. Obshhestvo. Aktual'nye voprosy, metody issledovanija i problemy prepodavanija. M. : Izd-vo Diplomaticheskoy akademii MID Rossii, 2017. S. 101–113.

Crњanski M. Sveti Sava. Beograd : Privrednik, Zaduzhbina Milosha Crњanskog, 2011. 155 s.

Wayles B. Serbo-Croat // *The Slavonic Languages*. London and New York : Routledge, 2006. P. 308–387.

Hamm J. Staroslovenska gramatika. Zagreb : Školska knjiga, 1974. 203 s.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanitarian Sciences
Выпуск 12 (828)	Issue 12 (828)

Ответственный редактор выпуска 12 (828)
доктор филологических наук, профессор Т. С. Сорокина

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 03.12.2019
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 11,3.
Заказ № 95/19

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.